ЗАПІСЫ

таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага

Выпуск 4

1

2

3

4

5

ЗАПІСЫ
ТАВАРЫСТВА АМАТАРАЎ
БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ
ІМЯ ВАЦЛАВА ЛАСТОЎСКАГА

Выпуск 4

БІТВА ПАД ОРШАЙ
1514—2014

РЫГА
Інстытут беларускай гісторыі і культуры
2014

УДК 94(476)(059)

Арганізацыйны камітэт
Менскай гарадской злучнасці
таварыства аматараў беларускай гісторыі
імя Вацлава Ластоўскага

Інстытут беларускай гісторыі і культуры

Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Выпуск 4. Бітва пад Оршай / Укладальнік і рэдактар А. Я. Тарас. — Рыга : выданне ІБГіК, 2014. — 224 с.

ISBN 978-9984-897-13-4

Чацвёрты выпуск «Запісаў ТАБГ» прысвечаны 500-годдзю славутай перамогі нашых продкаў над маскоўскімі захопнікамі 8 верасня 1514 г. У гэтым выпуску надрукаваны матэрыялы міждысцыплінарнай навуковай канферэнцыі, якая адбылася ў Менску 6 верасня 2014 г.: 12 рэфератаў, а таксама 11 перадрукаў. У сваёй сукупнасці яны даюць адказы на большасць спрэчных пытанняў, звязаных з Аршанскай бітвай і падзеямі вайны 1512—1522 гг.

На першай старонцы вокладкі — карціна «Аршанская бітва 1514 г.» украінскага мастака Андрэя Халаменюка. На другой, трэцяй і чацвёртай старонках вокладкі — малюнкі Віктара Ляхара (глядзі старонкі 92—93).

ISBN 978-9984-897-13-4

ПРЕДИСЛОВИЕ
составителя-редактора

Когда-то российский историк Михаил Покровский (1868—1932) заявил: «история есть политика, опрокинутая прошлое». В последующие десятилетия коммунистические идеологи лицемерно отрицали этот тезис. Но жизнь снова и снова показывает: М.Н. Покровский был абсолютно прав.

Развалился Советский Союз, испортились отношения между Россией и ее бывшими колониями — сразу же были извлечены из старых книг давно забытые аргументы. Вот, к примеру, в Москве сотни лет подчеркивали преемственность в развитии российской государственности от Киева. Но как только Украина начала удаляться от России в западном направлении, был извлечен другой аргумент (столь же фальшивый, как и предыдущий): «Российская государственность берет начало не в Киеве, а в Старой Ладоге, от Рюрика».

Оно бы и неплохо, только вот «Рюрик Русский» никогда в природе не существовал! И еще. Есть такой раздел в генетике — генетическая генеалогия. Один из ведущих специалистов в этой области, А.А. Клёсов, специально исследовал генетический материал ныне живущих потомков «рюриковичей». Он пришел к однозначному выводу: все они — потомки разных людей, не имевших одного и того же общего прародителя.

В этом году патриоты Беларуси отметили 500-летие победы наших предков над московскими захватчиками в битве, произошедшей 8 сентября 1514 года неподалеку от Орши. Для беларусов, стоящих на национально-патриотической позиции эта битва — выдающееся событие в нашей истории. И напротив, люди, защищающие политические интересы соседних государств и местных компрадоров, делают все возможное для того, чтобы преуменьшить значение Оршанской победы, бросить тень на ее героев.

Между представителями обоих направлений уже давно идут споры, которые по характеру используемой аргументации и значению делаемых выводов выходят далеко за пределы академической историографии. Поэтому общественный Институт беларуской истории и культуры (ИБИК) решил провести междисциплинарную научную конференцию, посвященную войне 1512—1522 гг. и ее центральному событию — Оршанской битве.

Конференция состоялась 6 сентября 2014 года. В ней приняли участие профессиональные историки, а также краеведы, культурологи и писатели. Работа конференции, содержание сделанных на ней докладов были отражены в информационных сообщениях и содержательных публикациях ряда

средств массовой информации: БелаПАН, БелСАТ, ЕвроБеларусь, «Историческая правда», «Новы час», «Салідарнасць», «Свабода», «Секретные исследования», «Туризм и отдых», а также в многочисленных перепечатках.

По нашему мнению, доклады, представленные на конференции, и состоявшаяся дискуссия дали четкие недвусмысленные ответы на все вопросы принципиального значения, связанные с Оршанской битвой. Сделанные выводы представляют немалый интерес для беларуской общественности. Поэтому руководящий совет ИБИК принял решение о публикации материалов конференции.

В руках у читателей — сборник этих материалов.

Он разделен на три части. Первая часть — тексты докладов. Они расположены в логической последовательности «от общего к частному».

Вторая часть — статьи разных авторов, опубликованные в разное время, начиная с 1856 года и кончая годом 2012. Вместе взятые, они дают много интересной информации о войне 1512—1522 гг. вообще и о сражении под Оршей в частности.

Третья часть содержит несколько публикаций общего характера, появившихся в прессе в связи 500-летним юбилеем Оршанской битвы.

Профессор Анатоль Тарас,
ученый секретарь Института беларуской истории и культуры

Частка I. РЭФЕРАТЫ

БИТВА ПОД ОРШЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ И ВОЙНЫ

Анатоль Тарас,
редактор исторического альманаха «Деды»

1. ПАРАЛЛЕЛИ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Почему нам сегодня интересно сражение, состоявшееся 500 лет назад?

Во-первых потому, что идеологической основой для серии войн Московского государства с Великим Княжеством Литовским в XV—XVI веках явился лозунг «собирания русских земель вокруг Москвы». Как известно, в результате 4-х войн, развязанных за 30 лет (1492—1494; 1500—1503; 1507—1508; 1512—1522) Москва захватила у ВКЛ около 26 % территории — Северские и Верховские удельные княжества, а также всю Смоленщину!

Напомню попутно, что первыми жертвами московских хищников стали Новгородская феодальная республика (в 1471 г.), Великое княжество Тверское (в 1485 г.), Вятская феодальная республика (в 1489 г.), Псковская феодальная республика (в 1510 г.)

Именно лозунг «собирания русского мира» в настоящее время возрожден путинской кликой, более того, с весны текущего года он стал «национальной идеей»! Дескать, «Россия встала с колен», восстановила силы и пришла пора вернуть то, что якобы «принадлежит ей по праву!»

Вывод: *И лозунг «собирания русских земель вокруг Москвы», и концепция «собирания русского мира» означают одно и то же — агрессию в чистом виде! Этот тезис хорошо подтверждается тем фактом, что, не успев еще «разобраться» с Украиной, в Москве заговорили о Казахстане, мол, и русских там притесняют, и государство это искуственное. Все северо-западные, северные и северо-восточные области Казахстана — исконные русские земли, потому что их осваивали казаки!*

Во-вторых потому, что и тогда, и сейчас Москва прикрывает свои истинные цели лживыми аргументами. Тогда это были сказки о возврате «земель Рюриковичей». Московские послы везли Казимиру IV Ягайловичу грамоту Ивана III, где было прямо сказано:

> «Ано не то одна наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города, которые он (Казимир Ягайлович. — *А.Т.*) за собой держит к Литовской земле, з божью волею, из старины, от наших прародителей наша отчина».

Дескать, мы, князь московский, хотим вернуть свою «отчину» — те земли ВКЛ, где когда-то сидели князьями так называемые «рюриковичи» (хотя «Рюрик русский» не существовал в природе, это миф, придуманный Нестором в его «Начальной летописи»)*. А границей между Москвой и Литвой он назвал Березину. Пока послы ехали, Казимир 7 июня 1492 года внезапно умер. Что ж, грамоту несколько позже предъявили новому великому князю — Александру Казимировичу.

Сын Ивана, Василий III добавил еще один рубеж — Западную Двину с Витебском и Полоцком. Наследовал он отцу и в плане идейного обоснования захватов. Так, в марте 1507 г. Василий III заявил литовским послам, прибывшим от Сигизмунда I, только что севшего на престол, по поводу Верховских и Северских земель:

> «Мы городов, волостей, земель и вод Сигизмундовых, его отчин никаких за собою не держим (...), а то прародителей наших и вся Русская земля наша отчина».

Предлогами для развязывания очередной агрессии каждый раз тоже служили выдумки. Так, Василий III заявил, что хочет отомстить Сигизмунду за обиды сестры — великой княгини Елены. На самом деле «притеснения» Елены Ивановны выдумал приставленный к ней подъячий Федор Шестаков. Шестаков лгал, будто бы и Елену, и всех православных Литвы силой заставляют перейти в католичество. А.В. Ярушевич писал в 1896 году:

> «Великий князь, *под предлогом мщения* (курсив мой. — *А.Т.*) за упомянутое оскорбление Елены, в декабре 1512 года двинулся к Смоленску» (с. 130)**.

О том, что пресловутые «обиды» великой княгини являлись выдумкой, только поводом для начала войны, писали и С. Герберштейн в «Записках о Московии», и такой «певец империи» как Н. Карамзин в «Истории государства Российского».

Сейчас мы видим то же самое. В качестве предлога Москва использует сказки о фашистской хунте, захватившей власть в Киеве, об угрозе появления баз НАТО в Крыму и Украине, о «звериной жестокости бандеровцев» и т.д.

***Вывод:** все аргументы Москвы о «собирании» (своих вотчин, русского мира) — это подтасовка или извращение фактов + выдумки + фальсификации.*

---

* Основой для мифа послужили предания о военном предводителе из Дании по имени Хрёрик (или Рёрек), который умер в 873 г. Он стремился подчинить своей власти Данию и Фрисландию. А один из вождей западных славян, Гостомысл, попытался сделать его своим преемником. Славяне-ободриты, колонизовавшие регион Ладоги — Новгорода, принесли сюда легенды о Рёреке и Гостомысле. Их потомки за 200 лет привязали эти легенды к новой отчизне. Вот так сложился миф, который повторил Нестор в своей «Начальной летописи».

** Все цитаты А.В. Ярушевича даны по его книге «Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский и православная литовская Русь его времени». Смоленск, 1896.

В-третьих потому, что и тогда, и сейчас только внутреннее единство народа — жертвы агрессии, и союз с дружественными странами способны обеспечить победу над московскими агрессорами.

Напомню, что ВКЛ в одиночку не могло справиться с войсками Москвы. Но, благодаря личной унии, на помощь пришли поляки.

И сейчас остановить агрессию Москвы удастся только в том случае, если народ Украины объединится вокруг своего президента и его сподвижников, а также если борьбу украинцев поддержат страны Евросоюза, США, Канада. Поддержат мерами политическими, экономическими и военными.

Наглядный пример — агрессия СССР против Финляндии в 1939—40 гг. Внутри страны даже финские коммунисты единодушно выступили на защиту своего Отечества. На международной арене Финляндию поддержали Великобритания (угрожавшая высадкой десанта в Арктике и бомбардировками нефтепромыслов в районе Баку), Франция, Швеция и ряд других стран. Они начали поставлять оружие, медикаменты, продовольствие, оказали финансовую помощь, на войну поехали добровольцы, в том числе летчики и другие военные специалисты. Сталину пришлось довольствоваться минимальным захватом — Карельским перешейком, а ведь его изначальной целью являлось превращение Финляндии в еще одну советскую республику, с последующим вхождением ее в состав СССР.

Вывод: *без достижения единства внутри страны, ставшей жертвой очередной агрессии, и без создания широкого международного фронта солидарности с ней остановить московских захватчиков никому не удавалось.*

2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОРШАНСКОЙ ПОБЕДЫ

В 2011 г. в Санкт-Петербурге была издана книга кандидата исторических наук А.Н. Лобина «Битва под Оршей». В ней 210 страниц основного текста, еще 49 страниц занимают примечания, ссылки, иллюстрации.

> ***Справка:*** Кто такой Алексей Николаевич Лобин? Ему 37 лет, он является руководителем группы научно-методических разработок госкомплекса «Дворец конгрессов» Управления делами президента РФ в Санкт-Петербурге. Т.е. штатный специалист правящего режима. Смею думать, что он числится также в штатах ФСБ, имеет там какой-то чин.

Его книга — единственная монография в России, посвященная войне 1512—1522 гг. и Оршанской битве. Штатный фальсификатор Лобин делает в ней принципиальные выводы, весьма характерные для современной российской историографии:

> а) «По своим масштабам, задействованным силам и политическим последствиям она /Оршанская битва. — *А.Т.*/ , скорее, претендовала на место тактической, а не стратегической победы. «Грандиозной» Оршанская битва стала прежде всего в тенденциозных сочинениях публицистов XVI века» (с. 209).

б) «Вопреки распространенному мнению, Орша 1514 г. не остановила решительные военные действия со стороны Российского государства. Война продолжалась еще восемь лет, в ходе которых русские войска доходили до окрестностей Вильны и фактически заперли противника в городах, заставив его отсиживаться за мощными крепостными стенами» (с. 211).

в) «В конечном итоге десятилетняя война 1512—1522 гг. королем была проиграна: ВКЛ потеряло Смоленскую землю» (там же).

При этом Лобин уверенно заявляет:

«В своей работе автор попытался дать объективную картину событий пятисотлетней давности» (с. 212).

Кто бы сомневался?! На тысячах примеров мы знаем, что базовая позиция всех идеологов «Святой Руси», в том числе подвизающихся на ниве истории, сводится к формуле: «Россия всегда была, есть и будет права»! Грандиозная по размаху информационно-психологическая война, которую ведет сейчас Россия против Украины и всего западного мира, наглядно это показывает.

а) Дальнейшее наступление на ВКЛ прекратилось. До конца войны не было крупных сражений.

Ярушевич отмечал:

«Вплоть до 1518 г. идет еще борьба между Литвою и Москвою, но ведется она вяло и урывками, неудачно для наступающих и наоборот» (с. 138).

В 1515 г. московские воеводы захватывали и разоряли Браслав и Друю. Польские же наемники под командованием Яна Сверчовского сильно разорили окрестности Великих Лук и Торопца.

В 1516 г. боевые действия стороны вообще не вели.

Осенью 1517 г. Острожский повел войско в поход на Псков, но застрял возле небольшой крепости Опочка (до этого боевых действий тоже не было). Взять ее не удалось, а стычки с отрядами московитов, рыскавшими по окрестностям, приносили успех то одной, то другой стороне. Тем временем Шуйский осадил Полоцк и Острожский 18 октября ушел на выручку Полоцка.

Летом 1518 г. московские загоны (конные отряды) вторглись в Литву (Беларусь) с трех сторон: от Великих Лук — к Полоцку, от Белой — к Витебску, от Стародуба — в Поднепровье. Под Полоцком их разбил князь Острожский (в источниках его назвали «волынцем», т.к. родовое владение Константина Ивановича — Острог — находился на Волыни). Получили отпор под Слуцком, Минском и Могилёвом князья Андрей и Семен Курбские, Андрей Горбатый.

Летом 1519 г. московиты опять совершили несколько краткосрочных рейдов на территорию Литвы (Беларуси). Им не удалось захватить ни одного города или замка. Пришлось ограничиться грабежами и поджогами деревень.

В феврале 1520 г. произошло последнее нападение Москвы в этой войне. Им стал рейд воеводы Годунова в район Витебска — Полоцка.

А летом того же года крымские и казанские татары устроили грандиозный набег на Московию, после чего ее финансовые и людские ресурсы оказались исчерпанными. Пришлось мириться. Переговоры шли долго, перемирие на 5 лет подписали только в сентябре 1522 г.

Так что после Орши и похода к Смоленску война шла не 8 лет, а фактически 5 лет и 4 месяца (ноябрь 1514 — февраль 1520). И шла она «вяло».

б) Крах антиягеллонской коалиции — главный результат Оршанской победы.

Как известно, Василий III начал с захвата Смоленска и Смоленского воеводства. Правда, Смоленск оказался «твердым орешком». Не получая никакой помощи, смоленский гарнизон, горожане и укрывшиеся в крепости жители повета выдержали две осады московитов: в декабре 1512 — марте 1513 и в августе — октябре 1513 гг.

Неудачи разъярили молодого (33 года) и честолюбивого московского деспота. Кроме того он понял, что нуждается в союзниках. Именно поэтому в феврале 1514 г. он присоединился к антиягеллонской коалиции, созданной императором Максимилианом: император, магистр Тевтонского ордена, магистр Ливонского ордена, маркграф Бранденбургский, король Датский, курфюстр Саксонский, господарь Волошский.

По условиям соглашения с императором Москва получила финансовую помощь для войны с ВКЛ. Стороны также согласовали условия раздела ВКЛ: земли восточнее линии Западная Двина — Березина, в случае успеха, отойдут к Москве, западнее — станут владениями Ливонского и Тевтонского орденов.

Но поражение Москвы послужило толчком для развала этой коалиции. Далеко не случайно Лобин пишет:

> «Может быть, посла ловко переиграли российские дипломаты, либо Шнитценпаумер /посол императора, в Москве его называли Ситцен Памер. — *А.Т.*/ проявил излишнее рвение, но проект договора с обязательствами каждой стороны не мог в любом случае устраивать императора» (с. 175).

Это с какой стати Лобин говорит за императора? Во-первых, он не знает и знать не может, о чем думал император Священной Римской империи 500 лет назад. А во-вторых, — и это главное, — если бы Москва победила под Оршей, то все условия очень даже устроили бы императора!

И далее:

> «Василий III, наивно доверяясь клятвенным заверениям Шнитценпаумера о совместных действиях против Ягеллонов, выступил в третий Смоленский поход» (с. 176).

Ну да, московский деспот, дважды получив оплеуху, утерся бы, и тихо сидел в Москве, страдая от пересудов своих подданных и отказавшись от новых попыток возврата «своих отчин». Так мы и поверили в эту выдумку. То-то Василий заботливо готовил «подарок» для Смоленска — артиллерийский парк, самый большой на то время по сравнению с любой страной Европы — свыше 100 осадных орудий. Это от боязни воевать в одиночку? Что ж он раньше не боялся?!

Хочу также напомнить, что переговоры под Веной, на которых официально примирились Максимилиан и Сигизмунд, состоялись только через 10 месяцев после Оршанского сражения. Они открылись 17 июля 1515 г. Император отказался от союза с Московией и Тевтонским орденом, Сигизмунд — от претензий на Чехию и Моравию. То есть уступки были взаимными. Лобин же пишет:

> «Попытки некоторых историков представить Оршанскую победу как грандиозное событие, повлекшее за собой кардинальный переворот в отношениях России, Польши, Литвы и Империи, является стремлением в очередной раз выдать желаемое за действительное» (с. 180).

В отношениях между Москвой (с одной стороны), Вильней и Краковом (с другой стороны) кардинального переворота действительно не было. А вот что касается Вены (столицы империи), то ее позиция изменилась радикальным образом.

Кроме того, следствием Оршанской победы стала очередная переориентация Крымского ханства. Крымцы стали ежегодно совершать грабительские походы на земли Москвы. Самый страшный набег они учинили летом 1520 года.

Иначе говоря, Лобин сознательно лжет и подтасовывает факты! Создание Максимилианом антиягеллонской коалиции имело совершенно конкретную цель — раздел ВКЛ (с одной стороны), разгром и подчинение Польши (с другой стороны). И вот эти цели достигнуты не были. Первый в истории план ликвидации ВКЛ был сорван, пусть дорогой ценой — за счет утраты Смоленщины. А международная коалиция наших врагов распалась. А.В. Ярушевич писал 118 лет назад:

> «Но самую резкую перемену оршанская битва произвела в отношениях короля Сигизмунда к его западным соседям. (...)
>
> ...по инициативе императора Максимилиана, происходит редкий по торжеству съезд около Вены самого императора, короля Сигизмунда, брата его Владислава, короля венгерского и Людовика, сына короля чешского. На этом съезде (...) император даже принял на себя роль посредника для заключения мира между Литвою и Москвою. Вслед за этим и великий магистр, несмотря на всю вражду к королю, принужден был, хотя видимо, примириться с Сигизмундом» (Ярушевич, с. 136—137).

Вывод: таким образом, Оршанская победа действительно была великой победой, давшей результаты стратегического значения.

3. ВАЖНЫЕ АСПЕКТЫ ОРШАНСКОЙ БИТВЫ

1. Соотношение сил противников

В литературе, как российской (за исключением книги Лобина), так и зарубежной, давно утвердился тезис о значительном численном превосходстве войска Москвы над войском союзников. Но на какую величину? Точной цифры нет, так как имеются лишь отрывочные документальные свидетельства. Границы оценок следующие. Московское войско — максимум 80 тысяч (письма короля Сигизмунда в 1514 г.), минимум 11 тысяч (подсчеты А.Н. Лобина, 2011 г.).

По моему мнению, 8 сентября 1514 г. на Крапивенском поле под Оршей общая численность московского войска (дворяне, дети боярские, боевые холопы, городские люди, татары, шляхта из захваченных восточных поветов ВКЛ (Мстиславль, Дубровна, Кричев, Пропойск), не считая кошевых слуг и обозных людей) составила около 30 тысяч человек (плюс/минус тысяча), в том числе не менее 7 тысяч дворян. Все эти тысячи были конными воинами, но главную ударную силу представляли дворяне и дети боярские.

Пехотинец-наемник с рушницей. Реконструкция Марека Шишки

Объединенные силы литвинов и поляков разные авторы оценивали в 35 тысяч (З. Жигульский), 26 тысяч (М. Стрыйковский), 18 тысяч (С. Сарницкий, А. Лобин). На мой взгляд, ближе всего к реальности последняя цифра. Но из нее надо вычесть 4 тысячи воинов, оставшихся охранять короля в Борисове.

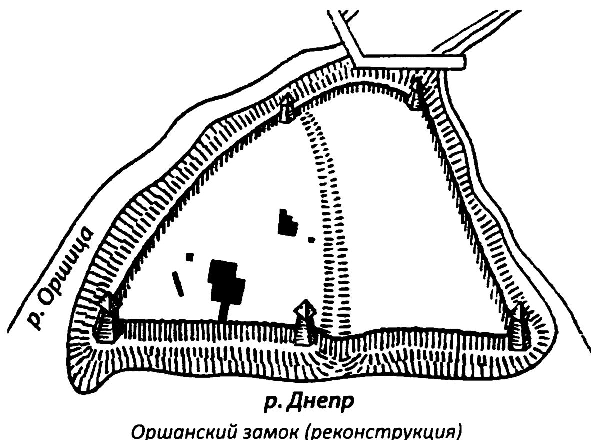
Таким образом, на поле битвы своей численностью московиты превосходили войско литвинов и поляков в 2,2 раза: 30 тысяч против 14 тысяч*.

---

* Никто из историков, бездумно повторяющих сказку о 80 тысячах московитов и 35 тысячах литовско-польского воинства, не удосужился провести несложный эксперимент: замерить пространство, которое занимают хотя бы 100 всадников. Если бы это сделали, то споры о численности войск противников кончились бы уже давно. Ни на левом берегу Крапивны, ни на правом нет места для размещения огромной массы в 115 тысяч конных воинов. На левом берегу сильно пересеченный рельеф местности не позволяет построить в боевые порядки (полки и гуфы), известные по описаниям сражения, даже 20 тысяч всадников суммарно с обеих сторон. На правом берегу возможно боевое построение максимум 45—50 тысяч.

2. Точное место битвы

С подачи польских историков XIX века в литературе закрепилась локализация места сражения между Днепром и левым берегом его притока, небольшой реки Крапивны, между современными деревнями Руклино, Шугайлово, Пашино, Поповка, Крапивна.

Оршанский замок (реконструкция)

Однако Юрий Коптик, краевед из Орши, на основании своих 20-летних изысканий на местности, убедительно доказал иной вариант локализации поля битвы. Это не левый, а правый берег Крапивны, в районе современных деревень Гатьковщина и Заложина. В отличие от традиционно указываемого места на левом берегу, здесь большое ровное поле без оврагов и лощин. Как известно, в стародавние времена плоский рельеф местности являлся решающим фактором при выборе места для генерального сражения. Особенно это справедливо для конницы, которой физически очень трудно сражаться на пересеченной местности.

Это поле находится в 12—14 км от Орши. Отсюда гораздо ближе до Дубровны (3—4 км), чем до Орши. Поэтому правильнее было бы называть битву Дубровенской, а не Оршанской.

Кстати говоря, на всех российских картах, начиная со 2 тома «Русской военной истории» князя Николая Голицына (1878 г.) место сражения показано правильно. Отметим в данной связи тот факт, что он был прямым потомком по мужской линии князя Михаила Булгакова-Голицы.

3. Причины поражения Москвы и победы союзников

Российские историки традиционно выставляют одной из главных причин поражения московского войска «плохое командование». Дескать, командующий Иван Челяднин был никудышным полководцем.

На самом деле Челяднин пытался реализовать тот же план сражения, который позволил Даниилу Щене победить К.И. Острожского в 1500 году на реке Ведроша. Россиянам очень не хочется признавать тот факт, что князь Острожский победил благодаря своему мастерству полководца.

Кратко перечислим «ноу-хау» (know how), которые использовал гетман.

а) Дезинформация противника

Во-первых, Острожский накануне сражения послал к московитам парламентеров. Содержание переговоров нам неизвестно, зато мы точно знаем, что они служили для отвлечения внимания: дескать, гетман колеблется. Он знает, что у него недостаточно сил и пытается выиграть время, может быть, ждет подкреплений.

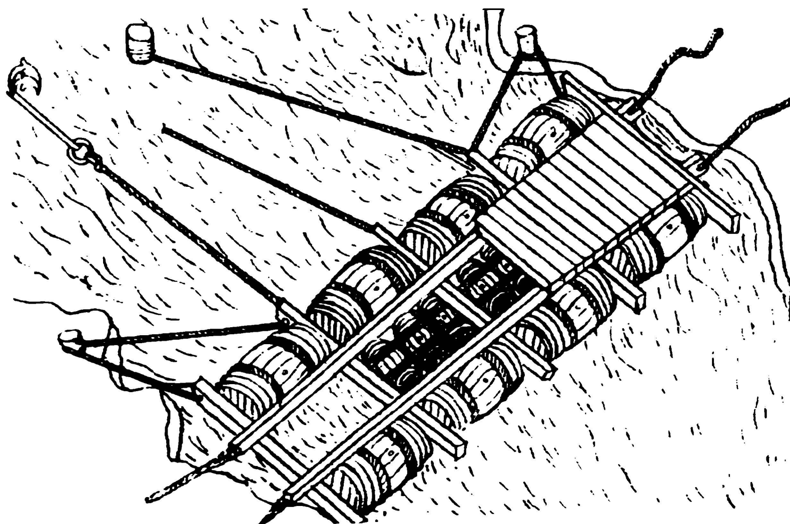
Во-вторых, гетман послал две или три хоругви конницы на 3—4 километра ниже по течению Днепра от места истинной переправы, чтобы московиты до последнего момента не могли понять, где же это место. А главные силы форсировали Днепр ночью, когда московским сторожевым разъездам ничего толком не было видно. Но и заметив переправу, они не могли быстро сообщить об этом своему главнокомандующему, т.к. сотовых телефонов тогда не было.

б) Понтонные мосты

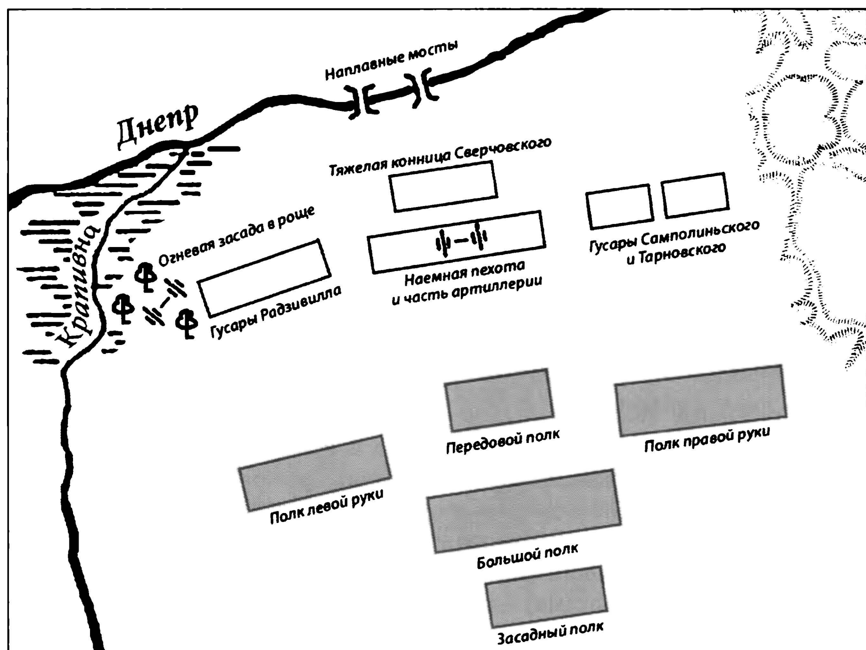
Это один из первых случаев устройства понтонной переправы, притом скрытного, ведь дело происходило ночью. Кстати говоря, на знаменитой картине «Битва под Оршей» художник изобразил понтонный мост с пушкой на Крапивне, а не на Днепре. Это доказал упомянутый выше Юрий Коптик.

По двум плавучим мостам, наведенным с помощью пустых больших бочек (они служили поплавками) и досок, через Днепр переправились пехота и артиллерия. И переправились быстро.

Российские авторы обычно пишут, что Челяднин не хотел нападать на союзников во время переправы. Мол, пусть перейдут все, чтобы не возиться потом с оставшимися. На мой взгляд, это неуклюжая попытка оправдать

Наплавной мост на бочках

Расстановка войск противников

свой промах задним числом. Челяднину было далеко и до Ганнибала, и до Щени, но все же дураком он не был. Просто его ввели в заблуждение ложные действия Острожского, к тому же, он не мог предусмотреть такое обстоятельство как наплавные мосты. А его войско находилось в полевом лагере, удаленном от берега Днепра примерно на 5 километров. Это войско еще надо было разбудить, построить и в темноте привести к месту переправы. Не так-то просто!

Конница союзников преодолела реку по бродам или вплавь.

в) Продуманная расстановка войск

За шесть лет московского плена Острожский хорошо изучил московскую манеру воевать. Он знал, что Челяднин обязательно разделит свое войско на 5 полков: передовой, большой, правой и левой руки, засадный. И что атаку начнет либо полк правой руки, либо левой. Затем в центр ударит передовой полк. Большой полк будет введен в бой на том участке, где кому-то из атакующих полков удастся потеснить союзников. А засадный полк попытается обойти их с фланга чтобы отрезать от переправы. Сражение с московской стороны развивалось именно по такому плану. План этот, скажу еще раз, был вполне приемлемым. Он требовал только одного: численного превосходства. А такое превосходство у Челяднина было.

Но К.И. Острожский все это предусмотрел и перехитрил московского «большого воеводу». Он продуманно разместил свои силы. На левом фланге — легкую польскую конницу Войцеха Самполиньского и Яна Тарновского, на правом фланге — легкую литвинскую конницу Юрия Радзивилла, в центре — наемную пехоту Спергальдта с рушницами (аркебузами), пиками и большими щитами-павезами (в своем большинстве наемниками были немцы и чехи), а за ней — тяжелую польскую конницу Яна Сверчовского (стратегический резерв). Удачно расставил орудия — часть в центре среди пехоты (9—10 пушек), другую часть (до 8 пушек) спрятал в роще возле правого фланга. Гетман предвидел, что московиты попытаются обойти здесь его боевые порядки (на левом фланге союзников им помешает длинный глубокий овраг) и приготовил «сюрприз».

Именно огневая засада (пушки и 200 стрелков с рушницами) сыграла решающую роль в плане гетмана. Сюрприз оказался роковым для московитов: полк левой руки бросился бежать, смял двигавшиеся к нему подкрепления, те тоже повернули назад, после чего паника стала всеобщей.

г) Маневр войсками во время боя;

Во время сражения Острожский, внимательно следивший за развитием событий, посылал на фланги подкрепления (латную конницу) из центра, где он построил непробиваемую «коробку» пехоты, закрытой большими щитами и ощетинившейся пиками. Сначала — на свой левый фланг, чтобы

Гетман Острожский дает команду открыть огонь из засады

тот смог отразить наступление московского полка правой руки и перейти в контрнаступление. Потом — на правый фланг, чтобы развить успех гусаров Радзивилла, бросившихся в погоню за побежавшим назад полком левой руки.

И наконец, когда гетман приказал всем своим силам перейти в общее наступление, латная кавалерия Сверчовского нанесла мощный удар в центр московских боевых порядков.

д) Применение артиллерии и рушниц на поле боя;

Во «Всемирной истории войн» (том 2, СПб, 1997, с. 311) сказано:

> «Бой под Оршей — один из первых, в котором успешно действовала артиллерия и пехота с ручным огнестрельным оружием в полевой обстановке».

О том же писал в «Истории военного искусства» (том 2, Москва, 1955 г.) военный профессор, генерал-майор Евгений Разин:

> «Бой под Оршей — один из первых, в котором успешно действовала артиллерия и пехота с ручным огнестрельным оружием в полевой обстановке. Здесь выявлены особенности использования артиллерии в полевом бою».

е) Военная хитрость

Для того, чтобы московиты попали под ружейно-артиллерийский огонь засады, гетман использовал тот же прием, что Витовт под Грюнвальдом — притворное бегство одного из подразделений своей конницы. Прием сработал. О засаде и других уловках уже сказано выше.

ж) Психологический фактор

Константин Иванович непосредственно перед началом битвы воодушевил воинов речью. То есть он использовал еще и морально-психологический фактор.

4. Потери Москвы убитыми и пленными

Король Сигизмунд I в письмах, посланных им в сентябре 1514 г. своему брату Владиславу (королю Венгрии в 1490—1516 гг.), магистрам Тевтонского и Ливонского орденов, а также Папе Римскому Льву X (1513—1521 гг.). сообщил адресатам, что соединенное войско Короны Польской и ВКЛ (около 26 тысяч воинов) разгромило втрое большее войско Москвы (80 тысяч). Москва потеряла убитыми 16 тысяч человек, а пленными 14 тысяч.

Несколько позже, вероятно, получив доклад князя Острожского и отчеты чиновников, король сократил величину «полона». Реальные цифры составили: 8 «больших» воевод, (в том числе главнокомандующий боярин Иван Челяднин), 37 «меньших» воевод, полторы тысячи дворян и «детей боярских», свыше 2-х тысяч людей «простого звания» (боевых холопов, горожан и пр.).

Погибших московитов никто не считал. Но все очевидцы утверждали, что Крапивинское поле, сама река Крапивна и окрестности, куда в панике бежали московские ратники, были завалены трупами. Эти свидетельства позволяют предположить, что московское войско потеряло убитыми в битве и во время бегства, умершими от ран, утонувшими в реках и болотах, а также пленными не менее половины своего состава. Это значит, как минимум 14 тысяч человек.

Таким образом, разгром войска Москвы был полным. В пользу такого вывода свидетельствует очевидный факт: до конца боевых действий (т.е. до марта 1520 года) крупных сражений больше нигде не было — у Москвы не хватало ратников для нового генерального сражения.

Надо отметить в этой связи, что население Великого Княжества Московского по состоянию на 1500 год современные демографы оценивают в 5,6 млн человек. Дворяне и «дети боярские» составляли всего-навсего 0,5 % от этой величины, т.е. 28 тысяч человек. Если вычесть из указанной цифры женщин, детей до 15 лет, стариков и инвалидов, то окажется, что в поместной коннице — главной ударной силе Москвы, физически не могло быть более 8—8,5 тысяч человек. Вот именно эта сила в своем большинстве (до 7 тысяч) и была потеряна в битве погибшими, пленными, искалеченными. А холопы, пусть даже «боевые», они холопы и есть, подневольные люди, которые лишь поддерживали в сражениях своих господ — дворян и детей боярских. В целом же мобилизационные возможности Московии не превышали 50 тысяч ратников всех категорий.

Отмечу попутно, что ВКЛ, несмотря на большую численность населения, могло выставить еще меньшее войско. Шляхта, в отличие от московского дворянства, была сословием свободных людей, а король — не самодержцем, но «первым среди равных». Между тем, воинственный дух литвинов за 270 лет существования ВКЛ изрядно ослаб, шляхта весьма неохотно шла на войну платить «налог кровью».

Такой крупный российский историк как С. Соловьев еще в середине XIX века высказал сомнение по поводу «тысяч» пленников. Но здесь надо учи-

Пехотинец-наемник с рушницей. Реконструкция Марека Шишки

тывать важное обстоятельство. Реестры чиновников Сигизмунда перечисляли только тех, кто содержался в королевских замках, т. е. родовитых аристократов. За них можно было получить выкуп или же обменять на равноценных «наших».

Всех остальных пленников развезли по своим имениям участники битвы, фактически превратив их в бесплатную рабочую силу. Известно, что за 25 последующих лет в Московию удалось вернуться лишь нескольким десяткам. Остальные так и умерли в неволе. Из 45 воевод вернулись только двое.

Вот что писал по этому поводу в своей книге А.В. Ярушевич:

Польский латный кавалерист. Реконструкция Марека Шишки

«Преследование бегущих обращается в бойню: в небольшой, но быстрой реке Кропивнице трупы утонувших и убитых задерживают течение, вода реки делается красною от крови. Только ночь да густые леса прекращают это ужасное зверство. Поражение Москвы было ужасное, не слыханное, давно небывалое: около 30,000 тысяч убитых и утонувших, 37 пленных воевод, князей, бояр и окольничих, полторы тысячи боярских детей и до 8000 пленных ратников!» (с. 134).

И далее:

«...знатнейшие из них были отправлены к королю, в Борисов, менее знатные отправлены в замки, а простые ратники разобраны участниками битвы» (с. 135).

В сноске на той же странице Ярушевич пишет:

«Вот почему оршанских пленников было так мало в литовских королевских замках, что подало Соловьеву повод сомневаться в правдивости чисел письма Сигизмунда к великому магистру».

5. Неудачный поход к Смоленску

Благодаря Оршанской победе удалось без боя вернуть Дубровну, Кричев, Мстиславль и Пропойск (правда, о последнем городе упоминает только Ярушевич). Затем Острожский двинулся к Смоленску.

Но гетман привел сюда только 6 тысяч человек, причем без осадной артиллерии. Как известно, город имел мощные укрепления, штурмовать которые без разрушения их артиллерийским огнем не имело смысла (напомню, что московиты взяли его только с третьей попытки, после четырех суток обстрела из более чем 100 осадных орудий!).

Почему у Острожского было так мало ратников? Почему он явился без артиллерии? Ответов на эти вопросы не знает никто, можно только строить предположения.

Вот что сообщал в своем исследовании А.В. Ярушевич:

> «Острожский (...) отрядил часть войска для взятия занятых неприятелем городов, а сам двинулся к Смоленску, откуда, после вести об оршанской битве, Василий III уехал в Москву, а епископ Варсонофий прислал к королю письмо о готовности жителей сдать город. Но ранняя осень настолько испортила дороги, что литовское войско шло к Смоленску целых четыре недели, причем, для быстроты движения, были оставлены даже пушки, хотя за войском все-таки следовал неизбежный шляхетский обоз, достигавший 16,000 возов, и страшно мешавший быстроте похода.
>
> Под Смоленск литовское войско пришло расстроенным, в числе только 6000 человек. Попытки взять город силою и уговорами, благодаря быстрым и энергичным действиям воеводы, князя Василия Шуйского, заключившего Варсонофия под стражу и повесившего главных заговорщиков на стенах крепости, — оказались неудачными и Константин Иванович потерял несколько сот войска напрасно. Опустошив окрестности Смоленска вплоть до сожженого самими же москвичами Дорогобужа, взяв Кричев, Дубровну и Мстиславль, Константин Иванович возвратился в Литву» (с. 135).

Итак, гетман явно надеялся на то, что ему откроют ворота заговорщики из числа местной шляхты и горожан. Его надежда не оправдалась.

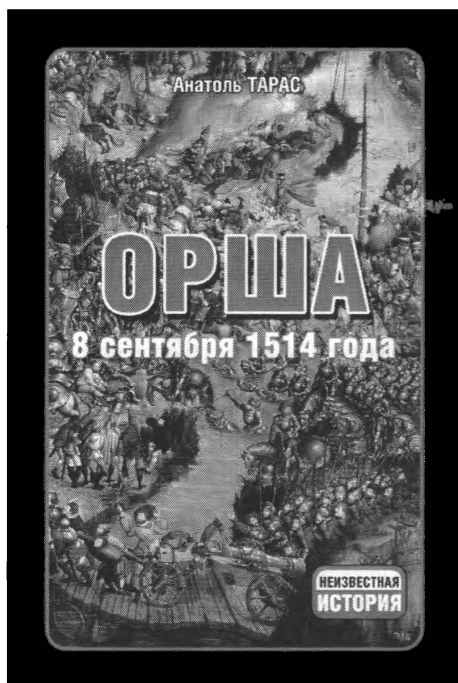
Все же Острожский стоял возле Смоленска более месяца, даже пытался однажды ночью взять город внезапным приступом: его воины тихонько подкрались к стенам, приставили лестницы и полезли наверх. Не вышло, московиты не дремали.

Потом начались дожди, холода, болезни, падеж лошадей. В первых числах ноября гетман приказал снять осаду и возвращаться в Вильню. Из-за нехватки лошадей пришлось бросить часть обоза.

6. Еще раз о значении победы

ВКЛ надолго потеряло Смоленск и Смоленскую землю. На основании этого факта российские историки заявляют о несомненной победе Москвы, а саму войну называют «Смоленской».

О провале плана по захвату еще и Полоцка с Витебском, еще и Вильни, еще и Киева, т.е. уничтожения ВКЛ, они предпочитают не распространяться.

Битва под Оршей произошла на земле Беларуси, победителями командовал князь-литвин (в нынешнем понимании — беларус), его войско более чем на треть состояло из литвинов (беларусов). А главным «призом» для победителей стало прекращение агрессии Москвы против ВКЛ почти на полвека, до января 1563 года (когда великий князь Иван IV вторгся на наши земли и на 16 лет захватил Полоцк). Таким образом, значение этого сражения именно стратегическое, что бы ни говорили на этот счет российские фальсификаторы.

Что же касается Смоленска, то его только через 97 лет, в июне 1611 года, вернул Великому Княжеству Литовскому Сигизмунд II, великий князь Литовский и король Польский в одном лице.

В мае текущего года 3-тысячным тиражом была издана книга А.Е. Тараса «Орша, 8 сентября 1514 года» (160 страниц). Она продается в книжно-журнальных отделах супермаркетов, а также во многих книжных магазинах Беларуси.

ОРШАНСКАЯ БИТВА: ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Виктор Титов,
доктор исторических наук

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Войны и битвы отмечают собой важные вехи человеческой истории. Они подвергают народы тяжким испытаниям и зачастую на долгое время определяют судьбы целых стран и регионов, образ жизни народов, их массовую психологию, национальное самосознание, историческую память.

Несмотря на то что московско-литовской войне 1512—1522 гг. и битве под Оршей посвящено немало публикаций, споры вокруг этого события 500-летней давности не утихают. Исторические события на восточных рубежах былого Великого Княжества Литовского интерпретируются и оцениваются по разному. Эта неоднозначность обусловлена не только недостаточной изученностью самих исторических событий, но и разными идеологическими подходами, которые во многом определяют различия в оценках характера конфликта и событий войны. Битва на Оршанском поле продолжается.

Историография давно вышла за рамки традиционного академизма, стала частью идеологии и геополитики. Отметим в этой связи, что в условиях нынешних информационных войн историкам трудно сохранять не только объективность, но и традиционное кредо научной историографии. Именно поэтому в ряде стран историю относят к разряду искусства и литературы.

Известно, что истина редко бывает однозначной. Поэтому научная историография допускает различные оценки одного и того же события. Плодотворность дискуссий профессионалов обусловлена плюрализмом мнений, наличием разных взглядов, исторических школ, методологий.

Так может ли историография быть объективной?

Недавно этот вопрос был предложен посетителям сайта лондонского Гайд-парка. Около 60 % респондентов ответили на него отрицательно: историография не может быть объективной. Думаю, что примерно такое же (а может быть и более скептическое) отношение общества к историографии мы имеем и в Беларуси.

Проблеме объективности историографии была посвящена международная конференция, организованная историческим факультетом Московского университета им. М.В. Ломоносова. Во вступительном слове академик РАН В.А. Тишков сказал, что историография давно утратила статус академической дисциплины. Он также подчеркнул, что мы часто видим, что «объективность может приноситься в жертву политическим, идеологическим или личным соображениям».

Докладчики, выступавшие на конференции, отмечали, что «поиск истины» весьма субъективен, в значительной мере зависит от идейных взглядов и позиций автора, его политической ориентации, жизненных ценностей. Один из них (Л. Белоусов) заявил:

> «Среди субъективных трудностей нашего ремесла одной из главных является политический заказ на производство мифов (что, как правило, равнозначно фальсификации — профессиональному преступлению историка). Историческая наука с давних пор была призвана творить мифологемы, становившиеся идеологическими скрепами нации, цементировавшими государство»...

А Вячеслав Никонов с иронией цитировал текст учебника для шестого класса, по которому в 1990-е годы занимался его сын:

> «Войны бывают справедливые и несправедливые. Справедливая война — это та, которую мы вели против Гитлера; несправедливые войны — это те, которые наша страна вела в Афганистане и Чечне».

Как видим, интерпретация характера военных действий и их оценка меняются в зависимости от времени, идейных установок и вектора государственной политики. Ленинская классификация войн на справедливые и несправедливые оказалась весьма скользкой и преходящей.

Итак, историография интерпретирует события прошлого в зависимости от идеологии, социального заказа, моральных принципов, наличия и выбора источников. Историография — это не только факты, но и мифы, ибо каждый творчески мыслящий историк имеет субъктивный подход к фактам и событиям. Историк низвергает одни мифы, чтобы на их месте создать новые, отражающие изменившуюся расстановку и баланс сил, иной вектор политики, иную идеологическую и духовную ситуацию в стране и мире. Однако абсолютной истины нет, а хронос неумолим и беспощаден, он не оставляет «камня на камне» от многих и многих концепций, которые зачастую становятся мифами с момента рождения в муках праведных и ...неправедных.

Эти предварительные замечания нужны нам для рассмотрения Оршанской битвы 1514 года. Эта тема вызывает много спорных суждений, мнений и выводов. У.О. Куайн писал, что одной из главных целей исторической науки является взаимопонимание. А этого как раз мы не видим среди участников дискуссий по проблемам московско-литовской войны и Оршанской битвы.

ОБ ИСТОРИОГРАФИИ БИТВЫ ПОД ОРШЕЙ

В российской и, особенно, в советской историографии московско-литовская война 1512—1522 гг. и Оршанская битва замалчивались. Эта тема не импонировала великодержавной психологии и идеологии Российской империи/СССР. Ведь она автоматически затрагивала проблему истории само-

го Великого Княжества Литовского и Русского — славянского государства, имевшего сугубо свою культурную специфику.

Объективное исследование историко-культурных и государственно-правовых взаимоотношений Литовской и Московской Руси проливает свет на тогдашнюю сложную геополитическую ситуацию, на характер войн между ВКЛ и Московией как на противостояние Западной и Восточной цивилизаций. Геополитическую ситуацию в Европе с XVI века существенно начала определять возникавшая на востоке новая империя, наследница Золотой орды и Византии. Московское государство, расположенное «на задворках Европы», стало культивировать идею «Третьего Рима». Московские цари, а затем российские императоры, создавая противовес и серьезную альтернативу Западу, в то же время настойчиво стремились приблизиться к Европе. С этой целью они вели перманентные войны, в ходе которых захватывали соседние славянские и неславянские страны.

Классики российской исторической науки Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров не оставили без внимания войну между «Литвой и Москвой» в начале XVI века и битву 1514 года. Так, Карамзин писал:

> «Все говорят согласно, что литовцы никогда не одерживали такой знаменитой победы над россиянами. (...) Мы лишились тридцати тысяч воинов; ночь и леса спасли остальных… На другой день Константин торжествовал победу над своими *единоверными братьями и русским языком* славил Бога за истребление россиян» (курсив наш. — *В.Т.*).

Мы не случайно выбрали цитату, чтобы обратить внимание на победу князя Константина «над своими единоверными братьями», а также на родной русский (литвинский) язык князя, который в то время был государственным языком ВКЛ. Как замечал в свое время известный российский историк Костомаров, «Литовская держава носила название Литвы, но, конечно, была чисто русская».

Аналогичную реалистическую картину боя и оценку битвы дал другой классик российской истории С.М. Соловьев:

> «Войско московское потерпело страшное поражение: все воеводы попались в плен, не говоря уже об огромном количестве убитых ратников; река Кропивна запрудилась телами москвитян, которые в бегстве бросались в нее с крутых берегов».

Заметим, что российские историки-классики не случайно указывают примерно одно и то же соотношение численности войск противников (80 и 30 тысяч), количество убитых и взятых в плен. Несмотря на возможное завышение численности войск, у нас нет достаточных оснований, чтобы принимать всерьез точку зрения некоторых современных историков, пытающихся «обосновать» численность противоборствующих сторон в пределах

11—12 тысяч воинов и выражающих сомнение в стратегическом значении победы союзной польско-литовской армии.

Ту же статистику, что у Карамзина и Соловьева, мы находим и в первом систематизированном «Обозрении истории Белоруссии с древнейших времен» Иосифа Турчиновича (1857 г.). В отличие от польских авторов, он правильно указывал место битвы 8 сентября 1514 года: московское войско расположилось «опираясь левым крылом о речку Кропивну, при устье ея в Днепр» . Этот автор ввел в научный оборот исторические источники и научные публикации на разных европейских языках. Он последовательно и четко описал начало, ход и результаты сражения, перечислил поименно военное командование и «детей боярских», оказавшихся в плену.

Советская историография обходила молчанием тему Оршанской битвы, она не упоминалась в учебниках, энциклопедиях, справочной литературе. Кризис советской идеологии в первую очередь затронул историю СССР. В условиях политических свобод выявилась искусственность многих положений и концепций, составлявших методологический костяк, на который ангажированные авторы нанизывали специально подобранные факты, давали им соответствующую интерпретацию. После распада СССР перед деятелями науки новых суверенных государств встала задача по разработке национальных концепций развития историографии.

Параллельно открылись более широкие возможности международного сотрудничества, участия в форумах и творческих встречах, организации научных конференций и дискуссий по актуальным вопросам национальной истории. К числу подобных дискуссионных тем относится московско-литовская война и Оршанская битва. Эта, казалось бы, сугубо военная тема поднимает много вопросов межнациональных взаимоотношений, геополитических, цивилизационных, этнопсихологических и др.

Если исходить из идейного содержания многочисленных публикаций, посвященных Оршанской битве, которые появились за последние 25 лет (1990—2014), их можно условно разделить на три группы:

1) отражающие историю и идеологию белорусского суверенного государства;
2) отражающие идеологию «Западной Руси»;
3) опубликованные в Польше, Украине, Летуве. Народы этих стран были участниками событий, и Оршанская битва является также частью их истории.

Идейное содержание публикаций третьей группы отражает специфику историографии и идеологии этих стран. Но входящие в нее работы не являются объектом нашего внимания.

Проблемные (дискуссионные) вопросы по теме московско-литовской войны и Оршанской битвы чаще всего обнаруживаются между идейными представителями и учеными двух первых групп.

В данной теме можно выделить несколько проблемных вопросов, на которые нет четких однозначных ответов, базирующихся на достоверных источниках. В числе их — причины и характер московско-литовских войн, сущность спора за так называемое «древнерусское наследство», воздействие войн на гражданское население (особенно в зоне конфликта), генеральная битва под Оршей и состав ее участников, численность войск противников, их социальный состав, участие «белорусов», итоги битвы, ее историческое значение. Есть много попутных вопросов, тесно связанных с войной и битвой — геополитическая ситуация того времени, международная дипломатия, кто такие «литвины», фигурирующие в исторических документах того времени и т.д. и т.п. На все эти вопросы участники дискуссий отвечают по-разному, а на некоторые пока нет ответов, как нет и достоверных источников.

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОРШАНСКОЙ БИТВЫ

Вот что пишет петербургский историк Алексей Лобин на своем сайте:

> «Военный историк должен заниматься всем — и победами, и поражениями, это всё — наша история, которую необходимо изучать вне зависимости от политической конъюнктуры. Если изучать только громкие победы, а поражения замалчивать — это значит отдать их на откуп национально ориентированным «историкам», дать им пищу для новых спекуляций».

В этом высказывании две разные части, два совершенно разных мотива, определяющих интерес этого автора к теме. Первый мотив — научный, он не зависит от политической конъюнктуры. Вторая часть высказывания содержит motivum иного свойства, это — мотив агрессивной политики — захватить, «застолбить» за собой тему Оршанской битвы, дабы она не досталась «национально ориентированным историкам». Это — тоже интерес, но вполне определенного свойства. Как бы в подтверждение своих «законных притязаний» А.Н. Лобин издал монографию в 2011 году, тогда как как у «национально ориентированных историков» подобная книга вышла только в 2014 году. Я имею в виду книгу Анатоля Тараса*.

Лобин упрекает историков бывших союзных республик в «непонятном» стремлении создать национальную концепцию истории своих стран, где получили бы свои независимые трактовки межэтнические взаимоотношения, в том числе и русско-литовские войны, и битва под Оршей. Но этот факт непонятен именно ему — представителю российской имперской школы историографии. С нашей же точки зрения речь идет о независимом суждении и свободном волеизъявлении историков молодого государства, ставшего на путь суверенного развития. Ничего удивительного и тем более предосудительного в таком стремлении нет. Так действуют интеллектуалы любой

* Лобин А.Н. Битва под Оршей. СПб., 2011 (264 с.); Тарас А.Е. Орша, 8 сентября 2014 года. Минск, 2014 (160 с.)

страны, которой удалось обрести политическую независимость и государственный суверенитет. Они начинают строить сугубо свои институты власти, возрождать свои культурные традиции, создавать независимую науку, печать, телевидение, исходя при этом из своего собственного понимания социальных и гуманитарных приоритетов, национальных и геополитических интересов страны.

А.Н. Лобин не разделяет мнений и выводов всех тех белорусских авторов (А.П. Грицкевича, П.О. Лойко, Г.Н. Сагановича, В.М. Темушева, А.В. Казакова, А.Е. Тараса, О.А. Трусова и других), которые оценивают битву под Оршей как героическую защиту Отечества и несомненный «внешнеполитический успех Великого Княжества Литовского в многовековом противостоянии с Россией». Он относит все появившиеся за последние 25 лет в Беларуси статьи и брошюры, посвященные Оршанской битве, к категории популярных работ, не имеющих права называться историографией. Специального же монографического исследования, посвященного Оршанской битве, лицемерно сокрушается автор, белорусы пока не создали.

Лобин заявляет, что тема Оршанского сражения

> «...должна объединять между собой военных историков России, Украины, Польши, Литвы и Беларуси, (...) как тема Грюнвальдской битвы 1410 г. в настоящее время объединяет по интересам историков Западной и Восточной Европы».

Однако, сетует он, в историографии так и не сформировалось научное направление по изучению военно-исторических аспектов сражения 1514 г. Кроме того, продолжает Лобин, сама историография Оршанской битвы оказалась «жутко политизирована»:

> «...именно Оршанская битва стала, как это ни странно, для четырех народов — белорусов, поляков, украинцев и литовцев, — неким lapis offensionis, камнем преткновения».

Хочется спросить, кто и почему «жутко политизировал» эту тему? Стремление к взаимопониманию не исключает, а скорее предполагает плюрализм взглядов ученых и дискуссии между ними. Между тем, сторонники теории «Западной Руси» сами нарушают научную этику, превращают дискуссии в политическую полемику, в односторонние монологи с навешиванием ярлыков и нудными нравоучениями в адрес «национально ориентированных» оппонентов. Это и есть те самые «камни преткновения для четырех народов». А правила дискуссии одинаковы для всех участников.

Призыв Лобина к выработке единых подходов и взглядов на войну 1512—1522 гг. которую он предпочитает называть «Смоленской войной», и на Оршанскую битву, является скорее политическим, чем научным. Во всяком случае, он во всех своих публикациях, включая упомянутую моногра-

фию, настойчиво и последовательно отстаивает именно российскую имперскую концепцию, которую впервые изложил еще Николай Карамзин в начале XIX века. При этом он ограничивается уточнением ряда деталей и второстепенных вопросов с тем, чтобы данная концепция выглядела более доказательной. И, вне всяких сомнений, невозможно устранить принципиальные расхождения во взглядах на многочисленные войны Российской империи путем обсуждения их на площадках интернет-форумов (наглядный пример такой площадки — сайт самого Лобина «Секретный историк»).

Возникает и другой вопрос: почему обсуждение указанных вопросов непременно должно привести историков названных Лобиным четырех стран (России, Украины, Беларуси, Летувы) к «единому знаменателю»? Ведь и Летува, и Беларусь, и Украина неоднократно на протяжении своей истории становились жертвами агрессии Московии, Российской империи, СССР. Поэтому вполне закономерно то, что историки перечисленных стран имеют свои собственные взгляды на историю конфликтов с восточным соседом, эти взгляды существенно отличаются от российских, а нередко диаметрально противоположны им.

В этой связи возникает еще один вопрос: А существует ли единство во взглядах на историю и сущность военных конфликтов, вообще на Российскую историю у профессиональных историков России? На наш взгляд, такого единомыслия нет и в помине. Далеко не случайно в Российской Федерации отсутствует единый школьный учебник истории. Как было заявлено совсем недавно, широко разрекламированная попытка создания такого учебника провалилась.

Основным принципом поиска ответов на проблемные вопросы современности, как отмечено выше, является научный плюрализм. Его суть в том, что истина всегда многолика во времени и пространстве, поэтому нет и не может быть однозначного ответа, диктуемого идеологическими взглядами.

По логике вещей, нам следует спросить у Лобина: на какой платформе он предлагает объединиться? На идейной платформе западнорусизма? Того самого течения в историографии, которое не признает национальную историю белорусского и украинского народов, боровшихся за свою независимость, и государственный суверенитет? Вместо такого признания западнорусисты объявляют белорусов и украинцев частями великого русского народа, обладающими некоторой региональной спецификой. А эта специфика, по мнению западнорусистов, обусловлена исключительно долгим национальным угнетением «западной части единого русского народа» со стороны польских и литовских феодалов.

Стоит отметить в данной связи, что к великоросам «западнорусисты» такого упрека не предъявляют. А напрасно! Если кто и деформировался на самом деле, так это жители Московии за 240 лет пребывания в составе Золотой Орды, азиатской деспотии и по форме, и по существу.

Наконец, как могло сформироваться «научное направление» в русле советской историографии, воспевавшей все войны, якобы «освободительные», которые вели Московское государство и Российская империя с целью захвата все новых и новых территорий по всему периметру своих границ?!

Действительно, есть тема для серьезного разговора. Но, судя по содержанию монографии Лобина, а также его многочисленных выступлений в прессе и на площадках интернет-порталов, все эти вопросы еще весьма далеки от своего решения.

Лобин пишет:

> «Идеологические баталии больше напоминают эмоциональные выпады, нежели результаты исторических исследований».

При этом он правильно отмечает две крайности:

> «...когда в угоду какой-либо политической конъюнктуре преувеличиваются и превозносятся итоги сражения, но в то же время другой крайностью можно назвать стремление представить кампанию 1514 г. братоубийственной войной, главными поджигателями которой являлись Ватикан и Польская Корона».

Отмечать-то он отмечает, но сам действует именно таким образом. Это, как известно, распространенный случай: искать щепки в чужих глазах, не замечая бревна в своем. Поистине, цель снова и снова оправдывает средства.

О МИФАХ ОРШАНСКОЙ БИТВЫ

Лобин выделяет несколько «историографических мифов», к которым он относит: 1) численность противоборствующих сторон; 2) результаты сражения; 3) политические последствия сражения.

Он предлагает свою, довольно сложную, а также сомнительную, систему подсчета численности людей (и лошадей), участвовавших в битве. Вероятность ошибок и неучтенных воинских подразделений здесь очень велика. Надо принять во внимание неполноту и противоречивость источников, трудности с выявлением так называемых служилых корпораций, неясность с дислокацией войск, некорректность предположений и аналогий. К тому же, ревизия традиционной статистики, вошедшей в хроники, летописи, записки современников, историческую литературу, предпринята молодым исследователем спустя 500 лет после исследуемого им события.

Читая «логистику» Лобина, невозможно отделаться от мысли, что он, «мудрствуя лукаво», ставит перед собой именно идеологическую, а не научную задачу: максимально снизить численность войск противников с той целью, чтобы уравнять их.

«Отказаться от историографических догм и аксиом и исследовать Оршу 1514 с «чистого листа — такова задача настоящей работы», — заявил автор во введении к своей монографии. При этом он весьма существенно преуве-

личил достоверность своих методик, которые «неизбежно приводят к кардинальному пересмотру историографических парадигм». Не случайно подсчет численности войск, участвовавших в битве, занял более четверти монографии. Лобин пишет:

> «Белорусские историки, необдуманно использующие в своих работах подобные цифры, не ставят перед собой никаких проблем «логистического подхода», не прибегают к элементарным приемам «военной логистики».

В свою очередь, сам он пытается продемонстрировать свое знание приемов «военной логистики», которые решительно отметают статистику и оценочные суждения многочисленных исторических источников, предлагая взамен собственные подсчеты. С их помощью он успешно снизил в 5 раз ранее фигурировавшие цифры численности московского войска в Оршанской битве, сначала максимально приблизив, а затем уравняв их с численностью войск гетмана К.И. Острожского.

> «Как королю и великому князю Литовскому удалось собрать в 1514 г. до 35.000 солдат, если акты того времени свидетельствуют о низких темпах сбора посполитого рушения? Откуда взялось гигантское войско в 80.000 московитов, если весь военный потенциал поместной конницы Руси был раза в четыре меньше этой цифры?»

Неизвестно, кому адресованы эти вопросы. Ведь ответов на них нет. Можно допустить определенное завышение количества войск противников, приведенного в большинстве источников и в традиционной литературе. Но, решительно опровергая «устоявшуюся историографию», ученый должен убедительно доказать свою «правду», свою статистику, используя для этого источники, заслуживающие безусловного доверия. Ведь все тексты и документы субъективны, сплошь и рядом не согласуются между собой. более того — противоречат друг другу. А задавать вопросы «как королю удалось собрать до 35 тысяч солдат», «откуда взялось гигантское войско в 80.000 московитов»? — это означает обращаться к читателям за помощью.

О своих научных достижениях в области изучения темы Оршанской битвы А.Н. Лобин успел заявить в авторской статье, помещенной в популярной энциклопедии «Википедия». Здесь мы читаем:

> «Российский историк А.Н. Лобин произвёл подсчёт численности армии под Оршей, основываясь на мобилизационной способности тех городов, люди которых находились в войсках. Историк указывает на то, что в войсках, кроме детей боярских Государева двора, были люди 14 городов: Новгорода, Пскова, Великих Лук, Костромы, Мурома, Боровска, Твери, Волока Ламского, Рославля, Вязьмы, Переяславл, Коломны, Ярославля и Стародуба. На основе данных хорошо задокументированного Полоцкого похода 1563 года, автор приводит

следующее количество русских войск: 400—500 татар, около 200 детей боярских Государева полка, 3000 новгородцев и псковичей, 3600 представителей других городов, всего около 7200 дворян. С боевыми холопами численность армии составляла 13—15 тыс. человек. Учитывая потери в ходе кампании, отъезды дворян со службы, отмеченные в источниках, и людей, оставленных в Смоленске, численность армии могла составлять около 12 тыс. человек».

В данном конкретном случае нам представляются ненадежными результаты подсчета численности армии под Оршей на основании мобилизационной способности 14 городов. А где формирования удельных князей? Где наемники, которые были в войске Москвы? Где отряды, выставленные феодалами тех поветов, которые успела захватить Москва?

Ни в коем случае нельзя согласиться с переносом Лобиным на реалии войны 1512—1522 гг. реалий Ливонской войны (1563 г.), которая происходила через 50 лет. Подобные переносы и сравнения не дают в руки ученого надежного фактического материала, тем более, когда речь идет о методике достоверного подсчета войск в разные эпохи и в разных условиях. К примеру, он утверждает, что в 1563 году дети боярские приводили с собой на войну по одному боевому холопу. Но другие авторы (например, С.М. Середонин) пишут, что в начале XVI века каждый сын боярский имел при себе 2—3 боевых холопа!

Далее А.Н. Лобин заявляет: если польско-литовские источники свидетельствуют о значительном численном превосходстве «московитов» над армией князя К.И. Острожского, то русские летописи говорят об обратном — что «сила» была некомплектна, «инии в отъезде были», а «литва пришла изнарядяся на них». Подобные «аргументы» не являются доказательством в споре о численности войска. Однако Лобин хорошо понимает цену источникам и не случайно тут же делает примечание:

> «С источниковедческой точки зрения нет никаких причин отдавать предпочтение одному нарративному источнику, и игнорировать другой. Если отбор источника идет только по принципу «этот ложится в мою концепцию, а этот игнорируем, это вражеский источник, его не рассматриваем» — то к истории такой принцип не имеет никакого отношения».

Это верно. Однако указанный принцип сам Лобин нередко игнорирует. Так, критикуя профессора А.П. Грицкевича, он пишет:

> «Мне удалось в собрании Тайного государственного архива Прусского культурного наследия обнаружить шпионское донесение орденскому комтуру от 16 сентября 1514 г. — буквально через неделю после битвы — в котором говорится о 2000 убитых и пленных «московитах».

Между тем, Грицкевич пишет о 173 пленниках «Великой битвы», а в хрониках говорится о 30 тысячах убитых. Какие же выводы делает Лобин с помощью подобного «сравнительного» метода?

Никаких.

Итак, А.Н. Лобину спустя 500 лет после сражения удалось обнаружить донесение комтуру от некоего шпиона. Именно это донесение занимает особое место в его рассуждениях о численности войск, сражавшихся на Оршанском поле у берегах Днепра и Крапивны. А нужны ли здесь данные разведки Прусского ордена? Поле брани после битвы было открытым для многочисленных участников и очевидцев, оставивших свои свидетельства о битве. Они нашли отражение в летописях и хрониках того времени, в записках современников. Расценивать все такие свидетельства только как пропаганду Сигизмунда, как делает Лобин, значит сознательно запутывать читателей.

Известный специалист по методологии исторической науки Ёрн Рузен не случайно предупреждал современников:

> «Не следует доверять наивным утверждениям авторов, которые уверяют в абсолютной объективности своих трудов. История пишется и переписывается снова и снова в контексте времени, в котором живут историки и читатели их трудов» (Jorn Rusen. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft. /Основы исторических знаний/. Гёттинген, 1983, с. 119).

Лобин же продолжает:

> «Игнорируя приемы военной логистики, историки помещают огромные армии противников в излучину Днепра, между Оршей и р. Крапивной».

Однако дело здесь не в «логистике». Автор сам поместил театр военных действий между Оршей и Крапивной, тогда как в действительности битва происходила на правом берегу Крапивны вверх по течению Днепра.

Лобин неоднократно называет Оршанское сражение «тактической битвой». Почти каждая битва предполагает определенную тактику той и другой стороны. Со стороны союзников (литовско-польского войска) была хорошо продуманная тактика главнокомандующего (гетмана Острожского), успешно реализованная на поле боя. Поэтому более грамотно говорить о тактической победе союзного войска. Надо также отметить героизм, с которым оно (союзное войско) сражалось в едином порыве против московского войска, вторгшегося на землю соседей отнюдь не с миротворческой миссией.

Лобин дает высокую оценку ягеллонской пропаганде. По его мнению, она сотворила чудо: «серьезный внешнеполитический эффект имели не столько последствия самой битвы, сколько пропагандистская деятельность ягеллонской дипломатии». Это сугубо личное мнение автора, читатель имеет право принять его на веру или же отвергнуть. На наш взгляд, Лобин намеренно преувеличил значение пропаганды короля Сигизмунда I. Главную роль в изменении международной ситуации, повлекшей за собой новую расстановку сил, сыграла отнюдь не пропаганда, а сама битва, одна из наиболее масштабных в Восточной Европе в XVI веке.

А еще Лобин утверждает, что под Оршей в 1514 году чисто тактическую победу одержали поляки, а отступление московского войска, согласно той же логике, тоже было тактическим. По его мнению, «литовские войска», которые постоянно фигурируют в исторических документах, — это и есть завоеватели восточных славян, белорусы к ним не имеют никакого отношения. Как говорится, дискуссия закрыта, споры о происхождении белорусов и о белорусском культурном наследии не имеют смысла. Есть Западная Русь и «русские со знаком качества», и есть современная Летува, былая Жемайтия.

ИТОГИ ВОЙНЫ И ЗНАЧЕНИЕ БИТВЫ

Исход битвы реально повлиял на дальнейший ход войны. Военное командование Московского княжества вынуждено было изменить свою тактику и стратегию. Вплоть до конца войны московиты избегали нового генерального сражения, ограничившись порубежными рейдами конницы.

В итоге войны 1512—1522 гг. установилась та геополитическая граница, которая, по сути, сохраняется до настоящего времени. Российским политическим деятелям и российской культурной элите хорошо было известно еще в XIX веке, какой народ издавна населял земли восточнее Березины, в том числе Смоленщину. Многотомное издание «Живописная Россия», другие краеведческие и этнографические издания, а также авторы этнографических и этнолингвистических карт и атласов относили Витебскую, Могилёвскую, Смоленскую губернии и часть Черниговской (территорию западной Брянщины) — к Беларуси, тогда как территорию западных губерний (Гродненскую, Виленскую, частично Минскую) называли Литвой.

Значение Оршанской битвы именно в том, что первая серьезная «проба сил» в десятилетней войне (1512—1522) фактически закончилась «боевой ничьей»; широкий стратегический план завоевания (поглощения) Литвы «Третьим Римом» закончился перемирием. Был ликвидирован и первый военно-стратегический союз Московского государства, Австро-Венгрии и Пруссии, направленный против ВКЛ и Польши. Впоследствии именно этот альянс «трех черных орлов» сыграл роковую роль в судьбе Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского.

Итак, война зафиксировала относительное равенство сил между Москвой и Вильней. Но людские и материальные ресурсы набиравшей силу новой Восточной империи (с учетом последующего захвата ею обширных пространств Поволжья и Сибири) в перспективе выглядели более значимыми, чем у ВКЛ и Польши, несмотря на цивилизационное превосходство последних.

Таким образом, война 1512—1522 гг. стала первым серьезным столкновением двух цивилизаций в их споре за Восточную и Среднюю Европу. Дальнейшее известно, это военные кампании «на истощение сил»: Ливонская война (1558—1583), так называемая «димитриада» 1604—1618 гг. и беспощадная

война 1654—1667 гг. (фактически геноцид), которую российские историки по сей день цинично называют «освободительной».

Далее в военные кампании и стратегические союзы вовлекалось все большее число стран. Но речь шла уже не о Смоленске и «нескольких малых пограничных крепостях». На кону стояли Прибалтика, Украина и Финляндия, Великое Княжество Литовское и Речь Посполитая, Крым и Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан... Решался вопрос о стратегическом доминировании России на Балканах, в Восточной и Западной Европе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке.

Мы вправе говорить, что многочисленные колониальные войны, развязанные Россией в XVII—XIX веках, явились исторической прелюдией к Первой мировой войне.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Виктор Титов (1938 г.р.) — доктор исторических наук (1991), профессор (1995). Работал в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН Беларуси (1977—1993). В 1993—98 заведовал кафедрой этнологии и музееведения Беларуского университета культуры, в 1998—2012 кафедрой этнологии и фольклористики Беларуского педагогического университета.

Автор книг «Гісторыка-этнаграфічнае раянаванне матэрыяльнай культуры беларусаў: XIX — пачатак XX стст.» (1983), «Народная спадчына: Гістарычныя шляхі і этнакультурныя стасункі» (1994), «Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі» (1996; 2-е выд. 2001) и других.

ОРШАНСКАЯ БИТВА: ПО ТУ СТОРОНУ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА

Андрей Киштымов,
кандидат исторических наук

Начну с утверждения, которое не может быть подвергнуто сомнению: битва под Оршей в 1514 году — одна из многочисленных битв феодальной Европы, которую уже несколько столетий потрясали династические и религиозные столкновения, что, в конечном итоге, привело как к политическому, так и к экономическому крушению всей феодальной системы.

Крах этой системы не означал окончания больших и малых европейских войн. Они продолжались, более того, в XX веке приобрели глобальный характер мировых войн. В силу геополитических обстоятельств ареной этих военных столкновений нередко становилась белорусская земля. Поэтому, как ни печально, но именно войны стали главным интегратором Беларуси в европейскую и мировую историю.

Как это сказалось на менталитете белорусов — отдельная интересная проблема. Как это повлияло на белорусскую историографию — тоже тема отдельного фундаментального исследования, которое еще ждет своего исследователя или исследователей. По крайней мере, периодизация отечественной истории, как на уровне народной исторической памяти, так и в солидных исторических трудах, нередко делится на довоенные, военные и послевоенные периоды, вне зависимости от того, к какому веку и периоду эта самая история относится.

Битва под Оршей в начале XVI века не стала точкой исторического водораздела своей эпохи. Река времени не изменила своего течения: борьба за превосходство в Восточной Европе между Вильно и Москвой продолжилась с переменным успехом.

Однако на сегодняшний день именно эта битва стала одним из наиболее выразительных маркеров, разводящих современных историков по разным историческим лагерям. Появляются новые работы, в том числе монографического характера, события 1514 года весьма активно, особенно в Беларуси, становятся жертвой общественного исторического приговора. Создалась ситуация, когда по отношению к Оршанской битве нередко судят о идеологических, политических и национальных пристрастиях человека.

Но это — сегодня. И это не может не влиять на позицию исследователя, занятого той проблемой и той эпохой. Перед нами яркое воплощение того случая, когда историк превращается в униформиста: сначала примеряет форму или доспехи одной из противоборствующих сторон, а уже потом становится летописцем. Поэтому обратим внимание на те времена, когда историкам не нужно было искать ответ на вопрос: «С кем вы, мастера культуры?»

То есть на то время, когда на просторах Российской империи безраздельно господствовала историческая «Русская правда», не встречая сколько-нибудь заметного сопротивления со стороны национальных историографий. Подобная ситуация во многом сохранилась и в эпоху господства советской историографии.

При этом обратим внимание на своеобразный парадокс. Просматривая современные публикации про Оршанскую битву, обнаруживаешь, что авторы проводят весьма обширные источниковедческие изыскания, дают обширные историографические очерки, с подробным разбором работ своих современников, в том числе и оппонентов, но как-то обходят стороной историческую классику XIX века.

С одной стороны — это верно. Специальных исследований по данной теме в те времена практически не было, ведь со времен Татищева, а, может быть, и от легендарного Нестора-летописца, господствовало стремление создать обобщающий курс российской истории, где сами события под Оршей удостаивались, в лучшем случае, нескольких строк. С другой стороны — это ошибка, так как перед нами как раз тот случай, когда сказанное однажды имеет свою непреходящую силу.

Начнем с отца русской исторической науки, придворного историографа, Николая Карамзина (1766—1826):

> «Взятие Смоленска, говорит Летописец, казалось светлым праздником для всей России. Отнять чуждое лестно одному славолюбию Государя; но возвратить собственное весело народу. Сто десять лет находился Смоленск под властью Литвы. Уже обычаи изменялись; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь к древнему отечеству, вместе с братским духом единоверия, облегчили для Великого Князя сие важное завоевание».

Что же касается Оршанской битвы, то, по мнению Карамзина, ее значение преувеличено, и она не имела стратегических последствий.

> «Глинский /после ареста. — *А.К.*/ не мог запираться: у него вынули из кармана Сигизмундовы письма. Готовясь к смерти, он говорил смело о своих услугах и неблагодарности Василиевой. Государь приказал отвезти его скованного в Москву: а Воеводам нашим, Князю Булгакову, Боярину Челяднину и многим другим, идти навстречу к неприятельской рати. Константин Острожский предводительствовал ею. Пишут, что наших было 80000, Литовцев же только 35000.
>
> Сошлися на берегах Днепра и несколько дней стояли тихо, Россияне на левом, Литовцы на правом. Чтобы усыпить Московских Воевод, Константин предлагал им разойтися без битвы и тайно наводил мост в пятнадцати верстах от их стана. Узнав, что половина неприятелей уже на сей стороне реки, гордый Боярин Челяднин сказал: «Мне мало половины; жду их всех, и то-

гда одним разом управлюсь с ними»*. Конница, пехота Литовская перешли, устроились, заняли выгодное место: началась кровопролитная битва. Уверяют, что главные Воеводы Московские, Князь Булгаков-Голица и Боярин Челяднин, от зависти не хотели помогать друг другу; что движения нашего войска не имели связи, ни общей цели; что в самом пылу сражения Челяднин выдал Булгакова и бежал. По другим известиям, Князь Константин употребил хитрость: отступил притворно, навел Россиян на пушки и в то же время зашел им в тыл.

Все говорят согласно, что Литовцы никогда не одерживали такой знаменитой победы над Россиянами: гнали, резали, топили их в Днепре и в Кропивне; телами усеяли поля между Оршею и Дубровною; пленили Булгакова, Челяднина и шесть иных Воевод, тридцать семь Князей, более 1500 Дворян и чиновников; взяли обоз, знамена, снаряд огнестрельный; одним словом, в полной мере отмстили нам за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысяч воинов: ночь и леса спасли остальных. На другой день Константин торжествовал победу над своими единоверными братьями и Русским языком славил Бога за истребление Россиян; пышно угостил знатных пленников и немедленно отправил к Сигизмунду, который велел Челяднина и Булгакова оковать цепями: следственно, наказал их за то, что они услужили ему своим неразумием. Сии злосчастные Воеводы долго томились в неволе, презираемые Литвою и как бы забвенные отечеством.

Сигизмунд, будучи вне себя от радости, спешил известить всю Европу о славе Литовского оружия; дарил Государей и Папу нашими пленниками; мыслил, что отнимет у России не только Смоленск, но и все прежние завоевания; что Василий не может собрать новых сильных полков и что ему остается только бежать во глубину Московских лесов. Король ошибся: сия блестящая победа не имела никаких важных следствий».

Карамзинское историческое наследие ревизовал Сергей Соловьев (1820—1879). Он дал весьма живописное описание Оршанской битвы:

«Распорядившись насчет Глинского, великий князь велел своим воеводам двинуться против короля; тот, оставив при себе четыре тысячи войска в Борисове, остальные под начальством князя Константина Острожского отправил навстречу к московским воеводам, у которых, по иностранным известиям, было 80000 войска, тогда как у Острожского — не более 30000. После нескольких небольших стычек в конце августа Челяднин перешел на левый берег Днепра у Орши и здесь решил дожидаться неприятеля, не препятствуя ему переправляться через реку, чтоб тем полнее была победа.

8 сентября 1514 года произошел бой: русские начали нападение, и долго с обеих сторон боролись с переменным счастием, как наконец литовцы на-

* Нет никаких свидетельств о том, что он действительно произнес эти слова. Скорее всего, их придумал Н.М. Карамзин, как и многие другие «высказывания» исторических персонажей. — *Ред.*

меренно обратились в бегство и подвели русских под свои пушки; страшный залп смял преследующих, привел их в расстройство, которое скоро сообщилось и всему войску московскому, потерпевшему страшное поражение: все воеводы попались в плен, не говоря уже об огромном количестве убитых ратников; река Кропивна (между Оршею и Дубровною) запрудилась телами москвитян, которые в бегстве бросались в нее с крутых берегов. Сигизмунд, извещая ливонского магистра об Оршинской победе, писал, что москвичи из 80000 потеряли 30000 убитыми; взяты в плен: 8 верховных воевод, 37 начальников второстепенных и 1500 дворян; но после из литовского же обстоятельного перечисления узнаем, что всех пленных, как взятых на Оршинской битве, так и в других местах, было 611 человек.

По московским известиям, Острожский сначала занимал Челяднина мирными предложениями, а потом внезапно напал на его войско; первый вступил в битву князь Михайла Голица, а Челяднин из зависти не помог ему; потом литовцы напали на самого Челяднина, и тогда Голица не помог ему*; наконец, неприятель напал в третий раз на Голицу, и Челяднин опять выдал последнего, побежал и тем решил судьбу битвы; но московские источники согласны с литовскими относительно страшных следствий Оршинского поражения».

По мнению Соловьева, Москва

«...должна была отдохнуть после Оршинской битвы; но вредные следствия этой битвы для Москвы ограничились только потерею людей, потому что король не мог извлечь из нее для себя никакой пользы, не мог даже возвратить себе Смоленска, приобретение и удержание которого для Василия служили достаточным вознаграждением за все потери».

Последним патриархом исторической науки царской России был Михаил Ключевский (1841—1911). В его «Курсе русской истории» ни Оршанская битва, ни Константин Острожский даже не упомянуты. Зато в свойственной ему афористической манере он дал блестящую характеристику тех событий и той эпохи:

«Мысль о государственном единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и поспешила заявить во все стороны как свое неотъемлемое право».

Весьма актуально и современно выглядит данная Ключевским характеристика «фамильной московской логики и политики», рожденной в ту эпоху, как «логике полумыслей и политике полумер».

---

* И это тоже выдумка, но уже Соловьева, а не Карамзина, призванная объяснить полный разгром московитов. В действительности, полк правой руки должен был атаковать первым в соответствии с общим планом сражения. А своевременно придти на помощь «большому полку» он не смог, т.к. был отброшен далеко назад контратакой поляков, понес серьезные потери и не успел восстановить боевое построение. — *Ред.*

Для полноты картины стоит упомянуть и о том, как велось преподавание этой истории в школьных учебных заведениях императорской России. Историю в них учили по Иловайскому.

Если Карамзин, Соловьев или Ключевский не нуждаются в особом представлении, то про Дмитрия Ивановича Иловайского (1832—1920) стоит напомнить. Выпускник Московского университета, он прошел весьма длительный — 88 лет — как жизненный, так и творческий путь. Отметим, что темой его докторской работы был Гродненский сейм 1793 г. Однако основную известность Иловайскому принесли его школьные пособия по российской и всемирной истории, которые в 1860—1916 гг. переиздавались более 100 раз.

В этих учебниках, по которым училась вся царская Россия, Д.И. Иловайский излагал сокращенный курс собственного понимания российской истории. Его «История России» стала выходить с 1876 года и остановилась на воцарении Петра (5 томов, 1876—1905). Событиям XVI века посвящен 3-й том, войне 1512—1522 г. в нем отведено немногим более десятка страниц. В одобренном Министерством просвещения «Кратком очерке русской истории» этой войну посвящен следующий абзац:

> «Главным виновником этой войны с Сигизмундом I был знатный западнорусский вельможа Михаил Глинский, который предался на сторону Василия и побудил его начать враждебные действия (1507 г.). Война, прекратившаяся спустя несколько месяцев, возобновилась через четыре года с большею силою.
>
> Самыми замечательными событиями ея были: во-первых, взятие Смоленска Московитянами под начальством великого князя (1514 г.); во-вторых, сильное поражение, которое московские воеводы в том же году потерпели близ города Орши. Начальником неприятеля в этой битве был Константин Острожский, успевший спастись бегством из московского плена; наконец в 1522 году заключено перемирие, и Смоленск, более ста лет находившийся под владычеством Литвы, остался за Москвою».

Добавим интересный штрих. Сегодня именно школьные учебники Иловайского довольно активно переиздаются большими тиражами и, таким образом, являются составной частью образовательного процесса в Российской Федерации.

В советское время на официальном уровне «вспомнили» о том, что история начинается не с Октября 1917 года, лишь тогда когда появились «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписями И.В. Сталина, А.А. Жданова, С.М. Кирова, датированные 8 августа 1934 года. Следующим днем, с теми же подписями, датированы «Замечания о конспекте новой истории».

В 1939 году был издан первый советский учебник по истории СССР для исторических факультетов государственных университетов и педагогиче-

ских институтов. Десятилетняя война 1512—1522 гг. отражена в параграфе «Войны с Литвой и Польшей»:

> «Литовские и польские войска во главе с князем Константином Острожским внезапно появились около Орши, где в 1514 г. произошло сражение, окончившееся победой литовцев и поляков. Однако попытка развить дальнейшее наступление была остановлена у стен Смоленска».

В конечном итоге «присоединение Смоленска имело большое экономическое и политическое значение для Русского государства».

В том же ключе трактовали события первой четверти XVI века и послевоенные вузовские курсы:

> «Для завоевания Смоленска Василий III совершил три похода, из которых только последний (1514) закончился взятием города. Этот древний город вновь сделался оплотом и важнейшей русской крепостью на западе».

Российскую историографическую концепцию, рожденную еще в XIX веке, повторил и последний советский вузовский курс истории, изданный под редакцией академика Бориса Рыбакова (1908—2001):

> «В 1514 г., в результате третьей подряд войны с Литвой, в состав Московского великого княжества вошел старинный русский город Смоленск, население которого открыло ворота московским войскам. .... Объединение русских земель было в основном завершено. Образовалась огромная держава, самая крупная в Европе».

Таким образом, российская, а вслед за ней — и советская историография не вышли за рамки, предложенные еще Николаем Карамзиным. Концептуально не отходят от них и современные российские историки.

Естественно, что такое положение не могло устраивать возрожденную национальную историю Беларуси. Поэтому победу под Оршей она решила сделать своим историческим реваншем. Отметим, что именно этим термином при оценке событий 1514 года воспользовался выдающийся советский историк Александр Зимин (1920—1980):

> «Оршанская битва для К. Острожского была своеобразным реваншем за разгром на Ведроше в 1500 г., когда он попал в русский плен».

Итак, историческая битва превратилась в битву историй. С одной стороны — это белорусские исторические романтики, как часть новой национальной историографии. С другой — мы видим исторический дискурс, не лишенный поиска и находок новых деталей, однако не выходящий за рамки исторической науки Российской империи и советской исторической доктрины. На наш взгляд, победителей в этой битве историков не будет. Вернее, каждая из сторон уже готова объявить себя победителем и, так как двух по-

бедителей в одном сражении быть не может, то историков ждет очередное Бородино.

Дискуссия о том, какую историческую роль сыграла Оршанская битва 500 лет назад, продолжается. Бесспорно одно: сегодня именно эта битва стала стимулом достаточно активных исторических поисков. И, если оценивать современную белорусскую действительность, она является здесь национальным символом исторического сопротивления России.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Андрей Леонидович Киштымов (1954 г.р.) — кандидат исторических наук, доцент. С 1979 по сентябрь 2005 гг. работал в Институте истории АН БССР (с 1991 — НАН Беларуси), где прошел путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. В 2005—2014 г. был доцентом кафедры политологии и гуманитарных дисциплин Института парламентаризма и менеджмента.

Автор свыше 200 научных публикаций в изданиях Беларуси и других стран (Германии, Польши, США, России и т.д.). Участник международных водных экспедиций (историческое моделирование путешествий на ладьях и драккарах) «Из варяг в греки 2000—2001», «Богун-2002», «Шелковый путь-2003», «Янтарный путь 2004—2005», «Большой Неман-2006», «Десна-2008», «Ганзейские дни-2009».

АРШАНСКАЯ БІТВА Ў СУЧАСНАЙ ГІСТОРЫІ
(па матэрыялах падручнікаў)

Алег Трусаў,
кандыдат гістарычных навук

У першай гісторыі Беларусі, што выйшла ў Вільні ў друкарні Марціна Кухты ў 1919 г., пра бітву пад Воршай Вацлаў Ластоўскі піша наступнае:

> «Вечны мір трываў усяго толькі пяць гадоў. У 1513 годзе ізноў пачалася вайна. Васіль узяў Смаленск. Пасля войскі спаткаліся на берагах рэк Днепра і Крапіўны, недалёка ад Оршы. Вялікі Гэтман князь Канстанцін Острожскі выйграў дзве бітвы. Острожскі камандаваў усяго толькі 35 тысячамі чалавек, а маскоўскага войска было 80 тысяч чалавек і, нягледзячы на гэта, перамог. 30 тысяч трупаў заслалі ўсё поле паміж Оршай і Дорогобужам. Вялікі Гэтман Канстанцін Острожскі, шчыры староннік праваславія, на памяць выйгранай бітвы пабудаваў царкву ў Вільні» (захаваны ў асноўным правапіс аўтара — *А.Т.*). (1. — С. 39).

У БССР пра бітву пад Воршай у сваіх падручніках пісалі Усевалад Ігнатоўскі і Мітрафан Доўнар-Запольскі. «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» У.М. Ігнатоўскага меў чатыры выданні: 1-е выданне — 1919 г.; 2-е і 3-е выданні — 1921 г. і 4-е выданне — 1926 г. Але потым усе творы Ігнатоўскага былі забаронены і знаходзіліся альбо ў спецсховішчах, або былі знішчаны. І толькі ў 1991 годзе выйшла пятае выданне яго славутай працы.

Пра бітву пад Воршай ён піша амаль тое ж, што раней пісаў Ластоўскі, але ёсць і пэўныя адрозненні:

> «Ад Воршы ён (К. Астрожскі — *А.Т.*) гнаў маскоўскае войска аж да Дарагабужу. Трыццаць тысяч трупаў беларусаў, літвінаў і маскоўцаў заслалі ўсю гэтую дарогу» (2. — С. 95). Цяжка сказаць, чаму Ігнатоўскі аддзяляе беларусаў ад літвінаў у пачатку XVI ст., магчыма, гэта зроблена з палітычных меркаванняў, бо потым ідзе агульная характэрыстыка вайны з Масковіяй: «Дорага каштавала беларускаму працоўнаму народу імперыялістычная думка маскоўскіх гаспадароў, што Беларусь ёсць іх «вотчына». (2. — С. 96).

Магчыма, Ігнатоўскі лічыў літвінамі толькі беларускіх феадалаў — баяр і шляхту.

М.В. Доўнар-Запольскі сваю працу «Гісторыя Беларусі» надрукаваць у БССР не здолеў, бо ў 1926 годзе яе забаранілі, і рукапіс надоўга трапіў у спецфонд партархіва БССР. Якраз у пачатку 1926 года разгарнулася крытыка ідэалогіі нацыянал-дэмакратызму, і таму друкаваць кнігу Доўнар-Запольскаму забаранілі, нягледзячы на тое, што яна была напісаная на рускай мове. У часы чарговага беларускага адраджэння рукапіс пераклалі на беларускую мову і выдалі ў 1994 годзе (у 2003 годзе — і на расейскай мове).

У раздзеле «Пачатак барацьбы з Масквой» знакаміты беларускі гісторык згадвае мімаходзь і Аршанскую бітву і дае ёй такую адзнаку:

> «Літве не ўдалося ўзяць Смаленск. Дзіўнае паражэнне, якое масквічы пацярпелі пад Оршай ад князя Астрожскага, зрабілі іх больш падатлівымі...» «...паміж Масквой і Літвой было заключана перамір'е, якое не парушалася ўжо на ўсім працягу кіравання Жыгімонта I Старога і ў пачатку княжэння яго сына» (3. — С. 93).

Паводле Доўнар-Запольскага, перамога пад Воршай часова спыніла маскоўскую экспансію на Захад.

У 30-я гады XX ст., калі працы нашых гісторыкаў былі забароненыя, а самі яны рэпрэсаваныя, згадкі пра Аршанскую бітву надоўга сышлі з беларускіх падручнікаў і навуковых выданняў. Выключэннем з'яўляюцца працы Язэпа Найдзюка, які ў 1944 годзе надрукаваў у Менску пашыранае выданне сваёй кнігі «Беларусь учора і сяньня», і якая, прайшоўшы праз нямецкую цэнзуру (напрыклад, забаранілі згадку пра Грунвальдскую бітву), стала школьным падручнікам на акупаванай немцамі тэрыторыі.

Згадаўшы бітву пад Воршай, Найдзюк пазнаёміў чытачоў з народнай беларускай песняй «Ой, у нядзельку параненька, узышло сонца хмарненька», у якой праслаўляліся беларускія ваяры-пераможцы, і надрукаваў партрэт гетмана Астрожскага (4. — С. 57—59, 404—405).

У пасляваенны перыяд доўгі час бітва пад Воршай не згадвалася ў гістарычных выданнях БССР. У сталінскай гісторыі БССР (акадэмічнае выданне 1954 г.) паведамлялася, што ў канцы XV ст. шмат якія значныя феадалы ВКЛ разам са сваімі валоданнямі пераходзілі на службу да маскоўскага князя.

Называюцца гарады Любеч, Гомель, Старадуб і Чарнігаў, а потым гаворыцца, што гэтыя землі былі замацаваныя за Рускай дзяржавай у выніку вайны 1500—1503 гг. Далей сказана наступнае (цытую на мове арыгінала):

> «В результате войны 1512—1522 гг. Русским государством был освобождён Смоленск (1514), имевший большое экономическое и стратегическое значение» (5. — С. 85).

Цікавасць выклікае думка аб «вызваленні» Смаленска, які да 1514 года ніколі не належаў Маскоўіі.

Школьны падручнік пад рэдакцыяй Абэцэдарскага пайшоў яшчэ далей у скажэнні беларускай гісторыі. У раздзеле «Рух за ўз'яднанне з Рускай дзяржавай» можна прачытаць наступнае:

> «К Русскому государству в 1500 г. присоединили свои владения черниговосеверские князья, которым принадлежал и Гомель» (6. — С. 36).

Тут нічога няма ні пра захоп Смаленска, ні пра Аршанскую бітву, а таксама пра вяртанне Гомеля ў выніку Старадубскай вайны.

Першым вярнуў беларусам іх слаўную перамогу над агрэсарам Уладзімір Караткевіч, які змясціў у сваёй папулярнай кнізе «Зямля пад белымі крыламі» старажытную гравюру 1597 года з выявай Аршанскай бітвы. Потым быў Міхась Ткачоў, які надрукаваў у сваёй працы «Замки Белоруссии» летапісную рускую мініяцюру, прысвечаную бітве пад Оршай.

Упершыню каляровую выяву Аршанскай бітвы з яе апісаннем у жніўні 1990 г. у часопісе «Мастацтва Беларусі» надрукавалі Анатоль Грыцкевіч і аўтар гэтага артыкула (7. — С. 29—30).

У тым жа 1990 годзе ў Эстоніі Беларускае культурнае таварыства «Грунвальд» і аб'яднанне «Беларуская школа» з Кліўленда выдалі «Кароткі агляд гісторыі Беларусі для беларускіх дапаўняльных школаў», які ўклаў П. Рагач. Тут апісваецца Аршанская бітва і друкуецца народная песня «Бітва пад Воршай» (8. — С. 32—33).

У незалежнай Беларусі Аршанская бітва адразу заняла адпаведнае месца ў хроніцы асноўных гістарычных падзей сярэднявечнай гісторыі беларусаў. Акадэмічнае выданне «Нарысы гісторыі Беларусі» на сваіх старонках разглядае бітву пад Воршай і яе гістарычнае значэнне (9. — С. 130).

Самае добрае апісанне Аршанскай бітвы ў падручніку для 7 класа зрабіў гісторык Павел Лойка ў 1993 годзе. Прывяду гэты фрагмент цалкам:

«У 1514 г. маскоўскае войска, авалодаўшы Смаленскам, рушыла ўглыб Княства ў напрамку Друцка і Оршы. Прыпыніць 80-тысячную рускую армію князя Булгакава-Голіцы ды баярына Чаляднiна магло толькі не намнога большае за 30 тысяч вялікакняскае войска на чале з вядомым палкаводцам, найвышэйшым гетманам Вялікага Княства Літоўскага Канстанцінам Астрожскім. Сутычка паміж гэтымі далёка не раўназначнымі па колькасці сіламі адбылася 8 верасня 1514 года на рацэ Крапіўне пад Оршай.

«Слава Воршы ўжо ня горша». Гетман Астрожскі расставіў свае войскі такім чынам, што па флангах стаяла конніца, а пасярэдзіне пад прыкрыццём часткі гарматаў — пяхота з ручніцамі. Асноўную ж частку гармат палкаводзец пакінуў у засадзе. Ад раніцы да полудня бітва працягвалася з пераменным поспехам. Атакі вершнікаў Астрожскага адбіваліся маскоўскімі воямі, напады ды абыходныя манеўры рускага войска разгадваліся і поспеху не мелі. Галоўныя сілы ў бой яшчэ не ўводзіліся. Упэўненыя ў перамозе, Булгакаў-Голіца ды Чаляднін не прыспешвалі падзей. Першым ініцыятыву ўзяў на сябе Астрожскі. Ён рашуча кінуў у атаку ўсю конніцу Вялікага Княства. Завязалася лютая сеча. Неўзабаве імпэт нападаючых пачаў суцішацца. Вось яны прыпыніліся, пачалі прагінацца і нарэшце ўцякаць. «Літва ўцякае», — з гэткімі воклічамі вялізныя сілы маскоўскіх ратнікаў рынуліся за адыходзячым ворагам. Калі пагоня падляцела да лесу, гетман ускінуў булаву, і «ўцекачы» рэзка збочылі хто ўлева, хто ўправа. Маскоўская конніца апынулася перад пастаўленымі ў засаду гарматамі. Яна была расстраляна проста ва ўпор. Маскоўцы пачалі ратавацца ўцёкамі. І цяпер войска Астрожскага спяшалася наўздагон ворагу, нано-

сячы яму страшныя спусташальныя ўдары. Летапісцы колькасць загінуўшых маскоўскіх ратнікаў акрэсліваюць лічбаю ад 30 да 40 тысяч.

Гэта была вялікая перамога войска Вялікага Княства. Яна сталася дзякуючы тонкаму тактычнаму разліку гетмана Астрожскага, добрай узброенасці (прынамсі, гарматамі) вялікакняскага войска, а ў першую чаргу — мужнасці і рашучасці ліцвінскіх воінаў, якія абаранялі незалежнасць сваёй дзяржавы, свае хаты і сем'і. Перамога дазволіла на пэўны час спыніць памкненні Масквы авалодаць суседнімі заходнімі тэрыторыямі і не дапусціць падзелаў ва Усходняй Еўропе, што выклікала б новыя ваенныя канфлікты.

Галасы мінулага. У тыя часы была складзена народная песня аб бітве пад Оршаю, якая ўслаўляла перамогу і князя Астрожскага:

Ой у нядзельку параненька
Узышло сонца хмарненька,
Узышло сонца над борам,
Па-над Селецкім таборам,
А ў таборы трубы йграюць,
Ды ваяцкія нарады зазываюць,
Сталі рады адбываці,
Адкуль Воршу здабываці:
А ці з поля, а ці з лесу,
А ці з рэчкі невялічкі?
А ні з поля, а ні з лесу,
Толькі з рэчкі невялічкі.
А ў нядзелю параненьку
Сталі хлопцы-пяцігорцы
Каля рэчкі на прыгорцы.
Гучаць разам з самапалаў,
З сяміпалых ад запалаў.
Б'юць паўсоткаю з гарматаў.
Масква стала наракаці,
Места Воршу пакідаці,
А як з Воршы ўцякалі,
Рэчку невялічку праклiналі:
«Бадай ты, рэчка, сто лет высыхала,
Як наша слава тутака прапала.
Бадай высыхала да скончэння свету,
Што нашай славанькі ўжо нету".
Слава Воршы ўжо не горша.
Слаўся, пан Астроскі!

Пасля бітвы пад Оршай вайна цягнулася яшчэ 8 гадоў, але ні для аднаго з варагуючых бакоў не была выніковай. У 1522 г. было заключана мірнае пагадненне паміж Масквой і Вільняй, па якому Смаленск замацоўваўся за Маскоўскай дзяржавай».

Пазней, пасля 1995 года, калі ў краіне адбыліся значныя змены, нягледзячы на пэўны ўціск з боку новай улады, тэма аршанскай бітвы не знікае ў беларускай навуцы і літаратуры. Прывядзем некалькі прыкладаў. Так, Мікола Ермаловіч у сваёй працы «Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае», што выйшла ў 2000 годзе, піша асобны параграф «Аршанская бітва і пасля яе», дзе дае падрабязны аналіз ходу падзей і іх наступстваў для Беларусі (11. — С. 288—291).

Пісьменнік Кастусь Цвірка, які напісаў у 2006 г. твор «Гісторыя Беларусі паводле паданняў і легендаў», таксама разглядае ў раздзеле «Вайна Беларусі з Масковіяй» легендарную бітву і прыводзіць народную песню і «гістарычную песню» Юльяна Нямцэвіча, напісаныя ў яе гонар (12. — С. 341—343).

Аднак «не спяць у шапку» і сённяшнія прыхільнікі «заходнерусізма», адэпты «Русского мира». Вось як яны асвятляюць падзеі вайны 1512—1514 гг. у школьным падручніку для 10 класа:

> «Паражэнне рускіх войскаў пад Оршай на рацэ Крапіўна 8 верасня 1514 г. было адным з заключных эпізодаў гэтай вайны, якое ніяк не змяніла яе вынікаў. За ім было чарговае паражэнне літоўскіх войскаў пад смаленскімі сценамі. У выніку Смаленск аж да інтэрвенцыі пачатку XVII ст. заставаўся ў складзе Расіі. (Успомніце, чым характэрны гэты час для Расіі).
>
> Аб фактычным баку гэтай бітвы вядома няшмат. У прыватнасці, што праз дзесяць дзён пасля яе ад імя Сігізмунда I папе Льву X і магістру Альбрэхту было адпраўлена пасланне, у якім кароль з выхваленнем паведамляў, што ім разгромлена «шмат» маскавітаў і «схізматыкаў», якія падтрымлівалі іх. Так кароль называў сваіх праваслаўных падданых, міжволі прызнаючы, на чыім баку яны знаходзіліся. Кароль указаў, што было забіта 20 тыс. воінаў праціўніка, узята ў палон 46 военачальнікаў і 1500 дваран.
>
> У будучым у сачыненнях Дэцыя і Стрыйкоўскага лічбы забітых узрастуць да 40 тыс., а палонных дваран — да 2 тыс. Такія празмерныя перабольшванні ў тыя часы былі справай звычайнай. Хутка быў складзены панегірык «Жыгімонту Казіміравічу і князю Астрожскаму», дзе неймавернае прыхарошванне перамогі пад Оршай павінна было падсаладзіць горыч страты Смаленска.
>
> У 1517 і 1526 гг. Расію наведаў пасол аўстрыйскага імператара Сігізмунд Герберштэйн. Абодва разы яго шлях ляжаў праз Літву. Герберштэйн сустракаўся з князем К. Астрожскім і з яго слоў зрабіў запісы аб Аршанскай бітве. У 1549 г. першым выданнем выйшлі «Запіскі аб Маскавіцкіх справах» Герберштэйна, дзе былі пераказаны гэтыя запісы, якія сталі асноўнай крыніцай усіх наступных папулярных выкладанняў падзей Аршанскай бітвы на ўсіх мовах. Іх прыблізнасць і прадузятасць ніколі не выклікалі сумненняў ні ў аднаго сур'ёзнага гісторыка.
>
> На жаль, мы не ведаем, колькі людзей сышліся над рэчкай Крапіўнай і хто ваяваў там. Напэўна, ужо ніколі не даведаемся. Разважанні аб трохра-

зовай перавазе маскавітаў няхай застануцца на сумленні фантазёраў. Аднак не зашкодзіць памятаць, што да пачатку XVI ст. насельніцтва Вялікага княства Літоўскага істотна перавышала насельніцтва Маскоўскай дзяржавы. Варта ўлічваць таксама польскую і нямецкую дапамогу Літве.

У сувязі з гэтым заканамернае пытанне: у якой меры можна лічыць войскі К. Астрожскага беларускімі? Іх аснову складалі харугвы польскай і літоўскай шляхты, наёмныя нямецкія ландскнехты. Сярод літоўскай шляхты, вядома, былі і этнічныя беларусы, але не яны складалі ядро войска. Колькасць беларускіх мужыкоў у войску таксама была невялікая. Яны з'яўляліся прымусова мабілізаванымі «ў падводы» абознікамі. У адрозненне ад Маскоўскай дзяржавы ў Літве з XV ст. простых людзей пад сцягі не прызывалі. Такі фактычны бок пытання аб праславутай Аршанскай бітве».

Тым не менш, аўтар змясціў каляровую выяву бітвы, памылкова датуючы яе 1597 годам, а дату «8 верасня 1514 года» ўключыў у спіс асноўных падзей у гісторыі Беларусі (13. — С. 85—88, 242).

Цікава, а як пішуць пра бітву пад Воршай і яе значэнне нашы суседзі?

Пра тое, як апісвалі Аршанскую бітву рускія гісторыкі падрабязна пісаў прафесар Анатоль Грыцкевіч (14. — С. 6).

Сучасны польскі гісторык Мар'ян Семаковіч піша пра Аршанскую бітву наступнае:

«У 1514 годзе Літва страціла Смаленск. Але ў тым жа годзе польскія, літоўскія і рускія войскі пад камандаваннем літоўскага гетмана Канстанціна Астрожскага здабылі бліскучую перамогу над маскоўскімі войскамі пад Оршай: польска-літоўская армія налічвала толькі каля 30 тыс. чалавек, у тым ліку 3 тыс. палякаў, маскоўская ж армія — каля 80 тыс» (15. — С. 43—44).

Як мы бачым, Семаковіч пайшоў далей за Трашчанка, які дапускаў, што крыху беларускіх мужыкоў, хай і ў абозе, у войску Астрожскага ўсё ж было. Семаковіч адмаўляе і гэта.

У гэтым годзе Міністэрства замежных спраў Літвы выдала на беларускай мове, услед за палякамі, сваю гісторыю. Літоўскія гісторыкі пішуць:

«Літва, падтрыманая Польшчаю, выстаяла супраць праваслаўнай Масквы ў бітве пад Оршай ў 1514 г.» (16. — С. 53).

і даюць вялікую (на кніжны разварот) каляровую выяву Аршанскай бітвы». Прычым яны сціпла маўчаць, колькі праваслаўных беларусаў ваявалі з праваслаўнаю Масквою, каб захаваць незалежнасць каталіцкай Літвы.

Напрыканцы трэба заўважыць, што за гады незалежнай Беларусі пра Аршанскую бітву пішуць і ведаюць усе плыні нашага грамадства, незалежна ад іх палітычных поглядаў, даючы ёй адпаведна сваю адзнаку.

ЛІТАРАТУРА

1. Ластоўскі В.Кароткая гісторыя Беларусі. Мн.: «Універсітэцкае», 1992. — 126 с.
2. Ігнатоўскі У.Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. /5-е выд./ Мн: «Беларусь», 1991. — 190 с.
3. Доўнар-Запольскі М. Гісторыя Беларусі. Мн.: БелЭН, 1994 — 510 с.
4. Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сяньня: Папулярны нарыс з гісторыі Белаурсі. Мн.: «Навука і тэхніка», 1993. — 414 с.
5. История Белорусской ССР. Том І. Минск: Изд. АН БССР, 1954 — 503 с.
6. Абецедарский Л.С., Баранова М.П., Павлова Н.Г. История БССР. Учебник для учащихся средней школы. Минск: «Народная асвета», 1975 — 288 с.
7. Грыцкевіч А., Трусаў А. Бітва пад Оршай. // «Мастацтва Беларусі», 1990, № 8.
8. Рагач П. Кароткі агляд гісторыі Беларусі для беларускіх дапаўняльных школаў. Талін, 1990. — 94 с.
9. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1 /М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш./ Мн.: «Беларусь», 1994. — 527 с.
10. Лойка П.Гісторыя Беларусі: Вучэбны дапам. для 7-га кл. сярэд. школ. Мн.: «Народная асвета», 1993 — 191 с.
11. Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мн.: «Беллітфонд», 200 — 448 с.
12. Цвірка К. Гісторыя Беларусі паводле паданняў і легендаў. Мінск: «Соврем. слово», 2006 — 400 с.
13. Трашчанок Я. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да кастрычніка 1917 года: вучэб дапаможнік для 10-га кл. Мінск: «Адукацыя і выхаванне», 2008 — 256 с.
14. Грыцкевіч А. Ён паказваў, як бараніць Бацькаўшчыну ад ворагаў. // «Народная воля», 19 жніўня 2014, № 64.
15. «Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. X—XXI стст.» Варшава, 2005 — 312 с.
16. Эйдзінтас А., Бублаўскас А., Кулакаўскас А, Тамашайціс М. Гісторыя Літвы. /Пер. Вінцука Вячоркі/. Вільня: «Santara», 2014 — 280 с.

КОРАТКА ПРА АЎТАРА

Алег Анатолевіч Трусаў (1954 г.н.) — археолаг і гісторык, грамадска-палітычны дзеяч. Кандыдат гістарычных навук (1981), дацэнт (1995).

Нарадзіўся у Мсціславе. Скончыў БДУ (1976). У 1976—95 гг. быў супрацоўнікам, потым загадчыкам археалагічнага аддзела Беларускага рэстаўрацыйнага практнага інстытута. З верасня 1995 г. выкладчык Беларускага універсітэта культуры. Адначасова з 1999 г. старшыня Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны.

У 1992—95 гг. старшыня, у 1998—99 гг. намеснік старшыні Цэнтральнай рады Беларускай сацыял-дэмакратычнай грамады. У 1990—96 гг. дэпутат Вярхоўнага Саваета Рэспублікі Беларусь (з 1991 г. намеснік старшыні Камісіі ВС па адукацыі, культуры і захаванні гістарычнай спадчыны).

Аўтар больш чым 10 манаграфій, мноства навуковых і навукова-папулярных артыкулаў.

ПРАБЛЕМА ЛАКАЛІЗАЦЫІ АРШАНСКАЙ БІТВЫ 1514 г.

Юрка Копцік,
краязнаўца

Ужо першыя расійскія гісторыкі і даследчыкі XVIII—XIX ст. — Тацішчаў, Карамзін, Салаўёў, Барычэўскі, Арцыбашаў, Дзембавецкі, Кашпроўскі, — у большай ці меншай ступені не абыходзілі сваёй увагай Аршанскую бітву 1514 г. [1, с. 112; 2, с. 42—43; 3, с. 246—247; 4, 1846, с. 128—129, 1856, с. 25—26; 5, с. 97—99; 6, с. 102—104; 7, с. 173—344]. Аднак пытанню лакалізацыі месца Аршанскай бітвы ніхто з іх асобнай увагі не надаваў, калі не прымаць пад увагу згадванне С. Герберштэйна ў сваёй працы аб тым, што за няшмат гадоў пасля бітвы там вырас настолькі вялікі лес, што ніхто не мог бы паверыць, што там было столькі месца і што столькі народу сабралося туды з войскам для бою [8, с. 311].

Першы па часе план Аршанскай бітвы, які насёння ўдалося выявіць, належыць расійскаму даследчыку ваеннай гісторыі князю Мікалаю Галіцыну, ён апублікаваны ў 1878 годзе [9, карты и планы]. Згодна Галіцыну, бітва адбылася ў 12—14 км на ўсход ад Оршы на правым беразе левага прытоку Дняпра рэчцы Крапіўны пры самым яе вусці (малюнак 1).

У 1890 годзе польскі гісторык Канстанцін Гурскі публікуе свой план Аршанскай бітвы [10]. Згодна яму, бітва адбылася ў 6—8 км на ўсход ад Оршы на берагах іншага левага прытоку Дняпра — ручая Водзьбіца (мал. 2).

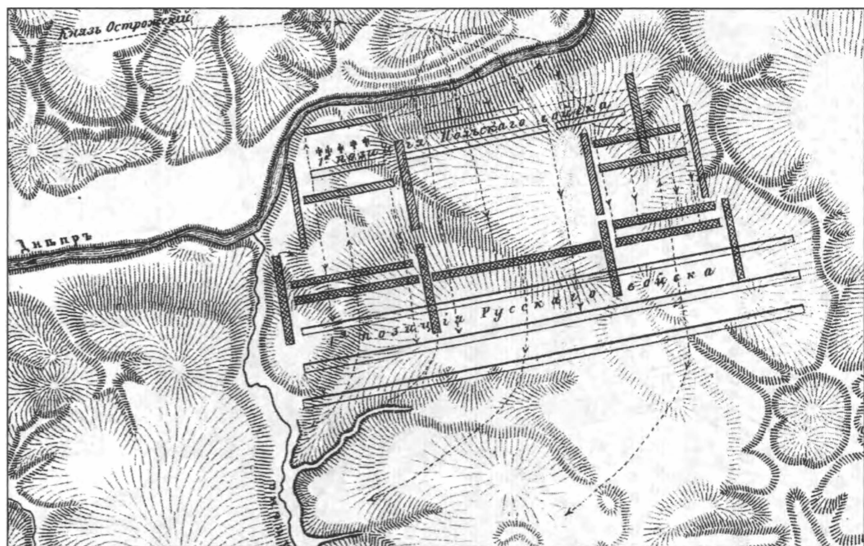
У 1914 годзе у расійскай «Военной энциклопедии» публікуецца той жа план бітвы на Крапіўне паводле М.С. Галіцына [11, с. 187] (мал. 3).

У рабоце польскіх даследчыкаў Станіслава Хербста і Міхала Валіцкага (1949 г.), прысвечанай даследванню карціны «Бітва пад Оршай», знаходзім яшчэ адзін план Аршанскай бітвы, праўдападобна распрацаваны ў 1938 годзе польскім ваенным гісторыкам Аттонам Ласкоўскім [12, s. 34; 13, plan]. Паводле гэтага плана, бітва адбылася ў 3—5 км на паўночны ўсход ад Оршы на левым беразе Дняпра, на поўдзень ад вёскі Пашына (мал. 4).

Гэты ж план польскіх даследчыкаў узяў за аснову беларускі гісторык Анатоль Грыцкевіч, разбіўшы яго на некалькі фаз бітвы (ўпершыню апублікаваны ў 1993 годзе у першым томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» і паўтораны потым у «Беларускай энцыклапедыі» і энцыклапедыі «Вялікае княства Літоўскае» [14, с. 187; 15, с. 537—538; 16, с. 250] (мал. 5).

Беларускі гісторык Міхась Чарняўскі ў 1993 годзе публікуе свой план Аршанскай бітвы, які хаця і пакідае некаторыя пытанні, але ў цэлым упісваецца ў канцэпцыю лакалізацыі Аршанскай бітвы польскай гістарычнай школы [17, с. 254] (мал. 6).

Далей мы назіраем пэўную завочную палеміку ў поглядах на лакалізацыю Аршанскай бітвы польскай і расійскай гістарычных школ. У 2000 го-

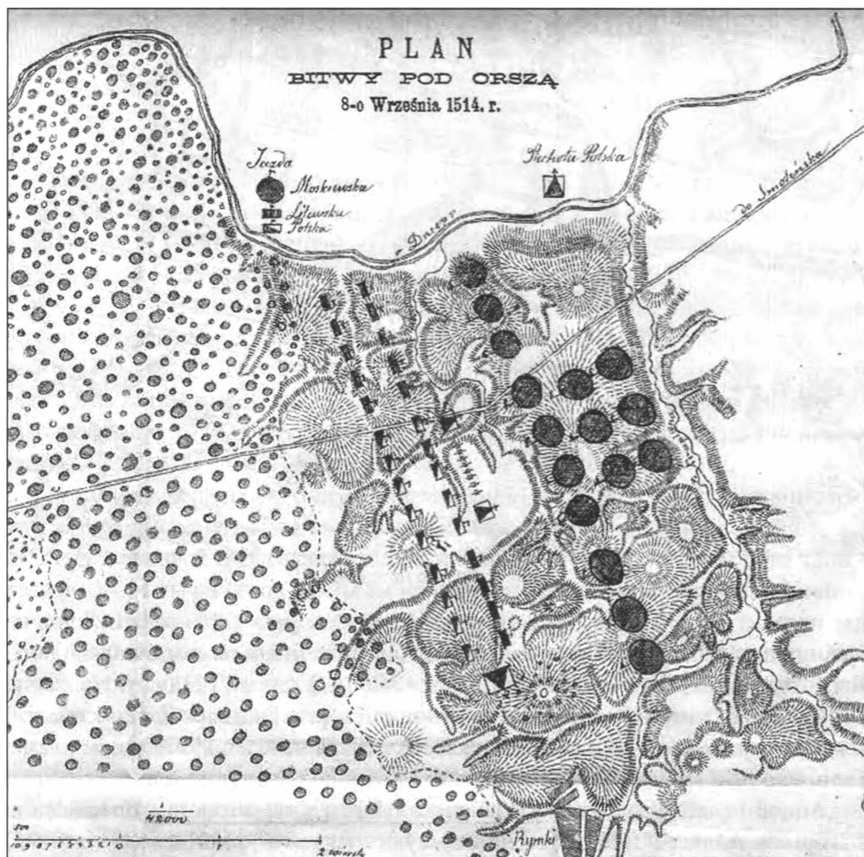

Мал. 1. Карта Галіцына

дзе польскі аўтар Пётра Друздзь у сваёй кнізе «Орша 1514» публікуе яшчэ адзін план Аршанскай бітвы, які з'яўляецца варыянтам вядомага нам плана Ласкоўскага, Хербста і Валіцкага [18, s. 196—197]. (мал. 7) Нібыта ў адказ у 2004 годзе ў калектыўнай працы «Военная история Государства Российского» публікуецца план Яўгена Разіна, які ёсць варыянтам вядомага нам плана Галіцына 1878 г. [19, с. 435] (мал. 8).

Апошнім па часе з планаў Аршанскай бітвы з'яўляецца план расійскага гісторыка Аляксея Лобіна, змешчаны ў выдадзенай у 2011 годзе ягонай манаграфіі «Битва под Оршей 8 сентября 1514 года» [20, с. 254—255]. (мал. 9) Лобін — першы расійскі даследчык, які стаў на пункт гледжання лакалізацыі Аршанскай бітвы, распаўсюджаны ў польскай гістарыяграфіі. Некалькі змяніўшы вось размяшчэння войскаў, аўтар практычна прыняў распрацаваны польскімі гісторыкамі план лакалізацыі бітвы ў наваколлях сённяшніх вёсак Пашына, Шугайлава і Стахоўка.

Наколькі вядома, ніхто з аўтараў прадстаўленых планаў не рабіў прывязку сваіх планаў бітвы да тапаграфічных асаблівасцяў мясцовасці, не праводзіў на мяркуемых месцах бітвы палявых доследаў, не вывучаў мясцовую мікратапаніміку, нарэшце не апытваў старажылаў сярод мясцовага насельніцтва на прадмет наяўнасці або адсутнасці на дадзенай тэрыторыі нейкіх старадаўніх міфаў і легенд, звязаных з падзеямі Аршанскай бітвы, а таксама звестак пра магчымыя знаходкі баявога рыштунку ці зброі ў мінулым, якія могуць быць суаднесены з часам Аршанскай бітвы. Для параўнання: калі ў 1960-е гады паўстала пытанне аб лакалізацыі Лядовага

Мал. 2. Карта Гурскага

пабоішча 1242 года, то комплексная экспедыцыя з гісторыкаў, археолагаў, тапографаў, тапаністаў і вадалазаў-аквалангістаў працавала на Чудскам возеры тры палявыя сезоны.

Зыходзячы з тапаграфічных асаблівасцяў левага берага Дняпра ў раёне цяперашніх вёсак Пашына, Шугайлава, Стахоўка і Ларынаўка, дзе згодна з поглядамі польскай гістарычнай школы адбывалася бітва, такую магчымасць трэба адкінуць. Вайсковыя начальнікі не толькі сярэднявечча, але і значна пазнейшага часу як чорт ладана пазбягалі баявых дзеянняў на перасечанай мясцовасці, парэзанай глыбокімі ярамі, балотамі ці далінамі рэчак і ручаёў са стромкімі схіламі. Такія перашкоды і ў спакойнай абстаноўцы ўяўляюць значную праблему для адначасовага пераадолення іх вялікімі масамі войскаў, асабліва конніцы. У баявой жа абстаноўцы, калі масы войскаў робяць пэўныя манеўры — атакуюць, адступаюць, абыходзяць і да т. п. — і перамяшчаюцца

Мал. 3. Паўтор карты Галіцына

PASZYNO

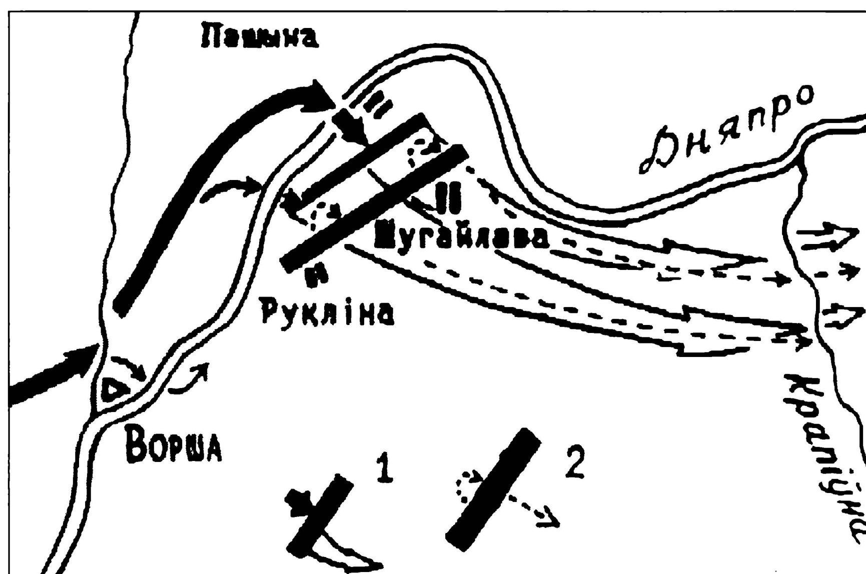
RUKLINO

do Dubrowny

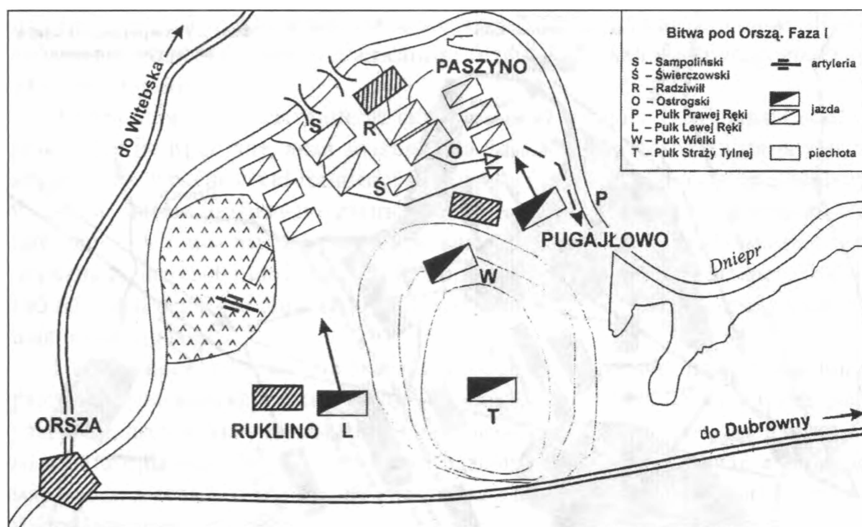
Мал. 4. Карта Хербста і Валіцкага

Разгром палка правай рукі і затрыманне наступлення палка левай рукі

Мал. 5. Карта Грыцкевіча

Мал. 6. Карта Чарняўскага

Мал. 7. Карта Друдзя

Мал. 8. Карта Разіна (1955 г.), паўтораная ў 2004 г.

Мал. 9. Карта Лобіна

Мал. 10. Сучасная карта мясцовасці уздоўж Крапіўны

на вялікай хуткасці, такія перашкоды становяцца для іх пагібельнымі. Што і адбылося, згодна гістарычных апісанняў бітвы, з часткай маскоўскіх войскаў на рэчцы Крапіўне.

А гэта яшчэ адно пытанне да складальнікаў планаў: якім чынам войскі апынуліся на Крапіўне, якая знаходзіцца ў 6—8 км на ўсход ад мяркуемага месца бітвы ў раёне вёскі Пашына? Згодна восі размяшчэння сіл праціўнікаў у гэтым месцы поўнач-поўдзень, маскоўскія палкі мусілі адступаць на поўдзень, і ў такім выпадку не маглі апынуцца на Крапіўне. Няма падстаў меркаваць, што 500 гадоў таму гэтых яроў тут не было, і таму малаверагодна, каб на гэтай перасечанай мясцовасці масы войскаў маглі праводзіць хуткасныя перамяшчэнні.

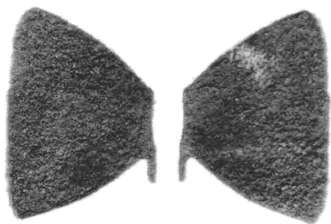
Практычна гэта ж можна сказаць адносна аўтараў тых планаў, дзе вось размяшчэння войскаў захад-усход (Гурскі, Лобін). Аўтары не бяруць пад увагу тое, што якраз у гэтым месцы знаходзіцца глыбокая даліна яшчэ аднаго левага прытоку Дняпра — ручая Водзьбіца, якая паўпадковай ахоплівае мяркуемае месца бітвы з усходу і часткова з поўдня. У раёне дарогі Орша — Дуброўна, якая перасякае ручай, перапад вышынь даліны ручая да 25 м на адлегласці каля 200 м са стромкасцю схілаў да 35°. А ўжо ля вусця Водзьбіцы перапад вышынь дасягае звыш 50 м са стромкасцю схілаў да 50°.

Мал. 11. Бераг Водзьбіцы. Няўжо тут маглі змагацца вершнікі?

У выпадку, калі бітва адбывалася згодна з планам Лобіна, то маскоўскія войскі ў час адступлення непазбежна апынуліся б у даліне Водзьбіцы, дзе і мусіла б адбыцца тая катастрофа, якая сапраўды адбылася з імі, але на Крапіўне. Водзьбіца ж у гістарычных крыніцах нідзе не згадваецца.

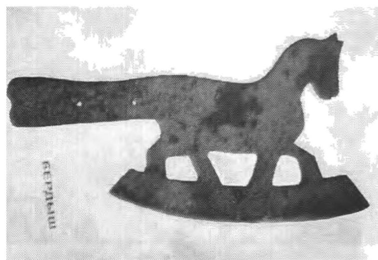
Што тычыцца плана бітвы К. Гурскага, то яна (бітва) наогул не магла мець месца ў рэальнасці, таму як войскі праціўні-

Мал. 12.

Мал. 13.

Мал. 14.

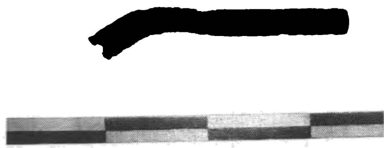
каў у Гурскага размешчаны на супрацьлеглых берагах Водзьбіцы. На абшарах паміж вёсак Пашына, Ларынаўка, Стахоўка, Шугайлава і Сяглава аўтар не зафіксаваў ніякіх паданняў сярод мясцовага насельніцтва, якія можна суаднесці з падзеямі 500-гадовай даўніны.

Знаходкі ж артэфактаў тут мінімальныя. Гэта абломак сякеры (бакі 12 см, шырыня ляза 16 см, дыяметр у месцы злому 8 мм) знойдзены аршанскім краязнаўцам А. Шынкевічам на полі ў адным км на поўнач ад вёскі Шугайлава 5 чэрвеня 2005 г. Дыяметр ляза дазваляе аднесці сякеру не да гаспадарчага рыштунку, а да зброі (мал. 12).

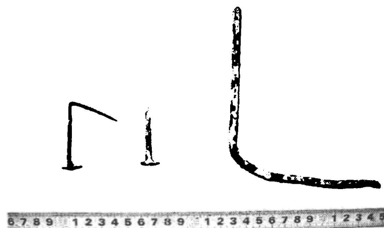
* * *

Тапаграфічныя асаблівасці абшараў правага берага ракі Крапіўны дазваляюць меркаваць аб тым, што Аршанская бітва магла адбывацца менавіта на гэтай мясцовасці. Мяркуемае поле бітвы з захаду абмежаванае далінай ракі Крапіўны, з поўначы — далінай Дняпра, а на ўсходзе яго перасякае неглыбокае рэчышча безыменнага ручая, таксама левага прытока Дняпра. Аўтарам сярод старажылаў вёсак Гацькаўшчына, Заложжа і Крапіўна зафіксаваны глухія паданні, што «калі дзяды аралі навакольныя палі, то знаходзілі многа пабітых людзей» (чытай — парэштказў людзей).

Таксама паводле іх сведчанняў у 1930-я гады адмысловая тэхніка прачышчала рэчышча Дняпра ад Оршы да Дуброўны, і якраз ля вёскі Гацькаўшчына насупраць вусця Крапіўны земснарад разам з рачным пяском выкідваў на правы бераг Дняпра нейкую старую зброю — сякеры, шаблі, нажы… Зафіксаваныя таксама згадванні мясцовым жыхарствам знаходак артэфактаў, якія

Мал. 15-16.

Мал. 17-18.

могуць быць суаднесены з падзеямі 500-гадовай даўніны: у раёне былой вёскі Заложжа (правы бераг Крапіўны) у час асушэння балота ў 1930-я гады тутэйшыя сяляне знайшлі кальчугу (лёс артэфакта высветліць не ўдалося).

Нарэшце трэба згадаць знаходкі паваеннага часу. Гэта наканечнік рагаціны (даўжыня каля 40 см, дыяметр утулкі каля 4,5 см) і пляскатая сякерка фігурнай коўкі ў выглядзе каня з двума адтулінамі для мацавання на пляскатым чаранку (даўжыня каля 35 см, шырыня па цэнтру каля 15 см, дыяметр каля 4 мм), выяўленыя і сфатаграфаваныя аўтарам у 1992 годзе у экспазіцыі краязнаўчага музея Крапівенскай сярэдняй школы (мал. 13, 14). Наканечнік рагаціны быў знойдзены ў час ворыва ў наваколлях вёскі Крапіўны трактарыстам А. Казімірскім у 1983 ці 1984 гг. (дакладнае месца не ўстаноўлена). Пляскатая сякерка знойдзеная на школьным агародзе вучнем школы вёскі Гразіўка (правы бераг ракі Крапіўна) В. Сідаровічам у 1975 годзе.

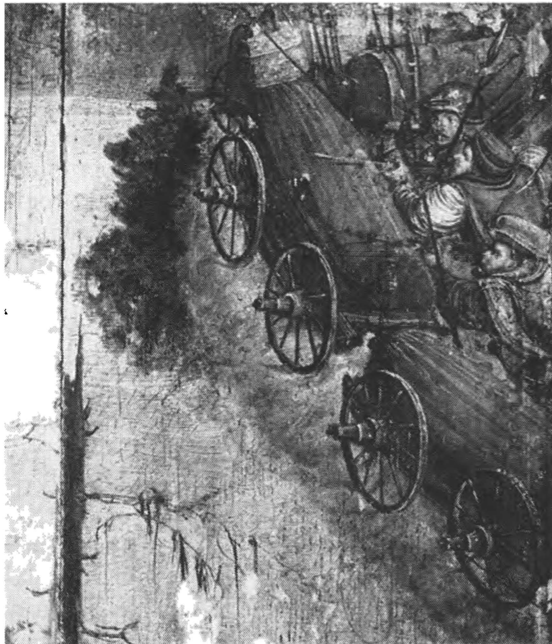
Нарэшце аўтар у 1997 годзе на паўночна-ўсходняй ускраіне былой вёскі Заложжа (правы бераг Крапіўны) выявіў месца кузні канца XIX — пачатку XX ст. Тут аўтар знайшоў шэраг жалезных артэфактаў, відавочна сабраных з навакольных палёў для кузні ў якасці сыравіны. Сярод іх артэфакты атрыбутаваныя як абломак верхняй часткі кірасы панцыра і фрагменты наборнага даспеха кшталту бехцера (мал. 15), дэфармаваны клінок баявога нажа, падобнага на апісаны С. Герберштэйнам сярод узбраення маскоўскіх ратнікаў (мал. 16), абломак пласціны бехцера са штіфтом (мал. 17), цвікі для кавання каня і абломак рыштунку, магчыма ад стрэмені (мал. 18).

* * *

Такі выдатны дакумент падзеі, як карціна невядомага аўтара «Бітва пад Оршай» я таксама прапаную разгледзець з пункту гледжання лакалізацыі бітвы. Прынята думаць, што на карціне выяўлены Дняпро, праз які перапраўляюцца войскі Астрожскага і вядуць бітву з палкамі вялікага князя маскоўскага. Вось бітвы такім чынам пралягае зверху ўніз карціны. Але ці так гэта на самой справе?

Многія даследчыкі, якія займаюцца вывучэннем карціны, забываюць адну істотную рэч: да нас дайшла не ўся карціна цалкам, а толькі частка яе. Польскія адмыслоўцы гавораць, што карціна значна абрэзана зверху і з левага боку. Думаю, што яна некалькі абрэзана таксама і з правага боку. Інакш цяжка патлумачыць, чаму ў правым верхнім куце захавалася толькі невялічкая частка абозу войска Астрожскага, пастаўленага г. зв. вагенбургам: вазы пастаўленыя ў кола ці прамакутнік, а за імі стаяць гатовыя да адбіцця атакі драбы з рушніцамі і пяхотнік з дзідай (мал. 19). Калі ўявіць, што на карціне выяўлены Дняпро, дык такая гатоўнасць абсалютна залішняя: скора пераправіцца праз шырокую і глыбокую раку ды адразу атакаваць праціўніка абсалютна немагчыма.

Цяпер звернем увагу на левы верхні кут карціны: тут выява яшчэ адной невялікай рэчкі ці ручая, у які скідвае маскоўскіх ратнікаў атакуючая гусарыя Астрожскага (мал. 20). Польска-літоўская гусарыя ў тыле маскоўскіх войскаў? Такога няма ні ў водным гістарычным апісанні бітвы.

Мал. 19.

Адказ на гэтыя ды іншыя пытанні просты: на карціне невядомы майстра выявіў не Дняпро, а Крапіўну. Гэта вусце Крапіўны, а Дняпро мы бачым у самым нізе, уздоўж ніжняга края карціны (мал. 21). Калі Крапіўну спешаныя гусары пераходзяць уброд, і вада ім толькі да пояса, дык унізе карціны мы ба-

чым, як у Дняпры тонуць скінутыя туды контратакай гусараў масквіцяне разам з коньмі. Гэта зманутая адступленнем Астрожскага частка старажавога палка і за ім атакуючы гарматы полк левай рукі масквіцян.

Мал. 20.

У такім разе здымаюцца ўсе ўзнікаючыя пытанні, бо вось бітвы перамяшчаецца з вертыкалі ў гарызанталь, папярок карціны. І страчаныя часткі гэтага шэдэўра батальнага жывапісу гэта толькі пацвердзілі б. Тады мы ўбачылі б і левае крыло Астрожскага, частка якога распачала атаку ў фланг прарваўшымся па праваму крылу маскоўскім войскам.

Справа мы бачым шэраг доказаў нашай гіпотэзы: звернем увагу на пераходзячых Крапіўну воінаў Астрожскага (мал. 22). Частка гусараў страціла ўжо коней і пераходзіць рэчку пешшу, адзін з іх страціў і дрэўца і закрываецца ад сыплючых зверху стрэл праціўніка тарчай, другі страціў баявое нагалоўе, трымае ў руках дрэўка, але прыгледземся — яно ўжо без наканечніка. І гэта не памылка майстра. У часткі іншых вершнікаў і пешых гусараў мы бачым таксама дрэўцы з адсечанымі ці адламанымі наканечнікамі (мал. 23). Звернем увагу на крупы коней гэтай групы гусараў: па іх расцякаюцца чырвоныя пацёкі крыві (мал. 24). Гэта звычайная практыка коннага рыцара ў сярэднявеччы: выціраць скрываўленую зброю аб круп свайго каня. Іншымі

Мал. 21.

Мал. 22.

Мал. 23.

словамі, гэтыя воіны ўжо пабывалі ў бітве, адступілі за Крапіўну, а цяпер вяртаюцца назад і шыхтуюцца знову для контратакі праціўніка.

У пацвярджэнне разгледзім яшчэ адну групу воінаў (мал. 25). Гэта таксама гусары (у аднаго з іх захавалася і тарча), а не казакі ці лучнікі, як сцвярджаюць некаторыя даследчыкі. І на крупах коней задняга шэрагу гэтага аддзела таксама бачныя пацёкі крыві. Наперадзе тут гусары, у якіх захаваліся дрэўкі, а за імі становяцца тыя, якія страцілі і дрэўкі, і тарчы, засталася толькі шабля, кісцень ці булава за пасам ды лук са стрэламі. У аднаго вершніка гэтай групы пад скамячанай ці рассечанай чырвонай шапкай праглядаецца нават перавязаная белым галава — цалкам магчыма галава была параненая толькі што.

Нарэшце дзве групы перайшоўшых Крапіўну воінаў, адна з якіх, у цяжкай амуніцыі, стаіць спешаная (мал. 26). Толькі ў аднаго з іх конь, прычым са збітым баявым шыпом на лобным даспеху. Адзін з іх нават прылёг на знятае сядло. Коні

страчаны ці параненыя ў папярэднім баі. Двое з гэтых бясконных рыцараў некалькі ніжэй нават няспешна выліваюць ваду з даспехаў. Ці маглі б гэтыя воіны спрытна пераскочыць раку і гэтак апературатыўна зноў вярнуцца на поле бітвы, калі б гэта было Дняпро? Канешне ж не.

Выснова з усяго сказанага такая: паводле нашага меркавання і доследаў, план бітвы Мікалая

Мал. 24.

Мал. 25.

Мал. 26.

Галіцына найбольш блізкі сапраўднасці.

Але безумоўна неабходныя больш шырокія комплексныя палявыя абследванні тэрыторыі паміж Оршай і Дуброўнай для канчатковага вырашэння праблемы лакалізацыі Аршанскай бітвы 1514 года. Складанне ж планаў бітвы не выходзячы з уласнага кабінета — махровая аматаршчына і прафанацыя гістарычнай навукі.

ЛІТАРАТУРА І КРЫНІЦЫ

1. Татищев В.Н. История российская. Т. 6. М.-Л.: «Наука», 1966.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VII, гл. II. СПб., 1842.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III, т. 5. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
4. Боричёвский И.П. Орша. // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 10. СПб., 1846. Издание II, т. X. СПб., 1856.
5. Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т. II, кн. III. М., 1838.
6. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. Составлен по программе и под редакцией Председателя Могилевского губернского статистического комитета А.С. Дембовецкого. Кн. 2. Могилев на Днепре, 1884.
7. Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899.
8. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
9. Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. 2. СПб., 1878.
10. Górski K. O rozwoju sztuki wojennej w Polsce wieku XV. // Biblioteka warszawska. T. 3. Warszawa, 1890.

11. Военная энциклопедия, т. XVII. Петроград, 1914.
12. Herbst S., Walicki M. Obraz bitwy pod Orsza. Dokument historii sztuki i wojskowości XVI w. // Rozprawy Komisji Historii Kultury i Sztuki. T. I. 1949.
13. Laskowski O. Orsza. // Encykłopedia wojskowa, t. VI. Warszawa , 1938.
14. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 1993.
15. Беларуская энцыклапедыя. Т. 1. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 1996.
16. Энцыклапедыя «Вялікае княства Літоўскае». Т. I. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2007.
17. Чарняўскі М. Гісторыя Беларусі ў ілюстрацыях. На Крапіўне пад Воршай... // «Маладосць», № 10, 1993.
18. Dróżdż P. Orsza 1514. Warszawa: Dom wydawniczy Bellona, 2000.
19. Военная история Государства Российского в 30 томах. Том 1. Ратные дела Отечества: Русь и юная Россия VI—XVI вв. М.: «Animi Fortitudo», 2004.
20. Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011.

КОРАТКА ПРА АЎТАРА

Юрка Копцік — журналіст і краязнаўца, жыхар Воршы. Здейсніў шмат якія краязнаўчыя пошукі, у тым ліку 20 год шукае артэфакты Аршанскай бітвы 1514 г. Аўтар шэрагу артыкулаў, а таксама брашуры «Аршанская бітва і Аршанскі фэст: гісторыя» (2007 г.)

ПОТЕРИ МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСТВА В БИТВЕ ПОД ОРШЕЙ

Михаил Голденков,
писатель

Интереснейший и абсолютно никем не изученный вопрос потерь московского дворянства в битве под Оршей. Сколько было дворян Московии под Оршей 8 сентября 1514 года? Сколько погибло, сколько попало в плен, сколько вернулось к своему великому князю? Как это отразилось на тогдашней Москве?

СИЛЫ СТОРОН

Князь Михаил Глинский, находившийся на московской службе, тайно сообщил королю Жигимонту I (Сигизмунду), что в московской армии числилось до 80.000 человек. Правда, современные польские и российские историки считают, что Глинский сообщил общую численность войск Василия III еще до похода к Смоленску, и что под Оршей она была значительно меньше.

Польский исследователь Мечислав Гембарович (1893—1984) утверждает, что численность московского войска под Оршей составляла около 40.000 человек. Российский историк Алексей Лобин вообще приводит минимальные цифры в пределах от 16.000 человек до 11.000.

Общую численность всех вооружённых сил Московии в XVI веке историки оценивают в диапазоне от 50.000 до 100.000 воинов, заявляя, что таков был предел мобилизационных возможностей этого государства. Характеризуя военно-политическую ситуацию в первой половине XVI века, российский историк В.В. Пенской замечает:

> «Естественно, что действующая армия в любом случае всегда будет составлять только часть от общей численности всех вооруженных сил государства. Опять же, применительно к России того времени, это обстоятельство имеет особое значение, если принять во внимание тот факт, что с 1507 по 1552 гг. ей приходилось порой сражаться на три главных фронта — против Великого Княжества Литовского и царств Крымского и Казанского, имея в качестве потенциальных противников также ещё Ливонский орден и Швецию»...

Американский историк Д. Смит, анализируя общее состояние военного дела в XVI веке и характер действий тогдашних войск в полевых условиях, полагает, что численность московской полевой армии вряд ли превышала 35.000 человек. Впрочем, Смит исследует этот вопрос с европейской точки зрения, не совсем приемлемой для Московии. Там были другие, нежели в Европе, обычаи, традиции и порядки.

Но в любом случае численность войск Москвы существенно превосходила численность армии ВКЛ. Мобилизационный предел этого государства при

Жигимонте I не превышал 35.000, да и то теоретически, а на практике никогда не удавалось собрать войско, состоявшее более чем из 27 тысяч ратников. У наивысшего гетмана ВКЛ, князя Константина Ивановича Острожского под Оршей войск было намного меньше 27 тысяч.

Между тем упомянутый выше А.Н. Лобин утверждает, что силы противников под Оршей были таковы: не более 12.000 литвинов и не более 16.000 московитов. Но это либо ошибка, либо сознательное искажение реальности.

Всех ли учел Лобин? Далеко не всех. Он лишь отметил, что в московских полках, кроме детей боярских Государева двора, были люди из 14 городов: Боровска, Великих Лук, Великого Новгорода, Волока Ламского, Вязьмы, Коломны, Костромы, Мурома, Переяславля, Пскова, Рославля, Стародуба, Твери, Ярославля. При этом, говоря о городах, он имеет в виду так называемые корпорации дворян с центрами в указанных городах. Понятно без лишних слов, что дворяне «сидели» в своих поместьях, а города были центрами областей.

В войске Москвы было также до 500 мещерских татар (правильнее сказать, финно-угров из Мещеры, татарами их именовали по вероисповеданию) и до 200 муромских детей боярских Государева полка (тоже финского народа муромы).

А всего около 7200 дворян (включая в данную категорию и детей боярских*).

Обратите внимание на эту цифру. С одной стороны, Лобин приводит самую низкую (по сравнению с другими авторами) цифру сил Московии под Оршей, а с другой стороны, он же указывает самую высокую концентрацию в этом войске дворянства Московии. Фактически, почти всех, кто мог держать в руках оружие.

ЧИСЛО ДВОРЯН МОСКОВИИ

Дворянство Московии в начале XVI века было малочисленным, а его преобладающая часть проживала на землях, расположенных севернее Москвы. Эти земли составляли 70 % всей территории тогдашней Московии.

Население Московии к 1500 году по подсчетам Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана (см. их книгу «Территория и население России в XV — XVIII веках») исчислялось в 5 млн 600 тыс. человек, меньше, чем в таких странах, как Франция, Германия, Польша или Англия. В ту пору Московия являла собой обширный, но мало обжитый край финских племен (в своем большинстве еще не русифицированных), страну огромных лесов, многочисленных рек и

* Дети боярские — разряд мелких феодалов, появившийся в Московии в XV веке. Они несли обязательную воинскую службу, получая за это поместья от удельных князей, бояр и церкви. В последней четверти XV века большое количество детей боярских — вассалов местных бояр — перешло на службу к великому князю московскому. До середины XVI века социальный статус детей боярских считался выше, чем у дворян, потомков несвободных слуг удельных князей. Постепенно слились с дворянами в один класс. — *Прим. ред.*

разбросанных среди них маленьких деревень. Плотность населения в целом по стране не превышала трех человек на квадратный километр, тогда как в Польше, к примеру, она достигала двадцати одного человека.

Если посмотреть на карту Московии времен Василия III и сравнить ее с современной картой, то мы увидим, что и теперь эти земли скудно заселены. Сейчас плотность населения составляет здесь от одного до, в лучшем случае, десяти человек на квадратный километр. Много мест, где плотность населения вообще 0,6 человека на кв. км.

Иностранные путешественники особо отмечали густые леса Московии, богатые птицами и диким зверем, среди которых кое-где стояли немногочисленные деревянные города, в своем подавляющем большинстве — маленькие. То же самое отмечали побывавшие в Московии литвины и поляки: редко встречающиеся малые города деревянной застройки, полное отсутствие каменных замков и крепостей, которых было много в ВКЛ и Польше. Вот эти литвинские замки и города стали той приманкой, на которую в 1514 году под Оршу слетелись почти все дворяне Московии: они желали получить ощутимую материальную награду за свою ратную службу...

Если в Европе город в 2000 жителей в XVI веке уже считался маленьким, то в Московии население основной части городов было ниже отметки в 1000 жителей. Даже в XVII веке город Симбирск, насчитывавший 2000 жителей, считался крупным. Что уж говорить про 1514 год (96 городов), если в 1648 году из 173 городов Московии в 136 (78,6 %) проживало менее одной тысячи человек. Только Москва насчитывала в 1514 году до 100 тысяч жителей.

Особое место занимали в государстве Новгород Великий и Псков — хорошо укрепленные города с каменными стенами, церквами и домами богатых людей. Но их население после присоединение к Московии резко сократилось: одних насильно выселили вглубь Московии, другие сами уехали — кто в Швецию, кто в Ливонию, кто в Литву. Известно, что в конце XV века, после захвата Новгорода, там получили поместья 964 сына боярских, а к моменту Оршанской битвы на землях Новгорода проживали уже 1400 детей боярских. В это число входят как прибывшие из Московии люди, так и некоторые местные. Однако нет данных о том, что новгородские дворяне и дети боярские принимали участие в битве под Оршей — им в Литве ничего не «светило», свое они уже получили. И вот если мы отнимем от 8600 всех дворян-мужчин Московии новгородскую часть в 1400, то и получим точную (по Лобину) цифру 7200 дворян и детей боярских под Оршей.

Дворяне и дети боярские, вместе взятые, составляли к 1514 году не более 0,5 процента от всего населения (т.е. 28 тыс. чел.), ибо такой же процент дворянство составляло и в 1650, и в 1700 году. Из этих 28 тысяч вычтем женщин, детей, стариков, инвалидов, и тогда людей, пригодных к воинской службе окажется, в самом лучшем случае, не более 8200—8800. Из этого количества

под Оршей оказалось около 7200, как сказано выше. Таким образом, 7200 конных воинов, указанные Лобиным, это вообще все «военнообязанные» дворяне Московии, за исключением переселенных на земли Новгорода и Пскова. Дома остались считанные единицы.

Российское дворянство стало более-менее увеличиваться лишь в 1720-е годы, после того, как оно в результате серии войн царя Петра I с Швецией и Турцией сократилось примерно на четверть, как и всё население страны. Но то был вообще конец старого московского (читай татарского) дворянства и начало формирования нового российского дворянства за счет «немцев». По воле царя Петра дворянство в то время пополнялось в основном иностранцами: немцами, шведами, голландцами, шотландцами, датчанами... Так, в 1723 году в состав русского дворянства было включено все рыцарство Ингерманландии, Эстляндии и Карелии (в основном немецкие и шведские бароны и графы). Благодаря этому пополнению дворянство России к 1737 году от 70 тыс. чел. на 1700 год, потеряв за первые 10 лет войн до 20 тыс. дворян, затем поднялось до 150 тыс. чел. — вдвое больше, чем было 15 лет назад. Хотя в процентном отношении ко всей массе населения эта величина едва превышала 1 процент. Но то, повторим, был не естественный прирост, а искусственный.

Что же касается начала XVI века, то дворянство Московии составляло 0,5 процента от населения страны. 28 тысяч дворян, включая стариков, женщин и детей, величина в самом деле малая, если учесть что в те же годы в двухмиллионном Великом Княжестве Литовском численность шляхты была не менее 10 процентов (позже увеличившись до 15 процентов) от населения страны. То есть шляхты в 1514 году проживало в ВКЛ около 200 тыс. чел. Этому, в частности, способствовали широкие права и вольности шляхты в отличие от Московии, где даже бояре считались холопами великого князя.

ДВОРЯНЕ В ОРШАНСКОЙ БИТВЕ

Как утверждает А.Н. Лобин, под Оршей сражалась так называемая «лёгкая рать», которую отправили в рейд по вражеской территории. Но что там делали 11 «больших» воевод и 90 процентов всего дворянства Московии?

А они собрались в предвкушении богатой добычи, каждый мечтал отхватить себе в Литве жирный кусок. Относительно быстрый захват Смоленска и переход на сторону Московии значительного числа православных шляхтичей Смоленщины их вдохновил. Победа, кажется, была уже одержана. Оставалось лишь подставить ладони для великокняжеских грамот на владение новыми поместьями.

Но так ли уж точен Лобин? Все ли силы он учел? Почему он не упомянул поместную шляхту Смоленщины, Мстиславля, Кричева, Дубровны, почему не учел наем Глинским солдат в Ливонии. Обычай набирать рать из жителей завоеванных краев в Московии существовал со времен хана Батыя. И если

учесть все эти силы, то мы получим войско в 35—40 тысяч человек, как и указывают многие историки.

Теперь о потерях. На следующий день после битвы, в субботу 9 сентября, литвины и поляки праздновали победу. Так как в армии православного гетмана Острожского основная часть литвинов тоже была православной, то сначала отслужили православный молебен «в честь Святой Троицы и во хвалу Господа Бога», затем и католический молебен. Потом привели пленных воевод, в их присутствии Константин Острожский поздравил своих воевод, ротмистров и рыцарей с победой. Позже, 3 декабря 1514 года, великий князь Литовский, Русский и Жамойтский, король Польский Жигимонт I устроил в Вильне торжественный прием в честь гетмана Острожского и рыцарей-победителей.

Королевские грамоты с сообщением о победе были посланы многим монархам Европы. К некоторым из них отправили также небольшие группы пленных, так сказать, для большей убедительности. Пленных воевод и детей боярских разослали по замкам Литвы — в заключение, а дворян и простых воинов (горожан, боевых холопов и т.д.) отдали шляхте для использования в хозяйствах в качестве дармовой рабочей силы. Видимо, именно потому в литературе существует разноголосица относительно общего количества пленных московитов, что их группами разослали по многим местам, а точное количество никто не считал.

Источники того времени (реестры) сообщают, что в разных тюрьмах и замках только знатных московитов (воевод, бояр, детей боярских) содержалось 611 человек. Они были переписаны поименно. Простых же людей не переписывали, а было их в разы больше — не менее 2000. По московской же версии знатных пленников было не 611, а 370 человек. «Літопис Рачинського» называет 380 поименно. Впрочем, московской статистике потерь особо верить не приходится: Москва мало интересовалась судьбой пленных соотечественников.

Сокращение числа пленных знатных московитов с 1500 до 611, а затем и до 380 вполне объяснимо. Во-первых, разнобой статистических данных. Во-вторых, кто-то умирал, кому-то удавалось совершить побег, кого-то выкупали. В третьих, некоторые пленники перешли на сторону победителей. Эта практика была распространенной в то время. Вспомним, что князь Острожский сам давал клятву верности Ивану III и более пяти лет находился на московской службе.

Странным образом все историки обходят стороной катастрофу московского дворянства под Оршей. Какой бы маленькой ни была армия Московии под Оршей, сколько бы ни называл Лобин ее «легкой ратью», там собралось в одном месте почти всё дворянство, что и видно на знаменитой картине «Битва под Оршей», где московская конница показана в характерных для нее одеждах и доспехах.

Итак, 8 сентября 1514 года 90 % дворян Московского государства явились для разгрома армии ВКЛ. На картине это обстоятельство отражено точно: в рядах войска Москвы есть и молодые люди, и среднего возраста. Но особенно много пожилых с длинными бородами, с «типично русскими лицами», хотя правильней говорить «типично уральскими», ибо стереотип «типично русская внешность» сформировался на финно-угорском материале: эрзянах, мордвинах, карелах, пермяках и т.д. и т.п. Художник изобразил каждого человека на своей картине удивительно точно, словно его глаза сфотографировали каждую деталь битвы: московиты похожи на московитов, литвины на литвинов...

Наличие большого количество пожилых людей (с седыми бородами) в армии Московии объясняется тем, что главы многих дворянских семей приехали лично, чтобы закрепить за своими семьями те земли, которые московский государь будет раздавать своим воинам.

И вот по всему этому сбору дворянства катком прошлась армия союзников — литвинов и поляков. Потери в битве под Оршей для малочисленного московского дворянства оказались ужасными. Даже если считать, что в плен попало не 1500, а 380 дворян и что погибло всего лишь вдвое больше (380 + 760), то уже это ощутимый удар для Московии: 1140 человек, 13 процентов от числа всех дворян, способных воевать! Для одной битвы — почти катастрофа. Но в том-то и дело, что реальные цифры потерь были значительно выше.

Учтем, что армия Москвы одними только пленными потеряла 37 командиров уровня сотников, а также 1500 детей боярских, плюс 6 «больших» воевод (плюс еще двое погибших в сражении). Это уже более 15 процентов от всей московской военной элиты! Теперь прибавим к этой цифре тех дворян, которые погибли в рядах поместной конницы, побитой ядрами, расстрелянной стрелками, порубленной гусарами, погибшей в давке, в водах Крапивны и Днепра. Будем милосердными и допустим, что таких было не более 1000 человек. Итого мы получим цифру в 2500 дворян, а это почти 30 процентов дворян всей Московии (если брать цифру 8600, а если считать от 7200 участников битвы, то 35 процентов)! И это мы взяли заниженную цифру потерь. Иначе число погибших и пленных московских дворян перевалило бы за 40 процентов. И есть много аргументов полагать, что реальные потери были порядка 40—45 процентов от числа всех дворян.

Для одной битвы такие потери в самом деле беспрецедентно огромные, практически катастрофа — почти каждый третий мужчина-дворянин либо погиб, либо попал в плен. Другой такой битвы, где армия лишилась бы столь большого числа дворян, история Московского государства не знает. Подобные потери московское дворянство понесло лишь в ходе войн Петра I со Швецией и Турцией в первой четверти XVIII века. Но там четверть дворянства и всего населения страна потеряла за 10—15 лет, а тут — в одной битве!

Ну и что в ответ на это может сказать историк Лобин? Не обращать внимания, не раздувать из мухи слона? Но ведь он сам приводит цифру дворянства в армии Челяднина и Булгакова — 7200. А это значит, что из Московии под Оршу съехались почти все (кроме тех, кто в Новгороде и Пскове) — и стар, и млад, ожидая, что им перепадут куски от литвинского пирога. Перепало: ядер, пуль, копий, стрел, острых клинков и конских копыт да студеной воды в реках.

* * *

Анализируя катастрофу московской армии под Оршей, мы сталкиваемся и с традиционной психологией азиатских хищников: собраться вместе большой ордой и идти туда, где много богатства, чтобы захватить его и разделить между собой. А уверенность в своей победе московитам давало численное превосходство их войска. В Московии еще не знали новой европейской стратегии: побеждает не число, а мастерство, умение воевать.

Европейцы уже сделали главный акцент на огнестрельное оружие, на артиллерию, на комбинирование атак конницы и пехоты. Московиты же воевали так, как и за сто лет до этого. И тем же оружием. Далеко не случайно в Москве в 1540-е годы, уже при Иване IV, были созданы по европейскому образцу первые стрелецкие полки.

Ну а пока, в 1514 году, треть жаждущих наживы дворян Московии, ожидая раздачи литовской (в смысле — беларуской) земли, в эту землю и ушла: погибла либо попала в плен. О больших потерях захватчиков говорят и воспоминания очевидцев той битвы о том, как долго гнали московитов, убивали, брали в плен сотнями и тысячами. Если из 10 больших воевод двое погибли, а восемь попали в плен, то о чем говорить: побоище, да и только!

И вот, при изучении потерь армии Московии 8 сентября 1514 года все становится на свои места: и почему война стала после этой битвы затухать, и почему великий князь московский Василий III не смог продолжать наступление, и почему так радовался король Жигимонт, и почему такое значение придали битве в Европе… Всё это объясняется цифрами. Правда, можно все же сказать, что Московия еще вполне приемлемо для себя выпуталась из этой катастрофы, не уступив-таки ВКЛ отобранный Смоленск, удержав Стародуб.

Из-за больших потерь дворянства государь Московии не так уж был на самом деле равнодушен к своим людям, попавшим в плен, как о том говорил вслух. На самом деле переговоры об освобождении Михаила Булгакова шли постоянно, но безуспешно — литвины не соглашались на суммы, которые предлагал за Булгакова государь. К знатному пленному проявлял сострадание и сын Василия Иван IV (Грозный). В 1549 году он предлагал за освобождение князя 1000 рублей, но переговоры вновь закончились без результата. Видимо, литвинов деньги не интересовали — они просто держали у себя человека, которого опасались иметь воеводой во вражеской армии. Князь был

отпущен на свободу только в конце 1551 года и 27 февраля 1552 года вместе с князем Иваном Семеновичем Селеховским вернулся в Москву уже больным стариком. Через два года он умер.

Иван Андреевич Челяднин, вероятно, раненный в битве (возможно, что его сбили с коня), умер в Вильне через пару лет.

ИТОГИ КАТАСТРОФЫ

Пусть Жигимонт явно завысил силы московитов с реальных до 80.000, но потери врага он указал более точно (на самом деле погибли от 10.000 до 12.000 человек), чем доказывает российский историк А.Н. Лобин.

Возникает логичный вопрос: но если так много дворян — скорее всего треть — потеряла Московия, как же она компенсировала эти потери? Вот предмет для исследования! Ведь странно то, что историки России молчат о таком крупном убытке в людях в своей элите. Может потому, что позже пришлось давать дворянство простолюдинам?

И очень похоже на то, что оршанская катастрофа повлекла упадок старомосковской знати ордынского происхождения, берущей корни из среды половцев и татар-булгар. Нельзя сказать, что оно исчезло — нет, но оно сильно поредело, и эти прорехи кто-то должен был заполнить. Вот таким образом на смену выбывшим из строя пришло дворянство суздальское, варяжско-славянско-финского происхождения, которое ранее держалось в тени из-за меньшей знатности по сравнению с татарско-ордынской элитой. Говоря тогдашним языком, вчерашние холопы стали господами — вот это и скрывают историки. Так, в состав Боярской думы в 1530-е годы входило порядка 12 бояр. Как отметил Р.Г. Скрынников в своей книге «Русь IX—XVII века» (с. 182), половину думы составила коренная суздальская знать: Шуйские, Ростовские, Ярославские. Из старомосковских родов боярский чин имели лишь Захарьин (татарского рода), Воронцов и трое Морозовых.

ПОБЕДА — КАК ДЫШЛО:
КОМУ ПОВЕРНУЛ, ТОМУ И ВЫШЛО

Удивительный факт: Оршанской битве 500 лет, а четкой исторической оценки ей в Беларуси и России до сих пор не дали. Спорят. Кажется, что может быть проще — страна, подвергнувшаяся нападению, разбила армию захватчиков, остановив оккупацию своей родины. Но в России и Беларуси многие пытаются оправдать захватчиков, найти какой-то позитив в поражении одних и негатив в победе других и только из-за того, что этот захватчик пришел с территории современной России, дружественного Беларуси государства. Но это только сейчас. А тогда — 500 лет назад — все было наоборот!

Скептики пишут про Оршанскую битву так: «Говорить об уничтожении большей части русского 12 тыс. или 35 тыс. войска не приходится. И тем более нельзя говорить о разгроме 80 тыс. русской армии (большей

части русских вооруженных сил того времени). Иначе войну выиграла бы Литва».

Действительно, а кто выиграл войну? Википедия пишет — Россия, хотя это звучит так же смешно, как то, что победа Александра Македонского над Персией была победой Югославии над Ираном. В 1514 году до создания России оставалось еще почти двести лет, и выиграть Россия тогда ничего не могла в связи со своим отсутствием на политической карте мира.

Хорошо, не будем придираться — конечно же, автор статьи в Википедии хочет сказать, что выиграла Московия, предшественница России. Но так ли это? Московия ли в самом деле победила? Лобин говорит — да. Он считает Оршу всего лишь случайной победой ВКЛ в проигранной ею войне. В таком случае в укор всем историкам России нужно поставить ура-патриотическую истерию по поводу победы на Чудском озере Александра Невского — набеги крестоносцев после этой битвы не прекратились, их экспансия продолжалась, о чем свидетельствует куда более грандиозная Грюнвальдская битва.

Московская поместная конница

Лобин говорит, что, мол, нечего беларусам знаменами махать по поводу победы над Оршей… Так ведь и плакать не приходится, что разбили захватчиков, которые через 380 лет вдруг станут (и весьма навязчиво) «братьями» и «лучшими друзьями»! Разве Острожский был Нострадамусом?

Те, кому Оршанская битва по разным причинам не нравится, пишут, что беларусы делают «много шума из-за ничего», мол, войну все равно литвины не выиграли. Так ли это? Давайте возьмем пренебрежительную фразу «литовцы смогли отбить несколько малых пограничных крепостей»… Означает же она то, что в результате поражения под Оршей все три города, которые перешли под власть Василия III, после падения Смоленска — Мстиславль, Кричев и Дубровна (важные города того времени, вовсе не малые крепостицы) — отложились от Москвы, а литвины остановили дальнейшее продвижение на запад армии Московии. Планы Василия III по захвату Полоцка, Витебска и Киева полностью провалились... «Три небольшие крепости?»

Официально считается, что Московия в той войне победила, но считается так только потому, что за ней остался Смоленск. Но ведь и Сталин в 1945 году передал Польше всю Белостокскую область Беларуси вместе с четырьмя районами Брестской области. Означает ли это, что СССР проиграл Вторую мировую войну Польше?

То, что с остальных земель армия Московии была выбита либо ушла сама — разве это не победа литвинов? Разве не победа, что остановлено разорение страны захватчиками, невзирая на силы сторон и потери? Удержать же Смоленск московитам удалось только после того, как почти все смоленские литвины, желавшие сопротивляться московитам, были казнены, а гарнизон состоял уже из московитов. Да и сил у Острожского было недостаточно, чтобы штурмовать хорошо укрепленный город.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Михаил Анатольевич Голденков (1962 г.р.) — беларуский публицист и романист. Родился в семье военного, жил в ГДР и Томске; с 1976 г. живёт в Минске. Служил в армии, работал на заводе. Окончил Минский пединститут иностранных языков. С 1998 г. публикует статьи на исторические темы в аналитической газете «Секретные исследования».

С конца 1980-х гг. начал публиковать статьи в газетах и журналах. Автор ряда художественных произведений («Гуано жар-птиццы», «Полет дубового листа», «Три Льва»), а также исследовательских книг («Русь — другая история», «Александр Македонский и его великий поход»). Автор исторических романов «Щит Рюрика и меч Хельга» (2006) и «Пан Кмитич» (трилогия «Огненный всадник», «Тропою волка», «Схватка»), Минск, 2011). Особое место в его творчестве занимают популярные книги исторической тематики: «Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г.» (2010); «Русь — другая история» (2009); «Утраченная Русь: забытая Литва, неизвестная Московия, запрещенная Беларусь» (2010).

КАРЦИНА «БІТВА ПАД ОРШАЙ» ЯК ДАКУМЕНТАЛЬНАЕ СВЕДЧАННЕ ВЫДАТНАЙ ПАДЗЕІ XVI СТАГОДДЗЯ

Мікола Купава,
мастак, старшыня грамадскага камітэта «Вялікая Літва»

У канцы 70-х гадоў XIX стагоддзя нямецкія мастацтвазнаўцы звярнулі ўвагу на батальную карціну невядомага аўтара, якая захоўвалася ў Музеі сілезскіх старажытнасцяў у Брэслау (цяпер польскі Вроцлаў). Яны правільна вызначылі, што на карціне намалявана бітва пад Оршай, якая адбылася ў верасні 1514 года.

Што да яе аўтара, то на гэту ролю крыху пазней быў прапанаваны нямецкі мастак Йорг Брэй-малодшы (Jorg Breu) з Аўтсбурга (годы жыцця 1510—1547). Ён, як і яго старэйшы брат, таксама Йорг Брэй, належыў да так званай Дунайскай школы жывапісу. Адпаведна, з'явілася гіпотэза, што мастак напісаў гэту карціну праз 30—35 гадоў пасля бітвы, калі ён ужо дасягнуў высокага ўзроўня майстэрства ў жывапісу. А праз два-тры гады пасля стварэння гэтага твора памёр, не дасягнуўшы 40 гадоў.

У Беларусі першыя звесткі пра карціну з'явіліся прыкладна праз 100 гадоў пасля яе адкрыцця нямецкімі адмыслоўцамі. Выкладчыкі і студэнты Беларускага тэатральна-мастацкага інстытута маглі даведацца пра яе існаванне з польскіх кніг па гісторыі выяўленчага мастацтва. Такія кнігі ў абмежаванай колькасці паступалі ў Дзяржаўную бібліятэку БССР, а таксама ў кнігарню «Дружба» ў Менску, дзе прадавалася літаратура, выдадзеная ў краінах народнай дэмакратыі.

Каляровую рэпрадукцыю карціны «Бітва пад Оршай» упершыню надрукаваў часопіс «Мастацтва Беларусі» ў № 8 за 1990 год. Невялікі суправаджальны артыкул напісалі доктар гістарычных навук Анатоль Грыцкевіч і кандыдат гістарычных навук Алег Трусаў. Час яе стварэння і аўтарства яны не разглядалі.

* * *

Спрэчныя пытанні, злучаныя з карцінай, ставяцца першым чынам да высвятлення часу яе стварэння, усталяванню асоб мастака і замоўцы-фундатара. На наш погляд, пачынаць трэба з апошняга, з замоўцы.

Справа ў тым, што праца над такой карцінай несумнеўна патрабавала некалькіх гадоў напружанай працы. Трэба было вывучыць мясцовасць, дзе адбылася бітва, зрабіць мноства эскізных замалёвак гэтай мясцовасці і ваяроў, канёў, зброі, гармат, сцягоў і іншага, накідаў партрэтаў. Трэба было добра абдумаць кампазіцыю карціны, раіцца з удзельнікамі бітвы і з замоўцам. Існуе выраз: час гэта грошы. Ён падказвае нам, што стварэн-

не карціны запатрабавала шмат часу (не менш трох гадоў, магчыма, што і больш), а таксама значных фінансавых сродкаў.

Ці падыходзіць Йорг Брэй-малодшы на ролю аўтара карціны? На наш погляд — не. Па-першае, калі ён стаў дарослым, прайшло ўжо шмат гадоў з часу бітвы. Уражанне, якое яна зрабіла на грамадства, даўно знікла. Па-другое, занадта далёка ад Аўгсбурга, дзе жылі і працавалі браты Брэі, да Вільні і, тым больш, да Оршы — каля 1500 км. Ехаць з Баварыі ў Літву мастаку, які ледзь паспяваў выконваць замовы ад цэркваў, кляштараў, багатых гараджан і мясцовых феадалаў не было ніякага сэнсу. Па-трэцяе, адны ўдзельнікі бітвы ўжо памёрлі, у тым ліку і гетман Канстанцін Астрожскі, іншыя састарэлі. Князь Астрожскі сышоў з жыцця ў 1530 годзе, калі Йоргу Брэю-малодшаму было толькі 20 гадоў.

І вось гэтая акалічнасць, на наш погляд, самая галоўная.

Усе батальныя карціны мінулых часоў ўслаўлялі пэўных людзей: цароў, князёў, палкаводцаў, герояў. Як правіла, менавіта яны і з'яўляліся замоўцамі-фундатарамі. Бо толькі яны былі па-сапраўднаму зацікаўлены ў тым, каб на свет божы з'яўляліся карціны, ухваляючыя іх трыўмф, і толькі такія асобы мелі сродкі, якія дазвалялі аплачваць працу мастака на працягу некалькіх гадоў.

Хто быў галоўнакамандуючым у Аршанскай бітве? Гетман Канстанцін Іванавіч Астрожскі. Менавіта яму кароль Жыгімонт І зрабіў трыўмфальную сустрэчу ў Вільні ў снежні 1514 года, калі ён на чале свайго пераможнага войска ўваходзіў у сталіцу ВКЛ праз Вострую браму. Хто намаляваны на карціне ў чатырох розных месцах? Гетман Канстанцін Іванавіч Астрожскі. Хто быў адным з самых багатых магнатаў Вялікага Княства Літоўскага? Князь Канстанцін Іванавіч Астрожскі. Яго трохі пераўзыходзіў толькі Альбрэхт Гаштольд. Але Гаштольд не ўдзельнічаў у бітве. Вось мы і ўсталявалі асобу замоўцы-фундатара. Ніхто, акрамя яго, не быў моцна зацікаўлены ў стварэнні такой карціны.

Адгэтуль няцяжка вызначыць даты. Праца над карцінай пачалася адразу пасля бітвы, яшчэ ў 1514 годзе. Менавіта таму мастак змясціў на ёй і сябе самога (дарэчы, добра відаць, што ён быў ва ўзросце ад 30 да 40 гадоў). Такім чынам, сваю карціну аўтар скончыў не раней чым у 1517 і не пазней чым у 1530 годзе. Брэю-малодшаму была тады, адпаведна, 7 і 20 гадоў. Ён не падыходзіць у аўтары.

Хто ж у такім разе? Па нашым меркаванні, гэта невядомы нам мастак з ВКЛ, больш за тое, магчыма што з Аршаншчыны. Верагодна ён вучыўся мастацтву жывапісу ў аднаго з прадстаўнікоў Дунайскай школы, якая адрозніваецца тым, што ў рэлігійныя, жанравыя і батальныя сцэны майстры гэтай школы сталі шырока ўводзіць пейзаж. Акрамя таго, цалкам магчыма, што ён прайшоў навучанне ў школе Лукаса Кранаха-старэйшага (1472—1553), бо ў карціне «Бітва пад Оршай» скарыстаны мастацкія прыёмы, якія характэрныя менавіта для стылю Кранаха (эмпірычная перспектыва, напружанасць каляровай гаммы).

А вось імя яго мы ці наўрад пазнаем. Для гэтага патрэбна знайсці сапраўдныя дакументы першай паловы XVI стагоддзя ці хоць бы асабістыя лісты таго часу. Але ні дакументаў, ні сведчанняў сучаснікаў адносна карціны за 100 апошніх гадоў выявіць не атрымалася.

Гісторыя карціны і месца яе захоўвання да моманту выяўлення ў Музеі сілезскіх старажытнасцяў застаюцца невядомымі. Мы мяркуем, што пасля свайго стварэння карціна знаходзілася ў адным з палацаў князя Астрожскага, ці ў Вільні (што найбольш верагодна), ці ў Астрогу. Пасля смерці гетмана ўся яго маёмасць па спадчыне перайшла да сына Васіля-Канстанціна (1527—1608). Як і бацька, ён быў адным з самых багатых людзей Вялікага Княства.

Адносна далейшага лёсу карціны можна выказаць здагадку, што падчас страшнай вайны 1654—1667 гг., вядомай пад назвай «Патоп», калі практычна ўсю тэрыторыю ВКЛ акупавалі і рабавалі войскі Масковіі, а таксама казакі Багдана Хмяльніцкага, карціну вывезлі на тэрыторыю Польшчы. Там яна нейкім чынам патрапіла ў адзін з кляштараў, дзе і знаходзілася працяглы час, магчыма 200 гадоў, пакуль не апынулася ў Музеі сілезскіх старажытнасцяў у Брэслау (Вроцлаве). Пасля 1945 года карціна стала маёмасцю Нацыянальнай мастацкай галерэі ў Варшаве, дзе яна зараз і экспануецца.

* * *

Іншая група пытанняў ставіцца да самай карціны як мастацкага твора і да яе зместа.

Тэхніка выканання твора — тэмпера і алей, што ў сучасным нам жывапісу ў такім спалучэнні ўжо не сустракаецца.

Польскі мастацтвазнавец Ежы Беластоцкі яшчэ ў 1955 годзе адзначыў, што аўтар карціны выкарыстаў у яе кампазіцыі правіла эмпірычнай перспектывы, якую шырока ўжывалі мастакі Нідэрландаў і Нямеччыны. Такая перспектыва перакрыўляла прастору і вырабляла рух па дузе, што адпавядае ўспрыманню свету чалавечым вокам. Але гэты прыём ужо даўно выйшаў з практыкі еўрапейскага мастацтва.

Аснова карціны, на якой яна напісана, — злепленыя дубовыя дошкі. Памер малюнка — 232 × 162 цм. Польскі гісторык батальнага мастацтва і старадаўняй зброі Здзіслаў Жыгульскі-малодшы ў 1981 годзе надрукаваў артыкул «Карціна ананімнага мастака «Бітва пад Оршай» (яе пераклад змешчаны ў нашым зборніку. — *Рэд.*). Там ён адзначыў, што карціна была абрэзана з трох бакоў: злева, зверху і справа.

Па нашым меркаванні, гэта варварскае дзеянне было зроблена з той мэтай, каб «уціснуць» карціну ў нейкую сцянную нішу, дзе яна, верагодна, і знаходзілася на працягу доўгага часу. Хутчэй за ўсё, гэта быў нейкі кляштар. Але ніякіх дакументальных сведчанняў пра гэта няма.

На вялікі жаль, у выніку абразання карціна паменшылася прыкладна на 20 % (такім чынам, яе першапачатковыя памеры былі 290 × 202,5 цм). З-за гэтага, у прыватнасці, вершнік на белым каню, намаляваны ў правым верхнім

куце карціны, застаўся без галавы. Мы лічым, што гэта князь Канстанцін Астрожскі, які назірае з узгорка за пераправай сваіх войскаў праз Крапіўну. Такім чынам, гэта чацвёрты па рахунку (а па логіцы самага мастака — першы) малюнак найвышэйшага гетмана ВКЛ на разглядаемым творы.

Мы не можам зараз убачыць лагер саюзных войскаў (засталіся толькі некалькі вазоў), значную частку Аршанскай крэпасці, тыл маскоўскага войска і шмат іншых цікавых дэталяў, якія аўтар адлюстраваў на карціне з фатаграфічнай дакладнасцю.

Цікавае пытанне — арыентацыя карціны па баках свету. Як высветлілі беларускія даследчыкі, бітва адбывалася на правым беразе ракі Крапіўны, а не левым (памылку дапусцілі ў XIX ст. польскія гісторыкі, бо яны сваімі вачамі месца бітвы не бачылі). А Крапіўна ўпадае ў Днепр. Такім чынам, бітва паказана з-за Дняпра (яго бераг на карціне намаляваны ўнізе).

І вось што вельмі важна. Карціна сваім зместам цалкам беларуская.

Па-першае, гетман Астрожскі паказаны на ёй чатыры разы. З гэтых чатырох выяў галоўная — гетман на белым кані на ўзвышшы, дзе ў яго, на жаль, знікла галава (чыннік паказаны вышэй).

Па-іншае, значную частку жывапіснага поля займаюць пікі з беларускімі прапорцамі (чырвоны крыж Св. Юрыя на белым фоне). Толькі ў самым версе карціны ёсць харугва з польскім арлом, і там няма гэтых прапорцаў.

Па-трэцяе, побач з выявай К. Астрожскага каля гармат вершнік трымае піку з прапарам на якім паказаны герб князёў Астрожскіх.

Па-чацвертае, у нізе правай часткі карціны вершнік, які пераплывае Крапіўну, трымае піку з прапарам, на якім паказаны герб князёў Радзівілаў.

Па-пятае, недалёка ад маста, па якому цягнуць гармату, з левага боку ад яго, мы бачым сцяг зялёнага колеру. Гэта сцяг паспалітага рушэння Аршанскага павета. Больш за тое, група ваяроў з гэтым сцягам знаходзіцца ў цэнтры на першым плане карціны. Таму можна выказаць думку, што невядомы нам мастак — аўтар карціны — паходзіў з Аршанскага павета. Ён добра перадаў індывідуальныя асаблівасці твараў людзей, намаляваных вакол сцяга. Фактычна, прадставіў тут групавы партрэт. Ці наўрад гэты партрэт, гэты сцяг і размяшчэнне групы у цэнтры з'яўляюцца выпадковасцю.

Кансультантамі ў мастака былі вельмі дасведчаныя людзі з атачэння найвышэйшага гетмана. Пра тое сведчаць розныя дробязгі ў адзенні, зброе, амуніцыі, якія дабра адлюстраваны на карціне.

У той жа час у нас няма сумневаў у тым, што мастак бачыў бітву сваімі вачамі. Занадта шмат на карціне дакладных супадзенняў з асаблівасцямі мясцовасці, з рухам вайскоўцаў, з эпізодамі самай бітвы. Дамагчыся такога падабенства не выходзячы з майстэрні, вылучна па аповядах відавочнікаў, немагчыма.

Падрабязны аналіз карціны патрабуе адмысловага манаграфічнага даследаванння, над якім мы цяпер і працуем. У гэтым даследаванні агульная логіка

Астрожскі — 1

Астрожскі — 2

Астрожскі — 3

Астрожскі — 4

Прапар Астрожскага

Прапар Радзівіла

Белыя прапарцы з чырвонымі крыжамі Св. Юрыя

Група ваяроў са сцягам Аршанскага павета

меркаванняў, вядомыя нам гістарычныя факты, аб'ектыўныя дадзеныя, а таксама параўнальны метад дазволяць праліць больш святла на гісторыю стварэння карціны, яе сюжэт і вобразную сістэму.

Але ўжо цяпер можна зрабіць выснову, якую мы вынеслі ў назву гэтага кароткага паведамлення: карціна «Бітва пад Оршай» ёсць дакументальнае сведчанне выдатнай падзеі. Менавіта так: дакументальнае.

Адначасова яна з'яўляецца бліскучым помнікам беларускага мастацтва XVI стагоддзя, які ўслаўляе вялікую перамогу нашых продкаў над маскоўскімі захопнікамі і галоўнага героя бітвы — найвышэйшага гетмана ВКЛ, князя Канстанціна Іванавіча Астрожскага.

КОРАТКА ПРА АЎТАРА

Мікалай Купава (1946 г.н.) — беларускі мастак-графік. Скончыў Беларускі тэатральна-мастацкі інстытут (1976). Удзельнік мастацкіх выстаў з 1972 г. У 1976—78 гг. выкладчык, у 1990—96 гг. намеснік дырэктара Мінскага мастацкага вучылішча. У сваіх творах звяртаецца да гістарычнай і мастацкай спадчыны беларускага народа. Выканаў серыі работ «З вандровак па Беларусі», «Шляхамі Янкі Купалы», «Шляхамі Якуба Коласа», «За радкамі паэта» і іншыя. Старшыня грамадскага камітэта «Вялікая Літва».

ДОСПЕХ И ВООРУЖЕНИЕ, КОСТЮМ И СТЯГИ ВОЙСКА ВКЛ В БИТВЕ ПОД ОРШЕЙ

Виктор Ляхор,
кандидат исторических наук

Каким был образ триумфаторов Орши, мы можем судить по общим тенденциям в развитии военного костюма, доспеха, вооружения, символики и атрибутики в XVI столетии. Основой для исследования служат архивные документы, средневековые гравюры, иконы, картины, материалы археологических раскопок, экспонаты музеев. Анализ этого материала позволяет рассказать об эпохе многое.

Если же говорить непосредственно о самой Оршанской битве, то образы наших предков доступны для исследования в батальной картине неизвестного художника «Битва под Оршей» (галерея Национального музея в Варшаве) и двух известных гравюрах — «Битва под Оршей» из «Хроники» М. Бельского (изд. 1597 г.) и «Битва под Оршей» из брошюры А. Крицкого (1515 г.). Информативны в этом смысле и другие гравюры того периода, среди которых «Войско ВКЛ отбивает набег крымских татар» (1597 г.), «Грюнвальдская битва» из «Хроники всего мира» (изд. 1551 г.) Мартина Бельского и другие.

Все три произведения непосредственно оршанской тематики достаточно достоверно отобразили образы и события, хотя и по-разному. Что касается батальной картины, то точность и скрупулезность прописи позволяет предположить, что автор лично участвовал либо в самой битве, либо в последующем триумфе в Вильне, либо имел иное непосредственное к ней отношение.

И, тем не менее, если разнятся образы, символы, стили, то кому верить?

Верить надо тенденциям, правилам, а зачастую и версиям, примеряя все это на ту далекую эпоху. Вот и попробуем.

ДОСПЕХИ, ВООРУЖЕНИЕ, СБРУЯ

Доспехи и вооружение наших предков рассматриваемого периода подробно представлены в книге Юрия Бохана «Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385—1576 г.», в иных изданиях белорусских, польских, российских, литовских и украинских авторов.

Доспехи

Если говорить о доспехах, в первую очередь о боевых наголовьях, то традиционно в ВКЛ использовались «шеломы» сфероконической и цилиндроконической формы, со шпилем, часто с шариком-«яблоком», флажком-«яловцом». Бытовали шеломы татарские, западно-европейские в форме стожка или раздутого конуса, шеломы-«бацинеты» с удлиненными сзади и

по бокам сторонами. Последние прочно вошли в геральдические сюжеты, в гербы и печати князей литовских той эпохи, гербы «Погоня» самых разных изографий, в том числе к герб Республики Беларусь 1991 г.

Оставаясь наиболее популярными типами боевых наголовий, шеломы к середине XVI века уступают место более совершенным шлемам: бацинетам с забралом «псиная морда», саладам, капалинам, армэ, морионам, штурмгабам, шишакам и их различным модификациям.

Боевые покрытия туловища того времени также различны. Среди них: ламеллярный доспех — «бригандины» (чешуйчатые «карацены» и «бехтеры» с длинными вертикальными рядами пластин и с кольчужными перемычками). Иногда использовались трофейные защитные комплекты и их фрагменты: «наколенки московские» и нагрудные восточные доспехи — «зерцала».

Другой вид доспеха — пластинчатый, он представлял собой комплект из кирасы с воротником, с наплечниками, верхней и нижней трубами, налокотниками и рукавицами, с набедренниками, наколенниками, наголенниками, башмаками. Этот доспех постепенно оттеснил на второй план ламеллярный доспех. В XV веке на землях ВКЛ наибольшее распространение получил немецкий готический доспех, с более агрессивным внешним обликом, нежели романтично-ренессансные мотивы итальянских доспехов. В это же время доспехи варьируются по предназначению: для копейщиков — покрывающий с головы до пят — и для стрелков, без покрытия ног, а зачастую и рук.

В XVI веке доспех выходит на качественно новый этап, увеличивается количество типов, повышается технологичность и эффективность форм. Доспех копейщика подразделяется на тяжелый, с массивными наплечниками и гребнями, и легкий, дополненный округлыми щитками. Легкий доспех стал основой для полудоспеха, трехчетвертного доспеха, специфического гусарского доспеха.

Среди богатых феодалов широкое распространение получили доспешные гарнитуры, элементы которых выполнялись в едином стиле.

В это же время эстетика доспеха тяготела уже к ренессансным мотивам, естественным формам и контурам. Параллельно решались задачи повышения прочности без увеличения веса, что достигалось рифлением поверхности. Такой доспех, активно используемый до середины XVI века, называли «максимилиановским».

Позднее сменившая рифление на гладкую поверхность военная мода сконцентрировалась в основном на форме башмаков, пока они не приняли естественную форму.

Характерная стилевая особенность того времени — заострение центральной части кирасы — «тапуль». Наряду с укомплектованным доспехом, автономно использовались и его части, как правило — для защиты конечностей, с этой целью использовали различные восточные элементы «московских» и «татарских» образцов.

Третьим, известным еще с древности, был кольчужный доспех, называемый кольчуга или «панцирь», короткий до пояса, либо до середины бедра, либо полная защита с рукавами, капюшоном и чулками-«ногавицами».

Четвертым типом доспеха — неметаллическим — в ВКЛ можно считать различные ватные, войлочные, кожаные и прочие стеганные кафтаны, куртки, куртки-«вамсы» и т.д.

Щиты

Помимо доспеха важным видом оборонительного вооружения были щиты. Наибольшее распространение в эту эпоху получили «павезы», с вертикальным желобом, большие пехотные павезы, а также еще более крупные, с шипом для крепления в землю и подпоркой — щиты-«тарасы», которые полностью прикрывали человека.

Другие типы щитов — круглые, различной формы и материалов, западные — «рондаши» и восточные — «калканы». Распространяется характерный венгерский гусарский щит-«тарч» крыловидной формы с вырезом для копья или без выреза. Использовали гусары и круглые, и даже ромбовидные щиты.

Нельзя обойти молчанием использование щитов как носителей не только декоративных покрытий и украшений, но и символики, геральдических изображений. Встречаются щиты с богатыми растительными и геометрическими орнаментами, геральдическими делениями, геральдическими и не геральдическими фигурами.

Есть мнение, что цветовые решения деления щитов рыцарства, феодалов Великого Княжества Литовского не спонтанны, а соответствуют их гербовым цветам.

Среди символов чаще всего видны кресты различной формы, встречаются также «крылатые лапы», изображения солнца. Так, на гравюре «Битва под Оршей» (1597 г.) на пехотной павезе отчетливо виден характерный символ в изографии той эпохи — солнце в барочном щите.

Оружие

Наступательное вооружение XVI века включало в себя мечи, «корды», тесаки, «кончары», шпаги, кинжалы. Большой популярностью пользовались двуручные мечи для пехоты и полутора-ручные мечи, чаще используемые рыцарством. Реже встречались одноручные мечи. Мечи были колюще-рубящие, колющие, рубящие.

Пояса для крепления меча в ножнах играли не только утилитарную роль, но и в ряде случаев символизировали статус. Будучи богато украшенными, они служили символом рыцарской чести, достоинства его обладателя.

Наряду с мечами использовались однолезвийные клинки — корды и тесаки. А к концу века, уступив место сабле, корды были вторым по популярности оружием посполитого рушения, а в некоторых хоругвях — первым.

Сабли известны в Великом Княжестве Литовском еще со времен татарских колонистов XIV века. Любимое оружие литовских татар было воспринято всей легкой кавалерией ВКЛ. Во второй половине XVI века различались «гусарские» сабли (венгерского типа) и казацкие (ближе к «татарскому типу»). Со второй половины XVI века распространяются колющие клинки — кончары и шпаги. Оружием для тесной рукопашной схватки или добивания служили кинжалы, ножи самых различных форм и размеров.

Традиционным древковым оружием были копья. Среди них — рыцарские, гусарские, облегченные и укороченные, с прапорцами, длинные пехотные пики, универсальные для всех родов войска — рогатины, легкие, предназначенные в том числе для метания — «ощепы».

Колюще-рубящее древковое оружие применялось исключительно пехотой — алебарды, реже «партизаны» (протазаны) и боевые косы.

В ходу было и обуховое оружие: топоры широколезвийные пехотные и кавалерийские — «чеканы», «клевцы» с заостренным концом как у кирки, дубины — «кии», булавы с шарообразным или многогранным навершием, либо в виде лопастей — «перначи», боевые цепы — «кистени».

В качестве метательного оружия в XVI веке особую популярность приобрели луки, как оружие дальнего боя кавалерии, а вот типичное метательное оружие — арбалет — уже в первой половине XVI веке выходит из боевого применения.

Конское снаряжение

В XVI веке в ВКЛ различали два вида конского снаряжения — восточного и западного образца, имевшие существенные различия в размерах, конструкциях, весе и т.д. Соединением восточных и западных черт в седловке были гусарские седла.

Распространены были попоны из ткани или кожи. Они надолго создали образ для легкой конницы, рыцарства, парадного конского убора. В комплекте с попонами применялись различные украшения — плюмажи, хомуты, кисти, поножи и т.д. В XVI веке в ВКЛ обычным явлением было бронирование коней кольчужным и пластинчатым доспехом в различных комбинациях. Использовались как полные доспехи, так и их элементы, чаще всего — налобники.

Такова, если коротко, оружейная характеристика той эпохи.

* * *

Рассматривая упомянутые выше изображения Оршанской битвы, можно лишь уточнить нюансы.

Доспехи рыцарской конницы ВКЛ, в которой служили родовитые шляхтичи, похожи, но не идентичны. Встречаются шлемы-салады и полный готический доспех, но чаще шлемы армэ, «раннемаксимилиановские» полные доспехи с выпуклыми нагрудниками, гладкие или с рифлением. Вооружены

рыцари довольно однообразно: копья, часто с флюгерами (полукопья, облегченные и укороченные), длинные мечи с S-образными рукоятями, клевцы.

Кони рыцарей покрыты полными пластинчатыми бронями готического или ренессансного типа, с украшениями в виде розеток, улиток и т.д., с кольчужным прикрытием шеи, часто с шипом на налобнике. Седла с высокой передней лукой в виде металлической пластины, стремена с прямыми стопами и арочными скобами.

Большая часть средней и мелкой шляхты служила в средней и легкой коннице, будучи вооруженной «по-гусарски, по-казацки, по-кашубски».

КОСТЮМ

Постоянное участие в войнах с татарами и турками отразилось на шляхетском костюме, придав ему восточный колорит и характерный длинный, расширенный книзу силуэт. Народный белорусский костюм ассимилировал богатые модные турецкие трофеи, большим успехом пользовались восточное оружие, доспехи, конские уборы, да и прочие заморские диковинки.

Типичный костюм белорусского шляхтича — подвязанный поясом долгополый жупан из сукна или шелковой ткани, под ним короткий легкий кафтан («каптаник», «жупаник»), штаны-ноговицы, сверху суконный длинный распашной плащ-делия. Дополняли костюм суконная шапка (магерка, колпак, каптур, шлык и т.д.), подбитая мехом или из меха, часто с брошью и плюмажем из перьев, рукавицы или перчатки, сапоги — боты или полуботы.

Носили и демисезонную короткополую одежду: кафтаны, «сукни», «курты», короткий плащ — капеняк, длинный плащ — епанчу, а к концу столетия — плащи-«доломаны». Зимой одевали подшитые дорогими мехами верхние одежды: газуки, чуги, шубы и шубы-делии. Одежду подпоясывали мягким широким поясом из богатых восточных тканей. Завершали целостность образа излюбленные украшения магнатов и шляхты — нагрудные золотые цепи различных размеров и плетения, броши, перстни.

Таким предстает перед нами на картине князь Константин Острожский. Наивысший гетман литовский одет в пурпурный жупан, расшитый спереди золотистыми шнурами, на шее две золотые цепи, сапоги черные высокие, сабля золоченая венгерская, с круглыми золотыми медальонами на украшенных ремнях.

Конь гетмана покрыт голубой попоной, закрывающей сверху седло, закрепленной узлом на конской груди, упряжь красная с золочеными украшениями.

Помимо народного стиля с восточными чертами в моду входил и венгерский стиль, сочетавший одновременно собственно венгерские, а также восточные и европейские черты. Привнесенный наемными отрядами из Венгрии, с конца XV века он прекрасно прижился в Польше и Литве, допол-

няя народный костюм, ассимилируя и обогащая его. Костюм гусар подробно представлен на картине неизвестного автора «Битва под Оршей».

Гусарские хоругви в XVI веке на «венгерский манер» носили армяки и бекеши — верхнюю одежду, богато расшитую шнурами, петлицами, галунами, украшенную дорогими, ювелирной работы «гузиками» — пуговицами и застежками, а также короткополые кафтаны со стоячим воротником, жупаны, плащи-делии.

Наиболее характерная одежда гусар на исследуемых изображениях — кафтан со стоячим воротником, расшитый спереди галунами, штаны в обтяжку, короткие либо высокие сапоги (в одном случае достающие почти до колена), каблуки с подковками, на сапогах иногда металлическое крылышко предохраняющее щиколотку, шпора с длинным острием со звездочкой. Плащ-делия у командиров мог подбиваться горностаем. В то же время часть гусарской конницы изображена в куртках-вамсах западной моды, с поясами из металлических деталей.

Головные уборы гусар различны: шляпы-цилиндры с полями, цилиндрические и конусообразные колпаки без полей, из цветного фетра, с металлическими околышем и втулкой, меховые колпаки в форме сахарной головы, с металлическим околышем, плоские шапки-мадьярки с загнутыми вверх полями, с разрезом спереди и втулкой, плоские шляпы с полями, полукруглые шапки с разрезом над лбом, чепцы. Головные уборы часто украшены страусовыми или орлиными перьями.

Гусары вооружены копьями с тонким древком, длиной около 3 метров, в ряде случаев с флюгером, сабля и щит венгерские с вырезом для копья или без выреза, либо восточный металлический круглый щит, иногда с вытянутым умбоном. У некоторых гусар за пояс заткнуты шестоперы, кистени, кнуты.

Кони гусарские с золоченой сбруей, часто с хомутами, украшенными плюмажами, кистями, покрыты стегаными или полосатыми попонами, с бахромой, с обручевидными стременами. Встречаются кони с гривой и хвостом выкрашенными на восточный манер в красный цвет.

В пурпурном кафтане, расшитом золотыми галунами в горностаевом плаще, на каштановом коне, с убором в гусарском стиле предстает перед нами и Юрий Радзивилл «Геркулес», в ту пору киевский воевода.

Общая принадлежность к легкой коннице роднит образ гусарских хоругвей, литовских татар и хоругвей, служащих «по-казацки». Татары ВКЛ изображены в характерных высоких округлых шапках-тюрбанах, под которыми кое-где блестят шлемы, часть носит восточные колпаки. Традиционна и восточная одежда — кафтаны и стеганные ватные куртки без рукавов. Вооружены татарские воины саблями, копьями и сагайдаками (луками, колчанами для стрел). Кони у них чаще без попон, сбруя красная, украшения сдержаннее гусарских.

Определенным смешением стилей можно назвать образы всадников с хоругвей служащих «по-казацки». Здесь наблюдается смесь восточных татарских, московских, гусарских и местных костюмов, доспехов и вооружения.

В то же время знать ВКЛ использовала замечательные симбиозы тяжелого рыцарского и легкого гусарского типа вооружения. Именно таким изображен знатный военачальник ВКЛ на гравюре «Битва под Оршей» из брошюры А. Крицкого (1515 г.). Закованный в латы всадник носит поверх кафтан, он вооружен мечом и перначом. Конь феодала имеет тяжелую латную защиту головы и шеи, и при этом традиционную гусарскую попону.

* * *

Стоит отметить, что с XVI века среди шляхты ВКЛ, горожан, высших военных чинов, да и простых солдат стал распространяться, помимо восточного стиля одежды, модный «немецкий» костюм с короткими грушеподобными бриджами («плюндры»), ватными куртками («вамсы»), коротким плащиком. Позднее в широкий обиход вошли льняные рубахи, солдатские куртки («коуты»), плащи-куртки (казакины), короткие узкие штаны, сапоги с раструбами, шляпы.

В исследуемых изображениях широко представлены головные уборы и шлемы пехоты: салады с открытым забралом, шлемы армэ, шлемы с пластинчатыми или облегченными наушами, сфероконические шлемы, чешуйчатые шлемы, шляпы, шапки-мадьярки, шапки, одетые на шлем, чепцы.

Командиры и солдаты одеты в кафтаны, куртки-вамсы с рукавами-буфами, часто поверх них надеты пластинчатые нагрудники, кирасы, наплечники, кольчужные воротники, на ногах носят чулки, сапоги, башмаки. Некоторые одеты в кольчужные панцири, поверх которых кафтаны («сукни»).

Наиболее распространенное оборонительное вооружение пехоты — щиты-павезы. Среди наступательного оружия алебарды, копья с крестовиной, протазаны с S-образной крестовиной, копья с крылышками с крестовиной, боевые шила (списы), артиллерийские пики, различные (в т. ч. короткие) мечи, аркебузы с бандольерами, пороховницами, натрусками, мешками для пуль, крюками и прочим инструментом стрелков.

Обслуга артиллерии — одной «картауны» и двух «серпентин» («фельдшлангов» или «фальконетов») по образу соответствует пехоте. Досконально показаны артиллерийские принадлежности: ящики, циркуль, мотыга, заступ, шомпол, лопата-шуфля и понтонерские бочки, доски-гати, обоз.

На немецкий манер одет конный оркестр и пешие музыканты: береты в том числе с перьями, вамсы, ноговицы. Музыкальные инструменты — барабаны с красной завесой, палочки с шариками, золоченые изогнутые трубы.

ФЛАГИ

В XVI веке основу войска Великого Княжества Литовского составляло всеобщее ополчение — посполитое рушение. При объявлении сеймом войны и мобилизации ополчения каждый повет должен был выставить свою хоругвь — как правило, конный отряд под своим боевым стягом-хоругвью.

Поветовые отряды объединялись в воеводские под командованием каштелянов, всем войском ВКЛ командовал гетман. Кроме посполитого рушения, в состав войска входили наемное войско, отряды литовских татар и наемные казаки. Под «милость господарскую» свои отряды выставляли церковные иерархи. Под своими хоругвями строилось по сигналу тревоги ополчение городов с магдебургским управлением, цеховые братства.

В тот период войско ВКЛ состояло из кавалерии, артиллерии, пехоты и информационно-разведывательной службы. Вся эта разноцветная вооруженная сила нуждалась в опознавательных знаках для идентификации и удобства управления, в том числе в бою, а функцию этих знаков в первую очередь исполняли хоругви — боевые знамена того времени.

Разумеется, главным и исключительно важным в стране и ее войске был государственный флаг Великого Княжества Литовского. По свидетельству документов, в XVI веке на полотнище с четырьмя «косицами» из красного шелка, длиною 60 «локтей», было вышито изображение «Погони» и Богоматери с младенцем. Тогда белорусское войско ходило в атаку с боевым кличем «Богородица! Помогай!».

Военный стяг гетмана, командующего армией, имел голубое полотнище с изображением «Погони» с одной стороны и святого Станислава с другой. Стяг подобного описания изображен на гравюре «Битва под Оршей» (1597 г.).

Распространенными символами на стягах были простейшие графемы — кресты различной изографии, четырехконечные, шестиконечные и их геральдические разновидности. Шестиконечный крест на щите рыцаря с герба «Погоня» стал традиционным символом белорусского воинства и изображался самостоятельно, в том числе в различных вариациях. Стяг с подобным крестом отчетливо виден на гравюре «Битва под Оршей» из брошюры А. Крицкого (1515 г.)

Традиционные для Руси полотнища с прямым равноконечным греческим крестом в силу христианской иконографической традиции и западноевропейской геральдической и флаговой культуры трансформировались в белое полотнище с красным крестом. В иконографии красный крест на белой хоругви часто сопутствует образу Спасителя, являясь общим символом христианства и излюбленным элементом символики рыцарства эпохи крестовых походов. В геральдике и вексилологии среди прочих закрепился простой красный крест — крест Святого Георгия. Стяги с крестами, и даже завесь трубы с крестом отчетливо видны на гравюре «Битва под Варной» из «Хроники то есть истории всего мира» Мартина Бельского (изд. 1564 г.).

Полотнища с таким крестом использовались и в войске ВКЛ как стяги Святого Юрия. Такой стяг изображен на гравюре «Войско ВКЛ отбивает набег крымских татар» (1597 г.). Ныне флаги с Крестом Святого Юрия, идентичные стягам войска ВКЛ украшают современные герб и флаг города Мядель Минской области.

На стягах размещались фигуры святых, например «серебряный» Архангел Михаил с мечом на хоругве Новогрудского воеводства в 1507—1565 гг. Образ этот был интернациональным, общехристианским, поэтому не удивляет изображение его, наряду со Святым Георгием, на стягах московитов на гравюре «Битва под Оршей» (1597 г.).

Распространенными сюжетами стягов были изображения животных — львов (барсов), медведей, оленей.

Иногда на стягах помещалась «малая Погоня» в виде руки, сжимающей меч или саблю. Очевидно, что отряды городов, которым были жалованы гербы, выступали в военное время под хоругвями с городской геральдикой, иные с частновладельческой. Цехи и братства, имевшие собственную иерархию и символику, наносили на хоругви и «штандары» цеховые гербы.

Белорусские магнаты — Ходкевичи, Радзивиллы, Сапеги, Острожские и другие — формировали собственные армии, на стягах которых размещали свои родовые гербы в виде эмблемы без пышных украшений — клейнодов, наметов, щитодержателей, а чаще всего и без щитов. Такие стяги изображены на гравюре XVI века «Взятие Полоцка Стефаном Баторием», на картине «Битва под Оршей» (1597 г.), на рисунке А. ван Вестерфельда «Осада Бобруйска войском Януша Радзивилла» и на картине этого же художника «Пленение казацкого полковника М. Кричевского», выполненных уже в XVII столетии.

В XVI веке служившие в войске татары ВКЛ использовали свой воинский символ — татарскую «Погоню». На ней у всадника вместо меча был лук, отсутствовал щит. Боевое знамя татарской конницы было бело-красно-белой расцветки с изображением полумесяца и звезды. К слову, сочетание звезды и полумесяца, креста и полумесяца широко использовалось и в нашей военной символике, и у соседей.

Наемное войско, состоявшее в основном из поляков, немцев, чехов, моравов, венгров воевало под собственными боевыми знаменами.

В организации белорусского войска ощущается влияние как восточных, так и западных традиций, в том числе во внешнем виде боевых знамен. Тяготеющая в XVI веке к замене символов цветными полосами, Европа отправляла на восток солдат с полосатыми знаменами, с более лаконичными знамёнными сюжетами. Московия же воевала под «знамениями» со сложными религиозными сюжетами-сценами, а татарские орды несли свойственные им пышность и колорит. Все это, безусловно, влияло на белорусскую флаговую культуру, отражалось в ней, приживалось или отвергалось, ассимилировалось.

К концу столетия такая тенденция отразилась и на главном флаге ВКЛ, где изображение «Погони» и образа Богоматери уступило место геометрическому выражению символа, трансформировавшись в три полосы — соответственно цветам герба. Наряду с традиционными появились хоругви без сложных сюжетов, с простыми крестами, полосами, одноцветные, без сюжетов.

Полосатые стяги самых различных вариаций: красно-бело-красные, бело-красно-белые, бело-красные, бело-красные по диагонали, красные и белые флюгеры развеваются над войском литвинов на раскрашенной гравюре XVI века «Осада Полоцка Стефаном Баторием в 1579 году». Если это не творческие вариации художника с белым и красным цветом, то вполне обыденным сочетанием среди прочих был и бело-красно-белый стяг. Национальным флагом белорусов он станет спустя несколько столетий, а пока это один из стягов тактических единиц войска ВКЛ.

Пятиполосный стяг показал на гравюре «Грюнвальдская битва» в своей «Хронике всего мира» (1551 г.) Мартин Бельский, трехполосный стяг с крестом в барочном щите изображен на гравюре «Войско ВКЛ отбивает набег крымских татар» (1597 г.).

Вообще красно-белая гамма полотнищ, судя по источникам выполненным в цвете, доминировала над остальными. И в этом смысле можно говорить о ее закреплении как традиционной для наших земель и нашего воинства.

Крой хоругвей в XVI веке был различным: квадратные, прямоугольные, с «косицами» или без них, треугольные. Различными были и размеры: от огромных полотнищ до скромных, но не менее дорогих тем, кто под ними сражался.

* * *

Что же касается достоверности изображения стягов на картине неизвестного автора «Битва под Оршей», то пока она оставляет больше вопросов, чем ответов.

Рыцарская конница идет в атаку под огромной красной хоругвью без изображения, с навершием. Почему полотнище конных латников представлено именно так — это вопрос, как и голубая хоругвь без сюжета у татар ВКЛ. При этом на соседнем фрагменте картины польские силы идентифицируются красной хоругвью с Белым орлом, есть сюжеты и на иных полотнищах.

Отсутствие сюжета на полотнище войска Речи Посполитой при том, что у неприятеля сюжет прорисован, это не редкость, судя по многим гравюрам, например, «Победа над московитами», XVII век.

Как быть с хоругвями под Оршей? Есть мнение, что на обеих хоругвях художник намеренно не изобразил геральдические символы, в первом случае —белый шестиконечный крест, во втором — либо сюжет вышеописанного стяга гетмана Литовского с «Погоней» и «Станиславом», либо личный герб гетмана Острожского, который также имел голубое поле.

На копьях рыцарей и всадников легкой конницы — треугольные флюгеры белого цвета с красным крестом Святого Юрия, что неудивительно, ибо и цвета эти и образ святого особо почитаемы на Беларуси, кроме того, они созвучны цветам герба державы.

Рядом с гетманом литовским знаменосец держит прямоугольный красный гетманский штандарт — на нем изображены золотистый герб Острожского, внизу — «Лелива», вверху — «Огоньчик». Почему штандарт красный, если поле герба «Острога» голубое? По мнению геральдистов такие изменения не редкость, но каковы причины?

В сюжете переправы рыцарь держит еще и штандарт с гербом Радзивиллов: в прямоугольном красном поле три черные трубы с золотой оковкой, расположенные по кругу. Тот же вопрос: почему штандарт красный, если поле у герба «Трубы» белое или голубое?

Отряд конных лучников служащих «по-татарски» (или «по-казацки») и гусар идет в атаку под красной хоругвью с изображением золотистой рыси (льва? леопарда? барса?). Кому в эту пору принадлежал показанный сюжет? На этот и предыдущие вопросы ответить еще предстоит.

Если допустить вполне уместные сомнения в исключительной достоверности гравюр и картины, то разумно предположить некоторые неточности в нюансах, например, в цветах и символах на стягах войска ВКЛ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся создать на основе исследуемых изображений собирательный образ литвинов — героев Орши в доспехах, костюме, вооружении, со стягами.

Колонну триумфаторов возглавили бы гетман Острожский в костюме традиционного для аристократии и шляхты ВКЛ типа, рядом с ним хорунжие в традиционных шляхетских или венгерских костюмах, со стягом Великого Княжества Литовского с «Погоней» и образом Богоматери, со стягом наивысшего гетмана Литовского (голубое полотнище с «Погоней» и Святым Станиславом), с личным штандартом гетмана Острожского.

Следом за ними конные рыцари в максимилиановских доспехах, со стягом войска ВКЛ (красное полотнище с «Погоней» либо с белым шестиконечным крестом) и личным штандартом воеводы Юрия Радзивилла. На копьях — белые флюгеры с красным крестом.

Далее — всадники легкой кавалерии гусарского и татарского или казацкого типа, с красными и голубыми хоругвями с гербами ВКЛ, Острожских, Радзивиллов, на копьях — тоже белые флюгеры с красным крестом.

Замыкает шествие пехота с павезами, расписанными изображением светила.

Разумеется, все сказанное — лишь наброски к историческому портрету, попытки визуализировать одну из страниц истории белорусского воин-

ства. Однако и имеющийся материал можно с успехом использовать при создании произведений литературы и искусства, посвященных битве под Оршей.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Виктор Александрович Ляхор (1965 г.р.) после школы работал художником на брестском заводе «Текстильмаш». В 1987 г. получил диплом Львовского высшего военно-политического училища по специальности «культпросветработник», служил в вооруженных силах СССР и России, с 1997 г. — в Беларуси. Был художником в журнале «Армия», с февраля 2009 г. — зам. начальника информационного агентства ВС РБ «Ваяр». Член Белорусского союза журналистов, Международного союза дизайнеров, республиканского Геральдического совета. Автор гербов и флагов многих белорусских городов, корпоративной геральдики, альбомов с рисунками форменной одежды, дизайна интерьеров для музеев исторической тематики.

РЕКОНСТРУКЦИИ АВТОРА

Подписи к рисункам на обложке

Вторая страница

№ 1. Хорунжий с Государственным флагом Великого княжества Литовского, XVI век. Реконструкция на основе гравюры «Взятие Полоцка Стефаном Баторием» (XVI век).

№ 2. Рыцарь со стягом гетмана ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе Статута ВКЛ 1529 г.

№ 3. Рыцарь со штандартом старосты Юрия Радзивилла, Орша, 1514 г. Реконструкция по картине неизвестного автора «Битва под Оршей».

№ 4. Гусар со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе гравюры «Битва под Оршей» из брошюры А. Крицкого (1515 г.)

№ 5. Гусар со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе гравюры «Панорама Гродно» М. Цюндта (1568 г.).

Третья страница

№ 6. Хорунжий со штандартом гетмана Константина Острожского, Орша, 1514 г. Реконструкция по картине неизвестного автора «Битва под Оршей».

№ 7. Пехотинец войска ВКЛ, Орша, 1514 г. Реконструкция по картине неизвестного автора «Битва под Оршей».

№ 8. Пеший копейщик со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе инвентаря Брестского замка (1566 г.), гравюры «Битва под Варной» из «Хроники, то есть истории всего мира» Мартина Бельского (издание 1564 г.).

№ 9. Гусар со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе картины неизвестного автора «Битва под Оршей», гравюры «Войско ВКЛ отбивает набег крымских татар» (1597 г.).

№ 10. Гусар со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе гравюр «Панорама Гродно» М. Цюндта (1568 г.), «Осада Полоцка Стефаном Баторием в 1579 году».

Четвертая страница

№ 11. Рыцарь со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе гравюры «Войско ВКЛ отбивает набег крымских татар» (1597 г.), «Осада Полоцка Стефаном Баторием в 1579 году».

№ 12. Рыцарь со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция по картине неизвестного автора «Битва под Оршей».

№ 13. Гусар со стягом войска ВКЛ, XVI век. Реконструкция на основе гравюры «Панорама Гродно» М. Цюндта (1568 г.), раскрашенной гравюры XVI века «Осада Полоцка Стефаном Баторием в 1579 году».

№ 14. Стрелец со стягом Витебского воеводства, 1597 г. Реконструкция по графическим источникам.

№ 15. Стрелец со стягом Брестского воеводства, 1566 г. Реконструкция по картине неизвестного автора «Битва под Оршей».

АРШАНСКАЯ БІТВА 1514 ГОДА: ПОГЛЯД З ВАРШАВЫ

Ігар Мельнікаў,
кандыдат гістарычных навук,

Праца гісторыка апрыёры накіравана на карысць грамадства. Навукоўцы павінны ствараць прадукт, які дапаможа суайчыннікам не толькі пазнаёміцца з мінулым іх краіны, але і сфарміраваць стаўленне да яго. У сучаснай Беларусі гэты працэс, нажаль, спрабавалі замяніць тэрмінам «дзяржаўная ідэалогія». Першапачаткова ідэя пазіцыянавалася досыць амбіцыйна. Новы прадмет павінен быў дапамагчы беларусам выпрацаваць айчынную нацыянальную ідэю. На практыцы ж усё вылілася ў звычайнае паўтарэнне гістарычных міфаў савецкай эпохі пра «агульную сувязь славянскіх народаў», «ролю Савецкага Саюза ў стварэнні і фарміраванні беларускай дзяржаўнасці» і «фактар Вялікай Айчыннай вайны, як адзін з важнейшых этапаў у гісторыі Беларусі». Нажаль, гэтая інтэрпрэтацыя гістарычнага мінулага нашай краіны прывяла да таго, што значная частка беларускага грамадства не мае цэласнага разумення шматвяковай гісторыі сваёй Айчыны.

Зусім іншая сітуацыя склалася ў Польшчы. Там гісторыкі адразу пасля падзення Савецкага Саюзу і ліквідацыі Варшаўскага дагавора зразумелі неабходнасць пашырэння гістарычных ведаў сваіх суграмадзян. Моцная польская гістарычная школа звярнулася да вывучэння раней забароненых, ці непажаданых аспектаў мінулага сваёй краіны. Пры гэтым да адмыслоўцаў хутка прыйшло разуменне, што навуковыя манаграфіі і артыкулы ў універсітэцкіх часопісах наўрад ці зацікавяць людзей, далёкіх ад гістарычнай навукі. «Гісторыя павінна быць смачнай, напісанай цікавай, простай, зразумелай мовай», — разважалі польскія даследчыкі, — «толькі тады яна будзе ўспрынята грамадствам і гістарычная палітыка дасягне сваёй мэты». Пры гэтым, безумоўна, вялікая ўвага надавалася падкрэсліванню вайскова-палітычнай і эканамічнай ролі Польшчы (І Рэч Паспалітую нашыя заходнія суседзі часцей за ўсё называюць польскай дзяржавай) у Усходне-Еўрапейскім рэгіёне ў розныя гістарычныя перыяды.

Менавіта таму за апошняе дзесяцігоддзе ў Польшчы была выдадзена значная колькасць навукова-папулярных выданняў, прысвечаных як агульнаму разгляду падзей гісторыі польскай дзяржавы, так і асобным гістарычным сюжэтам. У гэтым сэнсе не выключэннем стала гісторыя Бітвы пад Оршай 8 верасня 1514 года, якую сучасныя польскія гісторыкі і журналісты, у сваёй большасці, ацэньваюць як адзін з найбольш важных момантаў у польскай вайсковай гісторыі. У гэтым артыкуле я спынюся на характарыстыцы некаторых навукова-папулярных выданняў і публікацый, прысвечаных падзеям Аршанскай бітвы, якія ўбачылі свет у Польскай рэспубліцы.

У 2003 годзе ў Варшаве была выдана шасцітомная праца «Польшча. Гісторыя цывілізацыі і народу», прысвечаная ключавым падзеям польскай гісторыі. Аўтары выдання адзначылі:

> «Трэці том працы быў прысвечаны найбольш паспяховаму перыяду ў гісторыі польскіх зямель. Кароль польскі, які валодаў землямі ад Чорнага мора па Балтыйскае, быў адным з найбольш уплывовых еўрапейскіх уладароў» [1].

Пры гэтым у ўводзінах для характарыстыкі зямель Вялікага Княства Літоўскага выкарыстоўваецца тэрмін «Літва», што для чалавека, не знаёмага з гістарычнай тэрміналогіяй, гучыць адназначна і мае сувязь толькі з сучаснай Літоўскай дзяржавай. У кнізе таксама вядзецца расповяд пра культурныя і палітычныя сувязі «палякаў, літоўцаў і іншых народаў, якія насялялі вялікую і шматнацыянальную дзяржаву Ягелонаў». Безумоўна, падкрэсліваецца роля, якую «адыгрывала» польская дзяржава ў барацьбе з Маскоўскім княствам «на рускіх землях».

Асобная месца ў трэцім томе працы займае аналіз падзей бітвы пад Оршай 8 верасня 1514 года. І тут таксама ідзе гутарка пра «польскае» і «літоўскае» войска. «Літоўцамі камандаваў кіеўскі ваявода Ежы Геркулес Радзівілл», — адзначаецца ў працы. Нажаль, складальнікі працы зусім не выкарыстоўваюць паняцці «Вялікае Княства Літоўскае» ці «гістарычная Літва». Пры гэтым аўтары дакладна пазначаюць ролю, якую «адыграў» польскі бок у бітве. У высновах мы можам пабачыць ідэю пра тое, што «бітва 1514 года скончылася перамогай Ягелонаў (войска ягелонскага)».

Зразумела, цяжка чакаць ад польскага выдання пераменшвання ролі сярэднявечнай Польшчы ў міжнародных справах тагачаснай Еўропы. Аднак грубай памылкай з'яўляецца спроба замены назвы «Вялікае Княства Літоўскае», паняццем «Літва», якое сёння адназначна асацыюецца з сучаснай прыбалтыйскай дзяржавай. Для звычайнага польскага грамадзяніна, гістарычныя веды якога базіруюцца на бытавым узроўні, такая трактоўка падзей, безумоўна, стварае ўражанне пра чарговую «перамогу польскай зброі» і цалкам адмаўляе ролю беларуска-літоўскай дзяржавы (ВКЛ) у барацьбе з Маскоўскай дзяржавай.

У 2007 годзе ў Варшаве пры фінансавай падтрымцы Міністэрства замежных спраў Польшчы была выдадзена праца «Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа» (у тым ліку і на беларускай мове). Аўтар гэтай працы, былы амбасадар Польшчы ў Беларусі Марыян Семаковіч. Дадзеная кніга па сваёй сутнасці — гэта добра праілюстраваны падручнік. І тут мы сустракаем расповяд пра «маскоўска-літоўскія войны» і канстатацыю факта, што «у 1514 годзе Літва страціла Смаленск»:

> «Але ў тым жа годзе польскія, літоўскія і рускія войскі пад камандаваннем літоўскага гетмана Канстанціна Астрожскага здабылі бліскучую перамогу над

маскоўскім войскам пад Оршай: польска-літоўская армія налічвала ўсяго каля 30 тысяч чалавек, у тым ліку 3 тысячы палякаў, маскоўская ж армія — каля 80 тысяч. Але каб вярнуць Смаленск, князю К. Астрожскаму не хапіла вайсковых сіл. Падчас наступнай вайны, у 1534—1537 гг. літоўскім войскам удалося заняць Северскую зямлю і Гомель пры дапамозе польскіх войскаў пад камандаваннем гетмана Яна Тарноўскага. Аднак заключанае перамір'е не прынесла ніякіх істотных тэрытарыяльных змен» [2].

Здаецца, усё б нічога, але зноў складваецца ўражанне, што беларускі кантэкст з гісторыі супрацьстаяння Вялікага Княства Літоўсага і Маскоўскай дзяржавы выкінуты. Пры гэтым значная роля ў перамозе над усходнімі захопнікамі адводзіцца, зразумела, Польскаму каралеўству.

Чарговым выданнем, вартым увагі, з'яўляецца кніга Кшыштафа Яблонкі «Вялікія бітвы палякаў», якая выйшла ў 2007 годзе. Аўтар спыняецца на гісторыі 40 найбольш важных (па яго меркаванню) вайсковых падзей у гісторыі польскай дзяржавы. Значную ўвагу ў працы надаецца бітве пад Оршай, пры гэтым аўтар распавядае не толькі пра вайсковы бок падзеі, але і дае аналіз палітычнай падаплёкі чарговай вайны ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай [3]. Нажаль і тут замест канкрэтызацыі гістарычных тэрмінаў, выкарыстоўваецца безаблічнае паняцце «Літва», якое для слуха сучасных еўрапейцаў, у тым ліку і палякаў, мае канатацыю з сучаснай літоўскай дзяржавай. Пры гэтым Кшыштаў Яблонка ўсё ж узгадвае «аб'яднанне Літвы і Беларусі». Да таго ж, распавядаючы пра вайсковы бок супрацьстаяння ВКЛ і Маскоўскай дзяржавы, даследчык выкарыстоўвае паняцце «літоўска-беларускае войска», а таксама «сейм Вялікага Княства Літоўскага». У артыкуле адзначаецца, што ў 1514 годзе пад Оршай адбылася трэцяя (!) бітва войска ВКЛ і маскавітамі (да гэтага ля Оршы літвінам прыйшлося змагацца з «маскалямі» у 1508 і 1513 гг.). У высновах аўтар адзначае, што ўвогуле кампанія была неўдалай для «дзяржавы Ягелонаў».

У 2009 годзе ў Варшаве ўбачыла свет калектыўная праца «Перамогі польскай зброі», у якой змешчаны артыкул Томаша Багуна «Бітва пад Оршай». Аўтар дае падрабязны аназіз знешнепалітычнай сітуацыі Вялікага Княства Літоўскага (менавіта так, а не «Літвы»), апісвае сілы бакоў, і, асабліва падрабязна, іх узбраенне [4]. У высновах даследчык адзначае вайсковы талент палкаводца ВКЛ Канстанціна Астрожскага і падкрэслівае, што перамога ў 1514 годзе пад Оршай здабыта, у значнай ступені, з-за вайсковага генія гэтага чалавека.

Вясной 2014 года ў знакамітым польскім выдаўніцтве «Беллона» быў выдадзены першы том серыі «Пераможныя бітвы палякаў». У прадмове да кнігі, у прыватнасці адзначаецца:

«У гэтай серыі кніг, якая складаецца з 40 тамоў, мы стараемся ўспомніць тыя падзеі, якімі мы можам ганарыцца. [...] Часта гэта былі перамогі, атры-

маныя ў войнах, якія заканчваліся для нас паразай, таму што мы альбо не змаглі скарыстацца з гэтых перамог, альбо вораг валодаў перавагай. Вайсковае мастацтва военачальнікаў і вайсковая вартасць жаўнераў, а таксама патрыятычны настрой не раз дазвалялі дасягнуць поспеху ў умовах, якія гэтаму не спрыялі. Гэтыя поспехі засталіся ў перадаваемай з пакалення ў пакаленне легендзе» [5].

У рамках гэтай серыі на студзень 2015 года запланавана выданне асобнага тому (№ 26), прысвечанага менавіта гісторыі Бітвы пад Оршай. Улічваючы, як добра падрыхтаваны ўжо выйшаўшыя ў свет кнігі серыі, можна спадзявацца, што і гісторыя Аршанскай перамогі, негледзячы на «польскія» акцэнты будзе ўяўляць з сябе цікавае і карыснае выданне.

Асобна варта спыніцца на аналізе некаторых польскіх публікацый, што з'явіліся ў інтэрнэце. З пачатку варта ўзгадаць дыскусію, якая ўзнікла на сайце historycy.org у 2005—2006 гг., падчас якой карыстальнікі шукалі адказу на пытанне: «Чаму палякі не змаглі скарыстацца з перамогі пад Оршай?» Усмех выклікаюць выказванні кшталту «палякі пад камандаваннем Астрожскага» ці «вялікія страты не спынілі рускіх» [6]. Дадзеная форумная дыскусія з'яўляецца яскравым адлюстраваннем тых стэрыятыпаў, якія існуюць у польскім грамадстве ў дачыненні да дадзенага аспекта нашай агульнай гісторыі. Разам з тым, удзельнікі абмеркавання прааналізавалі колькасць войск, якія з розных бакоў удзельнічалі ў бітве.

У 2009 годзе Польшча і ўвесь свет адзначалі 70 год з моманту пачатку Другой Сусветнай вайны. У гэтым кантэксце ў газеце «Dobry znak» абмяркоўваліся супярэчлівыя моманты агульнай польска-расійскай гісторыі. Асобнае месца было адведзена і абмеркаванню падзей «польскай» перамогі пад Оршай. Аднак падзеі сярэднявечча ў асноўным былі выкарыстаны як фон для ілюстрацыі аспектаў гісторыі Польшчы XX стагоддзя [7]. У такім жа рэчышчы праходзіла дыскусія і на сайце fronda.pl, удзельнікі якой вельмі хутка з абмеркавання падзей 1514 года перайшлі на больш блізкія падзеі 1939 года, праводзячы паралель са спробай Габсбургаў падтрымаць Маскву ў XVI ст. і пактам Молатава-Рыбентропа XX ст. [8]

У 2011 годзе журналіст часопіса «Polska Zbrojna» Ежы Бесала таксама звярнуўся да разгляду гісторыі «аршанскіх падзей». Акрамя аналізу геапалітычнай сітуацыі напярэдадні бітвы, аўтар значную ўвагу надаваў характарыстыцы новых відаў узбраення і інжынерных сродкаў, выкарыстаных «войскам Ягелонаў» пад Оршай [9].

У гэтым юбілейным годзе ў польскіх інтэрнэт-выданнях таксама публікуецца шмат артыкулаў, прысвечаных гісторыі Аршанскай перамогі. Так, варта ўзгадаць публікацыю сайта obserwatorpolityczny.pl, у якой аналізуецца тое, як гісторыя бітвы пад Оршай успрымаецца ў Беларусі. Аўтар падкрэслівае, што пасля атрымання нашай краінай незалежнасці ў 1991 годзе перамога

1514 года стала сваістым сімвалам беларускай вайсковай славы. Па меркаванню публіцыста ў інтарэсах Польшчы з'яўляецца падтрымка гэтых тэндэнцый у беларускім грамадстве. Пры гэтым вялікую выхаваўчую ролю мог бы адыграць сумесны беларуска-польскі кіна-праект, распавядаючы пра гісторыю сумеснай перамогі над маскоўскім войскам 500 гадоў таму [10].

Падсумоўваючы, варта падкрэсліць, што ў большасці сучасных польскіх навукова-папулярных гістарычных выданняў падкрэсліваецца рашучая роля Польшчы ў перамоге пад Оршай у 1514 годзе. Разам з тым ахарактарызаваныя вышэй кнігі і артыкулы дазваляюць сцвярждаць, што польскімі гісторыкамі і публіцыстамі зроблена вялікая праца па пулярызацыі гэтага аспекта гісторыі. Беларускім даследчыкам варта браць прыклад з калег з суседняй краіны дзеля таго, каб рабіць беларускую гісторыю (у тым ліку падзеі верасня 1514 года) не толькі зразумелай, але і прывабнай для нашага грамадства.

СПАСЫЛКІ:

1. Polska. Dzieje cywilizacji i narodu. Monarchia Jagiellonów 1399—1586. Warszawa-Wrocław, 2003.
2. Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа X — XXI ст. Варшава, 2007.
3. Jabłonka K. Wilekie bitwy Polaków. 40 potyczek, batalii i kampanii decydujących o losach Polski. Warszawa, 2007.
4. Bohun T. Bitwa pod Orszą [w:] Zwycięstwa oręża polskiego. Warszwa, 2009.
5. Kienzler I. Zwycięskie bitwy Polaków. Tom 1. Warszawa, 2014.
6. historycy.org.
7. gazeta-dobryznak.pl.
8. fronda.pl.
9. wiadomosci.onet.pl
10. obserwatorpolityczny.pl

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Игорь Мельников (1980 г.р.) — кандидат исторических наук, магистр политологии Варшавского университета. Автор более 100 научных и публицистических статей и материалов в отечественных и зарубежных изданиях.

Родился в Бобруйске, потом семья переехала в Минск. Окончил Белорусский государственный педуниверситет им. М. Танка (специальность «история и иностранные языки»), магистратуру Варшавского университета. В настоящее является редактором интернет-портала «Историческая правда», а также преподавателем в Варшавском университете.

БІТВА НА РОСТАНЯХ ЦЫВІЛІЗАЦЫЙ...

Язэп Паўловіч,
гісторык (Нямеччына)

«...Дзяржава абапіраецца больш на мужнасць духу, чым на сілу цела, пра што сведчаць як грэкі, так і рымляне. Іх магутнасць квітнела найбольш тады, калі расцьвіталі навукі. А як толькі пачыналі нікнуць таленты, сілы іх згаслі, а з заняпадам апошніх абрушылася іх дзяржава і ўсталявалася рабства. Таксама і ў нас...»

Мікола з Гусава,
з ліста да найяснейшай уладаркі і пані Боны (Сфорцы д'Арагона),
з ласкі Божай каралевы Польшчы,
Вялікай княгіні Літвы, Русі, Прусіі і інш. пані.

Здаецца, зусім нядаўна адзначалі мы шасцісотгодзе Грунвальдскай бітвы, а зарас надышоў час паўтысячагодовага юбілею бітвы пад Воршаю.

Іх аб'ядноўвае не толькі блізасць юбілеяў у часе. Але і тое, што абедзьве гэтыя бітвы спынілі вонкавую экспансію войскаў суседзяў на тэрыторыю карэнных земляў Вялікага Княства Літоўскага. «Грунвальд» вынішчыў захопніцкі імпэт крыжацкіх ордэнаў у дачыненні да ВКЛ і, ў рэшце рэшт, спрыяў далейшаму яго ўлучэнню ў эўрапейскія справы.

Перамога ж у Аршанскай бітве 8-га верасня 1514 году спыніла ўварванне войскаў Вялікага Княства Маскоўскага і дазволіла вызваліць частку ўсходніх тэрыторый ВКЛ (хоць вайна, якую абвясціў Васіль III, трывала яшчэ да 1522 года і адбылася страта Смаленску). Гэтая перамога стала моцным аргумэнтам у перманентнай спрэчцы ВКЛ і ВКМ за прастору і рэсурсы, мела магутныя палітычныя наступствы і спрыяла ўзмацненню сталых стасункаў з эўрапейскімі ўладнымі і духоўнымі цэнтрамі, ўпляценню культурніцкага жыцця Вялікага Княства ў эўрапейскі кантэкст. Без гэтай супрацы магчыма і не было б Рэнесанснага перыяду ў гісторыі нашай краіны.

Паміж Грунвальдам і Воршай пралегла не проста больш за сто год, гэта быў час сталага дзяржаўнага будаўніцтва і ўзмацнення ВКЛ, нягледзячы на частыя ваенныя канфлікты. Мянялася структура дзяржавы, развіваліся гарады і атрымлівалі прывілеі Магдэбургскага права.

Развівалася сістэма міжсаслоўных суадносін. Пашыраліся правы шляхты — ваеннага саслоўя. У ВКЛ XIV—XV стагодзяў нашчадкі ханаў і вышэйшых феадалаў з Залатой Арды, а пазней і Крымскага ханства, як і прадстаўнікі былых літоўскіх уладальніцкіх сем'яў, тытулаваныя выхадцы з Маскоўскага, Цвярского і іншых княстваў, прыналежылі да вышэйшай групы феадальнага шляхецкага стану. На самым версе гэтай групы былі прадстаўнікі велікакняскай дынастыі Гедымінавічаў.

З даволі простых паняццяў радавых і спадчынных суадносінаў «ваеннай дэмакратыі» пачала выбудоўвацца сістэма дэмакратыі саслоўнай, замацаваная ўпершыню ў «протастатуце» — Судзебніку Казіміра 1468 года, падставовым дакумэнце феадальнага права ВКЛ. Ён паслужыў прататыпам больш універсальнага прававога дакумэнта — першай рэдакцыі Статуту ВКЛ ад 1529 году, што быў падмуркам развіцця прававой сістэмы дзяржавы. Гэты дакумэнт і яго пазнейшыя рэдакцыі ў сваю чаргу аказалі ўплыў не толькі на развіццё эўрапейскай прававой сістэмы, але і, значна пазней, знайшлі пэўнае адлюстраваньне ў Канстытуцыі ЗША.

Сутыкненне «цывілізацыйных хваляў» разам з рассяленнем Чалавека па планеце пасля XIII веку і ўсталяваннем глабальных сувязяў, падзелу жыццёвай прасторы паміж народамі, стварыла магчымасць узнікнення шэрагу «цэнтраў палітычнай сілы» да пачатку XVI стагодзя на эўрапейскім абшары, што канкуравалі паміж сабою. Насельніцтва Зямлі на той момант перасягнула рысу ў паўмільярда чалавек. Упершыню ўзнікла сістэма больш-менш сталых межаў, пазначаных інжынернымі збудаваннямі пад аховай, паміж большасцю краінаў «Старога свету», што была замацавана не толькі ваеннаю моцай і дзвухбаковымі дамоўленасцямі, але і сістэмаю міжнародных Угодаў.

У міждзяржаўнай канкурэнцыі значна вырасла роля агульнага развіцця прамысловай вытворчасці краіны і ўзроўня арганізацыі працы, валодання новымі тэхналёгіямі вытворчасці і арганізацыіі інфармацыйнага забяспячэння функцыянавання дзяржаўнага апарату, эфектыўнасці дзяржаўнай машыны. Менавіта валоданне «піянернай» на той час інфармацыяй, новымі тэхналёгіямі на тле ідэйнай базы хрысціянскай цывілізацыі і асабліва нараджаючагася пратэстантызму, дазволіў імкліва вырвацца ў XVI стагоддзі ў канкурэнтнай барацьбе паміж эўрапейскімі краінамі Англіі і Галяндыі. Пачаўся падзел глабальнай геаграфічнай прасторы паміж імі. Эўрапейская цывілізацыя стала дамінаваць на нашай планэце.

Развіццё ж грамадства, рост гарадоў і павялічэнне насельніцтва у Вялікім Княстве Літоўскім спрычыніліся да вялікага попыту на кнігі, збольшага літургічныя. Тут нельга не ўспомніць бізнес-праект вядомага тады польскага магната Яна Турзо, які прапанаваў немцу Швайпафальду Фіелю, шаўцу, што выбраляў багаслужбовае адзенне ў Кракаве для Касцёла, друкаваць царкоўныя кнігі кірылічным шрыфтам для патрэбаў ва усходніх цэрквах на дзяржаўнай мове ВКЛ для падтрымкі там Хрысціянства. У 1491 годзе выйшлі дзве першыя кніжкі «Антоіх» і «Часаслоў». Наступныя некалькі выданняў — у 1492 і 1493 гадох. Па даносу ён быў падазроны ў «гусіцкай ерасі», прыцягнуты да следчых дзеяў і пэўны час правёў у турме. Але абыйшлося, і ў пачатку XVI стагодздзя ён працаваў ужо горным майстрам у Сілезіі і ніколі да друкарскай справы больш не вяртаўся.

Пятнаццатае стагоддзе скончылася Гарадзельскаю вуніяй паміж Польскім каралеўствам і Вялікім Княствам Літоўскім. Дамоваю, што павінна была

дапамагчы Польшы ў супроцстаянні не толькі з заходнімі суседзямі, але і турэцкай агрэсіі. Для Вялікага Княства ж асноўнаю праблемаю сталася супроцьстаянне з набраўшым моц княствам Маскоўскім і саюзнымі яму тады крымскімі татарамі.

Гістарычны лёс так склаўся, што нашая першая дзяржава — Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае паўстала на памежжы, на сутыкненні цывілізацыйных хваляў з Захаду і Усходу, што неслі свае культурніцкія і тэхналагічныя адметнасці, розныя, часам супроцлеглыя погляды на рэчы і пабудову Свету. Заходнюю хвалю культурніцкага ціску ініцыяваў кансалідаваны адказ эўрапейскіх краінаў на мусульманскую агрэсію ў Гішпаніі і Партугаліі ў апошняя траціне першага тысячагодздзя н.э. Ядром гэтай хвалі можна лічыць імпэрыю Карла Вялікага. Праз Крыжовыя паходы і Рэканкісту, пасля паразы на Бліжнім Усходзе, вайсковая машына Ордэнаў абрынулася на «паганскія» абшары Прусіі, Прыбалтыкі і саюзнай для ВКЛ Польшы. Гэтыя наступствы «памылкі Конрада Мазавецкага», які запрасіў іх, былі больш актуальныя для палякаў, чымся для Вялікага Княсства — падзеі добра вядомыя шырокай публіцы з гістарычных крыніцаў і літаратуры.

Без разгляду ж сутнасці супроцьлеглага вектару — хвалі Усходняй, што ўяўляла сабою націск імпэрыі намадаў Чынгіз-хана, мы не ў стане ацаніць значэнне бітвы пад Воршаю, бо без гэтага цяжка зразумець узыходжанне і сутнасць Маскоўскай дзяржавы, таму гэтае пытанне трэба разгледзець больш дэталёва.

* * *

На пачатак XVI стагоддзя тры цывілізацыйныя хвалі (“Усходняя», «Заходняя» і «Паўднёвая» — мусульманская), што спрыялі станаўленню ВКЛ, з падзеннем Бізантыйскай імпэрыі, распадам Вялікай Арды і ісламізацыяй гэтага рэгіёна, трансфармаваліся ў добра ўжо знаёмае нам бінарнае супроцьстаянне хрысціянскага і мусульманскага светаў, альбо звыклую для нас дыхатомію «Ўсход — Захад».

Ўся гісторыя так званага «Ардынскага іга на Русі» ўкладаецца ў два с паловаю стагоддзі ад першага «знаёмства» з Чынгіз-ханам ў 1223 годзе — бітвы на Калцы — калі руска-палавецкае войска было ўшчэнт разбіта войскамі намадаў. Ў сур'ёз жа ўсё пачалося пазней у сталіцы Манголіі — Каракаруме: ў 1235 годзе на курултаі прымаецца рашэнне аб Вялікім Заходнім паходзе. У 1237 годзе войскі Чынгіз-хана пераходзяць Волгу і захопліваюць шэраг тэрыторый — Разань, Каломну, Маскву, Уладзімір і Суздаль, Кастраму і Яраслаўль, Вугліч. У 1240 годзе імі ўзяты ўжо Кіеў. Адбывалася рэалізацыя ідэі Чынгіз-хана — стварыць адзіную татара-мангольскую дзяржаву ад кітайскіх мораў на ўсходзе да мора Франкаў на Захадзе. Але намады дайшлі толькі да Удзіны, гарадка непадалёк ад Вянецыі.

Узнікшая ў выніку Вялікага Заходняга паходу 1235—1241 гадоў на захопленых абшарах дзяржаўнае ўтварэнне, Улус Джутчы (сына Чынгіз-хана),

займала агромістую прастору ад Іртыша і Алтая на Усходзе да Дунаю на Захадзе і ад Волскага Булгару на Поўначы да Каўказу на Поўдні.

Пасля смерці Чынгіз-хана і Джутчы ўлада перайшла да іншага сына — Батыя. У 1242 годзе ён стварыў на тэрыторыі Улуса Джутчы новую дзяржаву — Залатую Арду і заснаваў яе новую сталіцу — Сарай, што неўзабаве налічвала ўжо да 75 тысяч насельнікаў.

Першапачаткова Залатая Арда дзялілася на дзве часткі: яе заходняя частка называлася Ак (Белая) Арда, а ўсходняя — Кок (Сіняя) Арда.

Ужо ў канцы XIII стагоддзя на абшарах Залатой Арды пачало распаўсюджвацца мусульманства. Вельмі значным крокам да поўнай ісламізацыі гэтай краіны быў прыход да ўлады Берке-хана (1256—1266), які прыклаў значныя высілкі для прыняцця Іслама ў якасці дзяржаўнай рэлігіі.

Гледзячы па ўсім, вырашальную ролю ў гэтым адыграла неабходнасць вонкавай падтрымкі ў барацьбе Залатой Арды за незалежнасць ад улады «вялікага кагана» — валадара Каракарума (на той час — Мунке-хана). Неўзабаве, прыкладна ў 1260 годзе, Арда спыніла выплату падаткаў ў Каракарум.

Амаль у той жа час, каля 1258 года, перастаў існаваць Багдацкі Халіфат. Таму гістарычная сітуацыя спрыяла стварэнню саюза Берке-хана з Эгіптам (як раз пасля рэвалюцыі тамтэйшых рабоў-мамлюкаў 1250 году), наймацнейшаю і найбуйнейшаю мусульманскаю краінаю. Падбівала на гэткі хаўрус і тое, што першым султанам «з рабоў» становіцца полавец Мустафа Кутуз. Да таго ж сярод мамлюкаў было многа выхадцаў з Каўказу, Поволжжа і прыкаспійскіх стэпаў. Сталіца яго, Каір, што існаваў ужо амаль 300 год, быў сталым духоўным цэнтрам тагачаснага муслімскага свету. Там жа перабываў нашчадак апошняга Халіфа.

Канчаткова ж Залатая Арда была прымусова ісламізаваная ханам Узбекам (1312—1314) на падставовых прынцыпах «меча Мхадзі» — Джыхада.

Пасля забойства хана Джанібека ў 1357 годзе і паразы паўднёвых ханаў у Бітве на Сініх Водах у 1362 годзе ад войскаў пад началам Альгерда, ў Залатой Ардзе пачаўся перыяд унутраных войнаў і феадальнай раздробленасці. ВКЛ жа становіцца найвялікшаю дзяржаваю ў Эўропе.

У наступных падзеях, ад 1370 году, вырашальную ролю гулялі эмір Цімур і хан Тохтамыш, што перабег да яго з Белай Арды. Іх саюз, а потым барацьба паміж сабою, значна аслабілі стан ардынцаў, што дазволіла набраць сілу славянскім княствам, якія ўваходзілі ў склад Арды і знаходзіліся ў вассальнай ад яе залежнасці, уключна з княствам Маскоўскім. Прынамсі сталі магчымамі першыя крокі Масквы да наступнай велічы. Смерць Цімура ў 1405 годзе спыніла яго заваёўныя паходы і вонкавы націск на парэшткі Улуса Джучы. Княства Маскоўскае акрэпла і пачало ўзбуйняцца, паглынаючы суседнія дзяржавы.

Іслам значна паўплываў на культуру насельніцтва Залатой Арды. Разам з арабскаю моваю рытуала, ўсё большы распаўсюд меў і звычай упрыгожвання

арабскімі матывамі і пісьмёнамі рэчаў пабытовага ўжытку, зброі і строяў. На землях Кіеўскай Русі, ўлучаных у Залатую Арду, таксама не магла не адбіцца як ісламізацыя цэнтральнай ардынскай улады, так і татальная арабізацыя, што непазбежна нёс з сабою Іслам. Вельмі паказальным ў гэтым сэнсе ёсць «Хождение за три моря» — дзённік цвярскога купца Афанасія Нікіціна, што ў 1468—1475 гг. зрабіў падарожжа ў Індыю і памёр па дарозе назад, не дайшоўшы да Смаленску.

Расейскія даследчыкі сцвярджаюць, што цюркізмы і арабізмы ў тых запісках ён ўжываў свядома, каб прыхаваць «нязручную» інфармацыю. Але што можна было прыхоўваць, напрыклад у завяршальнай малітве тых запісак, якая нічога акрамя звароту да Ісуса ў арабскай форме «Іса» і яго эпітэтаў не ўтрымлівае? Заўважна таксама, што на гэтай ўсходняй «трасянцы» запісаны амаль выключна звароты да Бога — малітвы. Мяркую, ў гэтым дзённіку як раз захаваліся ўзоры пабытовай мовы рытуалу, г.зн. тагачаснай формы малення да «Адзінага бога» і па ім можна вызначыць узровень культурнага ўплыву Арды і Ісламу на славянскія княствы ў яе складзе і на памежжы з ёй, у апошняй траціне XV стагоддзя. Вось маленькі ўрывак з той завяршальнай малітвы:

«Милостию Божиею преидох же три моря. Дигерь худо доно, олло перводигерь дано. Аминь! Смилна рахмам рагим. Олло акьбирь, акши худо, илелло акшь ходо. Иса рухоало, аликъсолом. Олло акьберь» і г.д.

(Пераклад на сучасную расейскую мову:

«...Милостию Божией прошел я три моря. Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает. Аминь! Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик, Боже благой, Господи благой. Иисус дух Божий, мир тебе. Бог велик...)»

Праз пэўны час, у 1485 годзе — Цвярскія землі будуць пазбаўленыя вольнасцей і ўлучаныя ў княства Маскоўскае. Князь жа цвярскі, Міхал Барысавіч, уцячэ ў ВКЛ.

Пазней Маскоўскае княства ўвайшло ў хаўрус з ханствам Казанскім і пачалася доўгая палітычная «гульня ўтрох» з Вялікаю Ардою, зрэшты, саюзнай ВКЛ. Звычайна вехаю выхаду княства Маскоўскага на лідэрскія пазіцыі на заходніх абшарах былога Улусу Джутчы лічыцца дата «Вялікага стаяння на Вугры» — 1480 год. Канчаткова ж Вялікая Арда была разгромленая ў вайне 1501—1502 гадоў.

Вырашальным момантам той вайны княства Маскоўскага за поўную незалежнасць стала бітва на Суле, дзе яно мела таксама войскі ад саюзнікаў — Казанскага і Крымскага ханаў. Але яшчэ ў 1482 годзе адбылося пасольства Масквы ў Крым, дзе была зробленая Угода аб сумесных дзеях супроць Вялікага Княства Літоўскага.

Такім чынам, ў канцы XV веку Вялікае Княства Маскоўскае абсарбуе ў сабе рэсурсы, вайсковую сілу, ідэі і тэхналёгіі Чынгізідаў Залатой Арды. Як раз інтэграцыя гэтага агромністага патэнцыялу і дазволіла «Маскве» ў далейшым паспяхова канкураваць з ВКЛ.

Такі стан рэчаў пацвярджаецца і запіскамі сучаснікаў. Напрыклад, у сваім трактаце «Масковія» (1682 г.) выбітны ангельскі пісьменнік і гісторык Джон Мільтан сцвярджаў, што Вялікае княства Маскоўскае стала вядомае Эўропе як магутная дзяржава з часоў Івана III. Кароль польскі Казімір IV таксама пісаў аб ім наступным чынам: «правадыр слаўны многімі перамогамі, што мае вопытных палкаводцаў сярод перайшоўшых на яго бок татарскіх мурз».

На значную ролю татараў у маскоўскім войску тых часоў указвалі таксама французскія гісторыяграфы канца XIV веку — браты Мартэс.

І як раз у год Аршанскай бітвы, вялікі князь Маскоўскі, Васіль III (правіў у 1503—1533 гг., бацька Івана Жахлівага), упершыню быў названы тытулам «цар» («цэсар») у тэксце дамовы з Імпэратарам Свяшчэннай Рымскай Імпэрыі.

* * *

У святле вышэйпералічанага не цяжка зразумець, што вынік вайны першай чвэрці XVI веку паміж двума канкуруючымі княствамі — ВКЛ і ВКМ — быў крытычна важны. Можна спрачацца аб «тэрытарыяльных заваёвах» той вайны, але наступствы перамогі ў бітве пад Воршаю для будучыні ВКЛ цяжка пераацаніць. На той момант яна, як мінімум, вырашыла цывілізацыйны выбар паміж «агнасцытычным Усходам» і «эўрапейскім прагматычным спасціжэннем Сусвету», што стварыла магчымасць «Залатога веку» ў нашай краіне. Тым больш, што як раз у той час у Францыі пачала ўжо займацца эпоха Рэнесансу, што проста не дайшла б да нас ў выпадку паразы, як гэта сталася з Масковіяй.

Слава ж гэтай перамогі акрыліла ваяроў Княства і стала крыніцаю натхнення для народнай творчасці, што апявала яе. Гэта спрыяла кансалідацыі тагачаснага грамадства, станаўленню пэўнага вобразу Краіны ў вачох як яе насельнікаў, так і эўрапейскага грамадства як моцнай, аўтарытэтнай і вялікай Дзяржавы.

Цяжка ацэньваць адгалосак такіх падзей у людскіх душах. Але хто ведае, каб не перамога 1514 года, ці змог бы выдаць у 1517 годзе сваю першую кнігу Францішак Скарына і калі б тое адбылося? Але, ўпэўнены, дакладна мы б не мелі літаратурнага ўвасаблення вобразу Вялікага Княства — паэмы Мікалая Гусоўскага. Ён напісаў сваю «Песню пра зубра (бізона)» калі быў пісцом ў складзе пасольства 1518 года у Італію да Папы Ільва X Медычы, каб схіліць яго да стварэння кааліцыі хрысціянскіх дзяржаваў. На жаль той памёр ад халеры, як і кіраўнік гэтага пасольства, Эразм Вітэліус, біскуп Плоцкі. Таму выдаць паэму атрымалася толькі ў 1523 годзе, пасля заканчэння вайны, з дапамогаю каралевы Боны.

Мікола з Гусава, паэт-«навалацініст», дае не толькі рэльефны вобраз ліцьвінскага нацыянальнага ваярскага характэру, але дакладна апавядае пра народ і Краіну, таксама як і стан, у якім яны апынуліся на той момант, праз апісанне палявання на ляснога волата-зубра:

«... Я пачынаю з адзіным намерам: унесьці
Толькі свае ўдакладненьні пра нашага зьвера,

....

Хай ён бадне ў мой радок, каб маглі мы разгледзець
Гэтае дзіва з абшараў Літоўскага княства,

....

Лад альпабэту наш прашчур для ўласнай карысьці
Ў грэкаў пазычыў і, гукі мясцовых гаворак
Зладзіўшы зь ім, іншаземцам, застаўся сабою.

....

Край наш — дзівосны прыстанак загадак і цудаў:
Ці то так Бог пажадаў, каб усё ў ім на волі
І вырастала, і гінула, ці чараўнічай
Воляю нечай усё занядбана — не знаю...

....

Войны вядзём мы адзін на адзін за сьвяшчэнны
Братні саюз хрысьціянства з навалай з усходу...

....

Што запяяш ты, сусед наш, калі скалануцца
Плачам і стогнам твае гарады і мястэчкі?
Локаць гатоў будзеш свой укусіць у адчаі:
Дзеж я раней быў, чаго я глядзеў і прагледзеў?
Як я сваім патураньнем расчысьціў дарогу
Ордам чужынцаў», што разам з ваенным рыштункам
Ёрмы прывезлі суседзям і мне — па суседску?

....

Колькі ня жалься, ні войкай, а чэмеру гора
Не падсалодзіш жальбою. Як лес безгалосы,
Мы пад сякерай, дык хай жа пачуецца ў сьвеце
Гусаўца голас між волатаў нашых пушчанскіх...»

(Мікола Гусоўскі. «Песня пра зубра» //
Зборнік «Старажытная беларуская літаратура». Мінск, 1990, с. 119—154)

Ёсць яшчэ адно «тое», што збліжае лёс гэтай паэмы і гістарычнай памяці аб перамозе ў бітве пад Воршаю — да сярэдзіны 60-х гадоў XX стагодзя аб іх існаванні ведала толькі невялікае кола спецыялістаў, бо яны не ўпісваліся ў кандовыя савецкія ідэалагемы аб «слявянскім адзінстве», «трыадзіным на-

родзе» і «вядучай ролі народа рускага». Перакладу ж паэмы на нашую мову, пры наяўнасці шэрагу іншых, проста не існавала. Дапамаглі «хрушчоўская адліга» і пазбаўленне грамадства ад бальшавіцка-сталінскага маразму.

Парадаксальным чынам падзеі сучаснасці, а менавіта агрэсія Расеі супроць Украіны і сённяшнія спробы мусульманскіх экстрэмістаў аднавіць Арабскі Халіфат, актуалізуюць гістарычны вопыт Аршанскай Перамогі.

КОРАТКА ПРА АЎТАРА

Язэп Паўловіч — былы жыхар Менска. Зараз жыве ў горадзе Зіген (Siegen), з'яўляецца старшынёй Згуртавання беларусаў у Нямеччыне. Аўтар шэрагу артыкулаў па сусветнай і беларускай гісторыі

ХІСТКІ ГРУНТ ГІСТАРЫЧНАЙ СВЯДОМАСЦІ БЕЛАРУСАЎ

Ірына Шумская,
культуролаг

Адзін з найбольш вядомых парадоксаў логікі, аўтарства якога належыць Гегелю, сцвярджае: «Гісторыя навучае толькі таму, што яна ніколі так і не навучыла чаму-небудзь народы». Гэта ў поўнай меры мае дачыненне і да беларусаў, якія ў працяглым і пакуль не завершаным працэсе станаўлення нацыі вучацца вельмі марудна, без асаблівай ахвоты, а часам і наогул ігнаруючы разнастайныя прыклады з уласнай гісторыі. Толькі вырваліся з кіпцюроў Расійскай імперыі — і адразу ж захраслі ў таталітарнай дрыгве Савецкага Саюза; не паспелі як след ачомацца ад нечаканага шчасця ў выглядзе здабыцця незалежнасці — і галава ўжо пнецца ў хамут ЕўраАзЭС. Але больш за ўсё выклікае здзіўленне тое, што замест неабходнага пераасэнсавання гістарычных працэсаў, якое цяжка было б патрабаваць ад простых грамадзян, рэакцыя палітычных эліт амаль нічым не адрозніваецца ад рэакцыі плебса і зводзіцца да ўпадабанай тактыкі: «А можа, так і трэба?»

Кволасць гістарычнага мыслення беларусаў ускладняе працэс ягонага аналізу ў межах існуючых сістэм класіфікацыі. Так, напрыклад, расійскі даследчык А. Медбрайер вылучае шэраг тыпаў гістарычнага мыслення, сярод якіх, у прыватнасці, наступныя:

- селектыўнае мысленне, якое дазваляе ў пэўны момант адсунуць убок непатрэбнае і здзейсніць правільны гістарычны выбар;
- інавацыйнае мысленне, здольнае прапанаваць варыянты гістарычнага выбару для «прарыву» ў новую сацыякультурную сітуацыю;
- сталкерскае мысленне, што падштурхоўвае да мужнага руху па новым шляху, як па мінным полі, і г.д.

Паводле дадзенай тыпалогіі, гістарычнае мысленне беларусаў можна аднесці да так званага «рэверсіўнага», якое прапануе соцыўму неаднаразова «наступаць на адны і тыя ж граблі», каб канчаткова пераканаць у бесперспектыўнасці вырашэння новых праблем пра дапамозе старых сродкаў.

Асаблівасці гістарычнага мыслення наўпрост ўздзейнічаюць не толькі на фарміраванне гістарычнай свядомасці і трываласць гістарычнай памяці народа, але і на гістарычны выбар, які ім здзяйсняецца. І тут можна ўгледзець пэўную аналогію з тэзісам французскага культуролага К. Леві-Строса, які падзяляў грамадства на «халодныя» і «гарачыя». Для першых уласціва «нулявая чуллівасць да гістарычнага развіцця», шанаванне стабільнасці і добраўпарадкаванасці сацыяльных стасункаў, у той час як у другіх «унутраная тэмпература няспынна змяняецца», а гісторыя становіцца чымсьці кшталту рухавіка развіцця.

Адказнасць за фарміраванне гістарычнай свядомасці той ці іншай нацыі варта ўскладаць не толькі і не столькі на прафесійных гісторыкаў, скольні на пасіянарную частку грамадства, а таксама на тых асоб, якія вызначаюць кірунак культурнай палітыкі ў дзяржаве.

Калі абывацеля хвалюе пытанне асвятлення ва ўласным жытле, ён наўрад ці самастойна будзе паглыбляцца ў схемы электраправодкі, даручыўшы гэтую справу спецыялістам. Гэтак жа і гістарычная памяць (існаванне абсалютнай аб'ектыўнасці ў якой наогул можна паставіць пад вялікі сумнеў, бо кожны з аўтараў гістарычных канцэпцый так ці іначай дзейнічае ў межах пэўнага ідэалагічнага ракурсу) — закліканая выступаць інструментам мацавання нацыянальнай свядомасці. Яна (памяць) рэдка засяроджваецца на дэталях, аддаючы перавагу разуменню агульнай карціны падзей мінуўшчыны. Апошняя, у сваю чаргу, малюецца фарбамі, змешчанымі ў палітры, створанай дзяржаўнымі інстытутамі разам з грамадзянскай супольнасцю.

Значна ўплывае на дзейсную сітуацыю і тое, што мноства гісторыкаў насамрэч стварае не столькі летапіс сапраўдных падзей, колькі калянавуковае фэнтэзі. Напрыклад, апалагеты лозунга «Расія, Украіна, Беларусь — усё гэта Святая Русь» часта ў якасці абгрунтавання сваёй апантанасці абапіраюцца акурат на факты «агульнай» гісторыі. У айчынных рэаліях прыходзіцца міжволі канстатаваць, што ў галіне шчыльнага «супрацоўніцтва» з гісторыкамі адэпты заходнерусізму, які наогул варта было б прыраўняць да экстрэмізму або нават сектанцтва, значна апярэджваюць тых, хто спрабуе прадстаўляць грамадскасці нацыяльна-арыентаваны падыход да гістарычнай спадчыны.

Плён дзейнасці імперскіх ідэолагаў, нібы нафтавая пляма, актыўна распаўзаецца па медыя-прасторы, ствараючы адпаведны эфект у масавай свядомасці. Значнасць такіх падзей, як Грунвальдская бітва або бітва пад Оршай, наўмысна змяншаецца, каб увесь прапагандысцкі імпэт скіраваць на перамогу ў Другой сусветнай вайне і далейшай пабудове дзяржаўнасці пад «чулым кіраўніцтвам» з боку «старэйшага брата». Не кажучы ўжо пра тое, што ў Беларусі няма месцаў памяці, дзе чалавек мог бы ўзгадаць пра дзеячаў Беларускай Народнай Рэспублікі, якія шмат рабілі для таго, каб наша краіна была незалежнай.

Таксама ў Мінску адсутнічае помнік Кастусю Каліноўскаму, прызнанаму на дзяржаўным узроўні яшчэ ў савецкія часы. Няма ў Беларусі манументаў і дзеячам БССР, нацыянал-бальшавікам Змітру Жылуновічу і Аляксандру Чарвякову, якія спрычыніліся да абвяшчэння Савецкай Беларусі, адыгралі выключную ролю ў палітыцы беларусізацыі ў 1920-х. Замест гэтага мы маем мноства помнікаў «сакральнай карове» камуністычнай ідэалогіі — Леніну.

Нягледзячы на тое, што сталічныя кіраўнікі дагэтуль не могуць (хутчэй, не хочуць) усталяваць годны мемарыяльны комплекс у Курапатах або

прынамсі забяспечыць належную ахову дадзенай тэрыторыі, але затое яны ахвотна гатовыя — за велізарны замежны грант, вядома — далучыцца да маштабнага пераўтварэння месца памяці ў вёсцы Малы Трасцянец, дзе нават немагчыма ўсталяваць дакладную колькасць ахвяр (пераважна пахаваных, дарэчы, зусім не там, а побач, на месцы цяперашняга гарадскога сховішча смецця). Апроч таго, у апошнія гады пайшла завядзёнка паўсюдна ўзводзіць помнікі прадстаўнікам рускай праваслаўнай царквы. Прычым на адкрыцці гэтых помнікаў, як правіла, прысутнічаюць і радасна пляскаюць у далоні тыя, хто яшчэ ўчора бавіў час на сходках камсамольскіх актываў, быў непрыхаваным атэістам і актыўным барацьбітам з «рэлігійным цемрашальствам».

Крапівінскае поле, 8 верасня 2014 года

Таму не дзіўна, што сёння сэнсавая напоўненасць канцэпту нацыянальнай ідэі па-ранейшаму працягвае боўтацца паміж двума берагамі: ад «мы, беларусы, з братняю Руссю» да «наш народ заўсёды пакутваў ад маскальскага прыгнёту», а становішча з нацыянальна-арыентаванай беларускай элітай трапна акрэслена публіцыстам Сяргеем Дубаўцом: «сем суполак па сем чалавек». Усеабдымны посткаланіяльны цень на гістарычнай свядомасці большасці суайчыннікаў замінае ганарыцца тым, што менавіта нашы продкі былі першапачынальнікамі партызанскага руху, вынаходнікамі шматступеннай ракеты і рэактыўнай авіяцыі, заснавальнікамі магутнага прататыпу Еўрапейскага Саюза ў выглядзе ВКЛ, фундатарамі аднаго з найстарэйшых у свеце запаведнікаў «Белавежская пушча», стваральнікамі сарматызму і супрэматызму ў мастацтве.

Буйнае святкаванне 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашыскіх захопнікаў рэзка кантрастуе з поўнай адсутнасцю цікавасці да 500-годдзя бітвы пад Оршай з боку афіцыйных структур. Яно і зразумела: гэтая дата вельмі «нязручная» для гістарычнага іміджу ўсходняга суседа, які прызвычаіўся з кожнай шчыліны крычаць пра свае вялікія перамогі і адначасова «забываць» пра не менш вялікія паразы. І ў гэтым прасочваецца непрыхаваны і досыць сур'ёзны выклік для нас, беларусаў. Бо пакуль мы будзем з мазахісцкай радасцю працягваць эксплуатаваць вобраз надзвычай памяркоўнага народа, які выжыў у мностве войнаў і выцярпеў шмат гора і пакут, жыць па-сапраўднаму, з годнасцю, воляй і на поўную моц, наша краіна будзе хіба толькі ў папулярным і, што таксама сімвалічна, фактычна забароненым сёння закліку: «Жыве Беларусь!»

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Ирина Михайловна Шумская (лит. псевдоним Ходоренко), род. в 1976 — поэтесса, прозаик, журналист, музыковед, культуролог, переводчик. Пишет на белорусском и русском языках.

Закончила Белорусский экономический университет (экономист-менеджер), аспирантуру Белорусского университета культуры и искусства. Кандидат наук по культурологии (2002), доцент, почетный профессор Международной Академии славянского просвещения.

С 1992 г. публикуется в белорусских журналах и газетах. С 2000 г. член Союза белорусских писателей, с 2011 г. член белорусского ПЕН-центра.

Автор книг поэзии «Лабірынты душы» (1996), «Чорная ружа» (1998), «Танцы на шкле» (1999), «Свядомаграфія» (2012); научных монографий «Музыкальное творчество как социокультурное явление» (2002), «Музыка ў кантэксце беларуска-польскага міжкультурнага ўзаемадзеяння» (2011); научно-популярных изданий «Мечыслаў Карловіч: Забыты беларускі геній» (2013), «Ян Чачот: Руплівы філамат» (2013), «Шедевры нашей старины» (2014).

КНЯЗІ АСТРОЖСКІЯ І БЕЛАРУСКАЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ІДЭЯ

Анатоль Астапенка,
доктар паліталогіі

У сувязі з вялікай перамогай пад Оршай беларускага войска над маскоўскімі захопнікамі, звычайна згадваецца князь Канстацін Астрожскі, дзякуючы бліскучаму таленту военначальніка якога і стала магчымай перамога. Аднак, не меншую карысць для Беларусі зрабілі і іншыя прадстаўнікі роду Астрожскіх.

Тры постаці, тры князі Астрожскія: Фёдар, Канстанцін Іванавіч і Васіль (Канстанцін) Канстанцінавіч — гэта нашая слаўныя гісторыя, нашая нацыянальная гордасць, гэта трывалы падмурак нацыянальнай беларуская ідэі.

На Украіне гэтыя выдатныя людзі даўно шануюцца як нацыянальныя героі. Існуе нават меркаванне, што менавіта дзякуючы малітвам князёў Астрожскіх шматпакутная Украіна атрымала нарэшце свабоду. На Беларусі ж імя князёў Астрожскіх амальшто не ведамае шырокаму колу людзей. У асяроддзі праваслаўнай Царквы можа і знойдуцца згадкі пра Святога Фёдара (Астрожскага) (год нараджэння неведамы — год смерці 1438), зрэшты, не багата, кароценькая інфармацыя.

Канстанцін Іванавіч Астрожскі (1460—1530) ведамы, перадусім, у асяроддзі беларускай апазіцыі і найперш у звязку з перамогай беларускага войска над маскоўцамі 8 верасня 1514 г.

А Васіля (Канстанціна) Канстанцінавіча Астрожскага (1527—1608) гісторыкі ведаюць як абаронцу праваслаўя і няўрымслівага змагара супраць уніі.

Гэтыя людзі — чэсць і слава Беларусі, гэта нашая гісторыя, падмурак і аснова развіцця нашай краіны і, пэўна што, яе будучыні.

Але ў сведамасці беларускага народу няма месца гэтым людзям, як маюць Мінін і Пажарскі для Расіі, Багдан Хмяльніцкі для Украіны. Уклад жа ў нацыянальную спадчыну Беларусі нашых слаўных князёў Астрожскіх параўнальны, калі не вышэйшы, за расійскага Мініна ці украінскага Багдана.

Усе тры асобы, пра якія ідзецца, маюць дачыненне да гісторыі як Беларусі, так і Украіны, бо ў часы іх дзейнасці (XV—XVI стст.) нашы дзяржавы існавалі як адзіная дзяржава, Вялікае Княства Літоўскае. Аднак карані Астрожскіх знаходзяцца ўсё ж на беларускіх землях і дзейнасць князёў больш датычыць менавіта Беларусі, а не Украіны. Пра дзейнасць князёў Астрожскіх і іх унёсак у беларускую духоўную спадчыну найбольш дэталёва і шчыра напісала Алёна Яскевіч у кнізе «Падзвіжнікі і іх святыні» (Мінск, 2001). Працягваючы яе аналіз і грунтуючыся на іншых крыніцах я б вылучыў тыя адпраўныя моманты, што датычаць іх укладу ў развіццё менавіта беларускай нацыянальнай культуры.

Дзякуючы намаганням украінскіх навукоўцаў і палітыкаў, князя Канстанціна Іванавіча Астрожскага на Украіне лічаць усё ж нацыянальным героям менавіта беларускай гісторыі. Аднак помнік, які быў устаноўлены ў Астрозе не так даўно, увекавечыў памяць трох Астрожскіх: Фёдара — у манаскай схіме, Канстанціна Іванавіча — з мячом, Васіля (Канстанціна) Канстанцінавіча — з Бібліяй.

* * *

Фёдар Астрожскі быў старэйшым сынам у сям'і роду князёў Астрожскіх. У 1416 годзе, пасля смерці бацькі Данілы, ён становіцца багатым землеўласнікам. Адначасна яму перайшло ў спадчыну права апекі над усімі праваслаўнымі цэрквамі і манастырамі на сваіх землях. Князь Фёдар быў багатым магнатам, вядомым ваяром і аўтарытэтным дыпламатам. Сучаснікі называлі яго «мужам з усіх правадыроў Літвы і Русі, вялікай смеласці і велізарнага аўтарытэту». Ён падтрымліваў Свідрыгайлу ў барацьбе супраць Вітаўта, а ў 1422 годзе ўдзельнічаў у паходзе князя Фёдара Карыбутавіча ў Чэхію на падтрымку гусітаў.

Але нечакана Госпад паклікаў яго да іншай дзейнасці. Ён адмовіўся ад княскай славы і прыняў мніства ў Кіева-Пячорскай лаўры з імем Феадосій. У старажытных царкоўных спевах праслаўляецца яго «пакорнае паслушэнства і маўчальніцтва», а таксама руплівасць на ніве добрых спраў і хрысціянскай любасці. Ужо з канца XV ст. вернікі пачалі шанаваць яго як святога. Нятленныя мошчы святаўлівага Фёдара і цяпер ляжаць у Дальных пячорах Кіева-Пячорскага манастыра побач з іншымі праведнікамі і цудатворцамі.

Фёдар Астрожскі

У 2002 годзе Фёдар Астрожскі быўдалучаны да ліку Беларускіх святых. На заказ беларускага праваслаўнага Брацтва Віленскіх Мучанікаў быў намалёваны абраз святаўлівага.

22 мая 2004 году адбылося перанясенне абразу з часцінкамі мошчаў свт. Фёдара Астрожскага з Свята-Пятра-Паўлаўскага сабору г. Мінска ў дамавую капліцу брацкага дома «Кінанія» (пасёлак Кало-

дзішчы, Мінскі раён). Цяпер гэта адзінае месца на Беларусі, дзе на памяць святаўлівага створана дамавая царква і тут мяркуюць пабудаваць на яго чэсць капліцу.

Манаскае старанне святаўлівага Фёдара Астрожскага не выпадковая падзея. Ён працягвае традыцыі манаства на Беларусі, якія маюць тысячагадовую гісторыю і звязаныя з такімі імёнамі як Ефрасіння Полацкая, Кірыла і Лаўрэнцій Тураўскія... Здабыткі ўзнёслай духоўнасці, якія звязаныя з беларускімі праваслаўнымі традыцыямі ніколі не перарываліся, яны існавалі паралельна з маскоўскім праваслаўем і існуюць у наш час. І прыклад Астрожскіх — гэта характэрная рыса беларускага менталітэту і беларускай місіі.

* * *

Канстанцін Іванавіч Астрожскі (1460—1530) быў праўнукам Фёдара Астрожскага. Меў вельмі высокую пасаду — найвышэйшы гетман Вялікага Княства Літоўскага (з 1497 г.), кашталян Віленскі (з 1511 г.), ваявода Трокскі (з 1522 г.).

Аўтарытэт гетмана ў ВКЛ быў такі высокі, што польскі кароль, дарма што князь быў аддадзены праваслаўю, давяраў яму найважнейшыя дзяржаўныя справы, аб чым і сведчыць яго прызначэнне гетманам. У гісторыю князь К.І. Астрожскі ўвайшоў як выдатны ваяўнік. А перамога войска ВКЛ над маскоўскім у бойцы пад Воршай 8 верасня 1514 годзе, якую заслужана лічаць заслугай бліскучага камандавання К.І. Астрожскага, стала векапомнай падзеяй усёй беларускай гісторыі. На жаль, засяродзіўшыся толькі на гэтай бойцы, многія пісьменнікі і гісторыкі не надаюць належнай увагі іншай, не менш значнай для Беларусі, дзейнасці князя. Так у кнізе «Дзесяць вякоў беларускай гісторыі» Уладзіміра Арлова і Генадзя Сагановіча валцы пад Воршай прысвечаны цэлы артыкул. Пра іншую дзейнасць Канстанціна Астрожскага і пра іншых Астрожскіх там не сказана ні слова.

Паміж тым К.І. Астрожскі паказаў сябе як выдатны дзеяч праваслаўнай асветы, заснаваў шмат праваслаўных храмаў, спрыяў іх развіццю.

Маскоўскія гісторыкі традыцыйна асвятляюць падзеі XVI ст. як змаганне маскоўскага праваслаўнага царства з «лацінствам» Польшчы і Літвы. Аднак мала хто апісвае тыя войны як войны двух праваслаўных дзяржаў — ВКЛ і Маскоўскай дзяржавы. Нават пазней, калі ВКЛ увайшло ў склад Рэчы Паспалітай, львіную долю войскаў гэтай дзяржавы складалі выхадцы з тэрыторыі сучаснай Беларусі і Украіны — г.зн. былі ці праваслаўнымі, ці каталікамі ўсходняга абраду. Толькі тады, калі гаворка заходзіць пра князёў Астрожскіх «тэндэнцыйнае мысленне» не дазваляе ім выкарыстоўваць традыцыйны «антылацінскі» падход і адзначыць-такі факт існавання праваслаўя ў Беларусі.

Вось як пісаў прафесар Мікалай Кастамараў (1817—1885) у сваёй кнізе «Руская гісторыя ў жыццяпісах яе галоўнейшых дзеячоў» пра князя Канстанціна Іванавіча Астрожскага:

«Праўнукам Фёдара Астрожскага, вядомага сваёй барацьбой за Русь супраць Польшчы, быў знакаміты Канстанцін Іванавіч, гетман літоўскі, надзейны слуга польскага караля, які быў у палоне ў Івана III, і потым адпомсціў за свой палон пабіццём маскоўскага войска пад Воршай. Варожасць да праваслаўнай Масквы і надзейная служба каралю-католіку не перашкаджалі яму славіцца праваслаўнай набожнасцю. Ён шчодра будаваў і упрыгожваў праваслаўныя храмы, разам з тым адчыняў пры цэрквах школы для дзетакі, такім чынам, заклаў пачатак рускай асветы».

Канстанцін Іванавіч Астрожскі

Модныя беларускія гісторыкі сучаснай папуляцыі накшталт пісьменніка Ул. Арлова, адмаўляючы імперскае мысленне ў трактоўцы нашай гісторыі, аўтаматычна адмаўляюць і праваслаўны чыннік у гісторыі нават Полацка-Тураўскага перыяду, не кажучы пра ВКЛ.

Насамрэч не трэба адкідаць гэты чыннік беларускай гісторыі ні на карысць уніі, ні рыма-каталіцызму. На Усходзе Еўропы існавалі дзве праваслаўныя дзяржавы, два сталыя супернікі — ВКЛ і маскоўская дзяржава. І ў нашай гісторыі перыядычна з'яўляліся такія стараннікі і заступнікі праваслаўя як князі Астрожскія.

Шмат якія сучаснікі К.І. Астрожскага адзначаюць ягоную непахісную вернасць праваслаўю. Ён не проста не прымаў ідэі уніі, якая была вельмі моднай у часы яго быцця, а стаў прыкладам адданасці веры продкаў для тых, хто яшчэ хістаўся, ці станавіўся на шлях прозілетызму. Вось адна з вызначальных рысаў беларускага патрыятызму: адданасць свайму народу, яго звычаям, яго спрадвечнай веры — праваслаўю.

Астрожскі рупіўся аб высокім статусе служэбнікаў праваслаўнай царквы, каб яны ні ў чым не папушчалі

каталіцкім святарам. Для такіх мэтаў з яго ініцыятывы быў скліканы Сабор Духавенства ў 1508—1509 гг.

Пасля аршанскай перамогі кароль Жыгімонт I дазволіў князю Канстанціну Іванавічу Астрожскаму пабудаваць каменныя цэрквы ў Вільні — Троіцкую і Нікольскую. Дзякуючы намаганням Астрожскага было цвёрда вызначана юрыдычнае становішча Праваслаўнай Царквы ў ВКЛ, якое да яго было вельмі неакрэсленым. Князь Канстанцін спрыяў матэрыяльнаму забеспячэнню цэркваў, умацаванню рэлігійнага мыслення і падняццю дабрачыннасці праваслаўных хрысціян. Усяго за час дзейнасці Канстанціна Астрожскага Праваслаўная Царква ў ВКЛ атрымала больш за 20 грамат, якія пашыралі і сцвярджалі яе правы.

У 1523 годзе кароль Жыгімонт I на просьбу Астрожскага даў дазвол ігумену Макарыю аднавіць Кіеўскі Міхайлаўскі Залатаверхі манастыр і заснаваць у ім манаскую грамаду. Канстанцін Іванавіч Астрожскі спрыяў адкрыццю ў Вільні ў 1524 г. друкарні, адкуль выйшлі кнігі Францішка Скарыны.

Князь К.І. Астрожскі скончыў свой земны шлях у 1530 годзе і быў пахаваны ў Кіева-Пячэрскім манастыры.

* * *

Трэці з выдатных князёў Астрожскі пра якога належыць сказаць — гэта сын К.І. Астрожскага — Васіль (да хрышчэння Канстанцін) Канстанцінавіч Астрожскі. Заслугі гэтага чалавека перад Беларуссю і нават перад сусветнай гісторыяй такія значныя, што яго імя сапраўды магло б стаць нацыянальным сімвалам Беларусі. Аднак нягледзячы на яго царкоўныя заслугі, адрозна ад свайго прадзеда Феадора ён не кананізаваны царквою. Ён не слыве, як ягоны бацька, ваеннымі ўчынкамі. Але, на мой пагляд, гэтая постаць найвыдатнейшая ў гісторыі Беларусі XVI стагоддзя.

Нарадзіўся Васіль (Канстанцін) Канстанцінавіч у Тураве ў 1526 годзе, які належыў яго маці Аляксандры з роду Слуцкіх. Там ён правёў свае дзіцячыя і юнацкія гады, выхоўваўся ў адданасці праваслаўнай веры і атрымаў добрую дамовую адукацыю.

У звязку з асобай гэтага Астрожскага хачу адзначыць вельмі важны факт, што датычыць яго светагляду: В.К. быў адным з першых, хто наўпрост звязваў веру з нацыянальнымі асаблівасцямі. Пра гэты факт, прыкладам, сведчыць А. Яскевіч у кнізе «Падзьвіжнікі...». Яна піша:

> /князь Васіль/ быў «глыбока перакананым прыхільнікам праваслаўя, які разумеў непарыўную сувязь традыцыйнай хрысціянскай веры з этнічнай самабытнасцю ўсходніх славян».

Яго вера была жывая, князь свята пільнаваўся пастоў, а на Вялікі Пост перад Пасхай адыходзіў у манастыр, дзе праводзіў дні і ночы ў малітвах і набажэнствах.

Дзейнасць В.К. Астрожскага на зломе XVI—XVII стст. была скіраваная на падняцце адукацыі праваслаўнага беларускага люду, на асвету і адраджэнне найлепшых традыцыяў праваслаўнай культуры. Як піша Л. Ляўшун — праваслаўнае адраджэнне, пра якое так аддана рупіўся В.К. Астрожскі, павінна было адлюстраваць «тое нязліўнае адзінства веры і кіраванага ёю розуму, якое было дасягнута Вялікімі каппадакійцамі»*.

Захапленне еўрапейскай вучонасцю, што ішла ў часы Рэфармацыі з Захаду не абышло і ВКЛ. Кальвінізм трывала набіраў моцы на гэтых землях і нам ёсць што ўспомніць з тых часоў імклівага пашырэння пратэстанства з яго нацыянальна-арыентаваным характарам і аблічча м. Такая фігура як Радзівіл Чорны — гэта скарб нацыянальнай беларускай гісторыі.

Нездарма сучасны паслядоўнік таго рамантычнага кальвінізму XVI стагоддзя Лявон Ліпень сцвярджае, што менавіта кальвінізм і ёсць нацыянальная вера беларусаў. Гэтая выснова зроблена не без падстаў. Кальвіністы і антытрынітарыі неслі асвету на Беларусь. Сымон Будны выдаў у 1562 годзе знакаміты «Катэхізіс» на беларускай мове. Шмат чаго зрабіў іншы асветнік Васіль Цяпінскі (1535—1600).

Васіль (Канстанцін) Канстанцінавіч Астрожскі

Контррэфармацыя, якую прынеслі каталікі-іезуіты, спалохаўшыся пасля празмерных поспехаў пратэстантаў, была важкым унёскам у бурны працэс адукацыі, асветы і навуковага прагрэсу ў Беларусі XVI стагоддзя. Нездарма гэтае стагоддзе лічыцца «Залатой парой» беларускай культуры.

Дзейнасць езуіцкіх школ і наступ каталіцызму не маглі застацца без увагі Васіля Астрожскага. Напачатку ідэю сумоўя праваслаўных з католікамі ён падтрымаў. Яму падабалася тая вучонасць, што неслі католікі, ці, як тады казалі, «лацінства», бо князя турбавала неадукаванасць беларускага сялянства.

* Благоверный князь Константин-Василий Острожский как зеркало религиозных поисков литвинов // Вестник белорусского экзархата. Альманах. Том 1. Мн., 1996.

Аднак тое сумоўе, што на самой справе неслі ідэолагі грэка-каталіцызму і якое атрымала потым назву «унія», аказалася механічным спалучэннем праваслаўна-грэцкага вучэння з рыма-каталіцкім. І нядоўгае захапленне В.К. Астрожскага ідэяй уніі змянілася цвёрдым перакананнем яе адмоўнай сутнасці і небяспекі яе смяротнай пагрозы для Праваслаўя. В.К. Астрожскі правёў вялікую працу па адраджэнню праваслаўных традыцый візантыйскага накірунку.

Князь Васіль (Канстанцін) быў не толькі глыбокім вернікам, будучы грамадскім і дзяржаўным дзеячом (ужо ў 32 гады з'яўляўся ваяводам кіеўскім) ён паводзіў сябе і як прадбачлівы палітык. Ён бачыў, якую страшэнную пагрозу незалежнасці Бацькаўшчыны нясе Люблінская унія 1569 года і ўжо на сейме выступаў супраць аб'яднання ВКЛ і Польшчы ў адну дзяржаву. Аднак найбольш непрымірымым і цвёрдым чалавекам паказаў сябе В.К. Астрожскі ў барацьбе паміж праваслаўнай і уніяцкай «партыямі» таго часу.

У 1596 годзе на скліканым мітраполатам Рагозай саборы праваслаўных епіскапаў у Брэсце адбылося абвяшчэнне аб'яднання Усходняй і Заходняй Цэркваў ВКЛ. У стварэнні уніі не прынялі ўдзелу вялікая колькасць праваслаўнага духавенства, сярод якіх найбольш аўтарытэтнымі былі Гедэон Балабан — епіскап Львова, і Міхаіл Капысценскі — епіскап Пярэмышля. Гэтыя епіскапы разам з князем Васілём-Канстанцінам і іншымі праціўнікамі церкоўнага раскола прыехалі ў Брест і правялі свой антыуніяцкі Сабор. Духоўным натхніцелем і арганізатарам яго быў Васіль (Канстанцін) Астрожскі.

На альтэрнатыўным праваслаўным Саборы 1596 года былі апратэставаны ўсе пастановы уніятаў. З таго моманту пачаўся працяглы перыяд бескампраміснай барацьбы за чыстату праваслаўнай веры. Грунтоўны аналіз дакументаў і іншай літаратуры прысвечанай гэтаму перыяду зроблены ў кнізе Івана Саверчанкі «Aureame diocrotas». У гэтай кнізе прыведзены вельмі трапныя выніковыя словы-рэзюме кіеўскага архімандрыта Нікіфара Тура:

> «Не дазволім схіліць нас да новай веры. Не выракамся праваслаўя і набажэнства нашых продкаў. Не адступімся ад правілаў і догматаў святой Усходняй Царквы. Не выйдзем за межы, якія вызначылі нашыя бацькі. Не прымем паслушэнства папу рымскаму, застанемся вернымі патрыярху» (старонка 107).

У 1599 годзе князь Васіль быў адным з ініцыятараў стварэння Віленскай канфедэрацыі.

Вялікую вядомасць і усеагульнае прызнанне атрымаў яшчэ адзін бок дзейнасці В.К. Астрожскага. У 1576 годзе ў горадзе Астрог (цяпер Украіна, Ровенская вобласць) князь Васіль Канстанцінавіч заснаваў знакамітую Славяна-грэка-лацінская калегію, якую сучаснікі называлі «Акадэмія». Па традыцыям

сярэднявечнай Еўропы там выкладалі сем свабодных навук (граматыку, рыторыку, дыялектыку, логіку, арыфметыку, геаметрыю, астраномію) і тры мовы (славянскую, грэчаскую, лацінскую). На высокім узроўні адбывалася вывучэнне музыкі і харавых спеваў. Менавіта тут развіўся шырока вядомы на Беларусі і Украіне «астрожскі напеў».

У Акадэміі дзейнічала мноства адукаваных людзей, сярод якіх першы рэктар — пісьменнік Г. Сматрыцкі, друкар Ян Федаровіч (ён жа Іван Фёдараў), выдаўцы Васіль Суражскі, Цімафей Сматрыцкі, і іншыя. Пры Акадэміі на працягу 35 год (1578—1612) дзейнічала друкарня, якая выдавала навуковую, вучэбную і богаслужэбную літаратуру.

Сучасная Украіна шануе гісторыю Астрожскай Акадэміі і яе знакамітага заснавальніка. У праекце «Сем цудаў Украіны» невялікі гарадок Ровенскай вобласці — Астрог — прадстаўляюць адразу два «цуды» — Астрожскі замак і Нацыянальная акадэмія Украіны — «Астрожская акадэмія». Цікава, што ў адроджанай Нацыянальнай акадэміі «АА» жывуць традыцыі XV—XVI стагоддзяў: студэнтаў тут завуць «спудзеямі», а пасвячэнне ў студэнты — «інаўгурацыяй». У акадэміі ў 2006 годзе ўпершыню за 430 год адбыўся выпуск багасловаў з вышэйшай свецкай адукацыяй.

У кастрычніку 2006 года Украіна святкавала 425-гадовы юбілей Астрожскай Бібліі. Да юбілею нашыя суседзі ўкраінцы зрабілі, як яны самі пішуць, «бясцэнны падарунак» — цудоўнае юбілейнае выданне Астрожскай Бібліі. Украінскае юбілейнае выданне Астрожскай Бібліі 2006 года цікавае тым, што гэта не проста перавыданне, а хутчэй навуковая праца архімандрыта Рафаіла (Рамана Турканяка), якую ён рабіў на працягу 31 года. Айцец Рафаіл правёў вялікую даследчыцкую працу ў пошуках першакрыніц, на якія абапіраўся князь Васіль (Канстанцін) Астрожскі і ягоныя вучоныя з акадэміі.

Айцец Рафаіл сцвярджае, што перавыданне Астрожскай Бібліі мае надзвычайнае значэнне. Па-першае, гэта першае навуковае выданне, якое наогул калі-небудзь было зроблена ў славянскім свеце. Па-другое, яно зроблена на Украіне. Айцец Рафаіл піша на сваім сайце:

> «Прыйшоў час аднавіць гістарычную справядлівасць і паказаць, хто, што, калі, дзе і як браў. А таксама паказаць, што мы не былі невукамі. Ужо ў XVI ст. у нас былі людзі, якія змаглі падрыхтаваць і выдаць такую Біблію, якая стала мірадальной на стагоддзі».

На сайце гаворыцца таксама, што быццам бы гістарычная справядлівасць — гэта залічыць Астрожскую Біблію да ўкраінскай спадчыны і ні слова не сказана, што найперш — гэта беларуская святыня, а ўжо потым украінская. Заканчваецца сайт фразай:

> «Прийміте цю Біблію всіх слов'ян не яко річ земну, але як дар небесний», — напісаў Канстанцін Астрожскі ў 1581 году».

Аказываецца В.К. Астрожскі ў 1581 годзе ўжо ведаў сучасную ўкраінскую мову! І далей:

> «Дзякуючы самаадданай працы яшчэ аднаго ўкраінца, сёння многія з нас змогуць па сапраўднаму ацаніць гэты вялічественный падарунак с Нябёс».

Трэба разумець, што першым украінцам быў Васіль-Канстанцін Астрожскі?

З пункту гледжання рацыянальнай логікі і гістарычнай праўды Астрожскую Біблію трэба безумоўна лічыць спадчынай беларускай культуры і гісторыі. Па-першае, яна была надрукаваная ў 1581 годзе беларусам Янам Федаровічам (Фёдаравым).

Па-другое, кіраўніцтва выданнем ажыццяўляў князь Васіль-Канстанцін Астрожскі, які нарадзіўся ў беларускім горадзе Тураве і большая частка яго жыцця прайшла на тэрыторыі Беларусі, а галоўнае — ён быў абаронцам праваслаўя на Беларусі, заўсёды змагаўся за нацыянальна-духоўную складаючую культуры і чысціню праваслаўя Вялікага Княства Літоўскага.

І па-трэцяе, як падкрэслівае Алёна Яскевіч, Астрожская Біблія — тэкст на царкоўнаславянскай мове старабеларускай рэдакцыі. У аснову гэтай

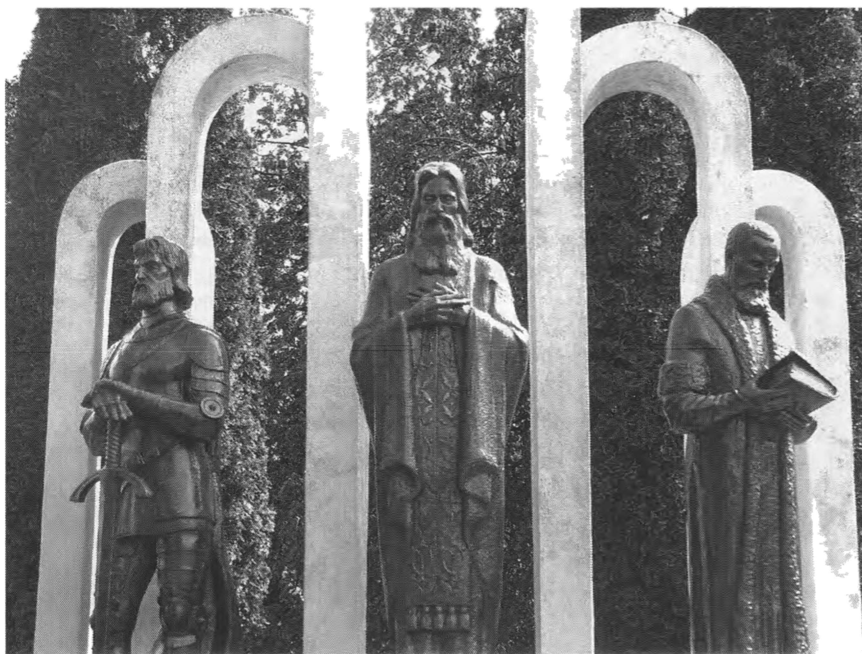
Астрожская Біблія

Біблії быў пакладзены грэцкі пераклад, выкананы Супрасльска-Заблудаўскім рэлігійна-асветніцкім гуртком. А. Яскевіч слушна заўважае:

> «Менавіта ў сценах Супрасльскай Лаўры выспявалі ідэі нацыянальнага духоўнага адраджэння, а пазней вынашваліся планы стварэння кананічна вытрыманага і дакладнага перaклада-звода Біблії».

Астрожская Біблія стала першай поўнай Бібліяй на славянскай мове (у старабеларускай рэдакцыі!) — выдатная падзея таго часу! Над перакладам Святога Пісьма працавалі 72 перакладнікі! Агульны аб'ём Астрожскай Бібліі склаў 1256 старонак. Менавіта Астрожская Біблія стала асновай для ўсіх славянскіх кніг Святога Пісьма, якія сёння ёсць у царкоўным карыстанні і ў свецкай практыцы.

Застаецца толькі сказаць, што незразумела абыякавае стаўленне беларусаў да сваіх вялікіх продкаў Астрожскіх. Не толькі Украіна шануе іх. Як піша часопіс «Пшэглёнд Праваслаўны» («Праваслаўны агляд»; рэдактар Ганна Радзюкевіч) — род Астрожскіх ушанаваны і на Беласточчыне. Праваслаўныя вернікі Польшчы заснавалі Фонд імя князя Васіля-Канстанціна Астрожскага, які штогод узнагароджвае прэміяй імя Астрожскага найбольш ведамых руплiўцаў на ніве духоўнага адраджэння.

Помнік Фёдару, Кастанціну і Васілю у Астроге

Зробім высновы.

Дзейнасць князеў Астрожскіх — гэта жывая практыка нацыянальнай ідэі ў Вялікім Княстве Літоўскім. А для нас — найперш падмурак. За некалькі стагоддзяў да сучаснай ідэі нацыяналізму, угрунтаванай у хрысціянстве, Астрожскія паказалі як лучыцца патрыятызм, любасць да Бацькаўшчыны, Літвы-Беларусі з верай. Яны не адрывалі гэтых паняткаў адно ад другога і тым самым на некалькі стагоддзяў апярэдзілі той пагляд на нацыянальную ідэю, якая існуе цяпер. Яны — піянеры, першаадкрывальнікі новага, сучаснага чалавека, што спалучыў у сабе рысы шчырага хрысціяніна і нацыянальнасведамага грамадзяніна.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Анатолий Остапенко (1947 г.н.) — ученый-физик (кандидат физико-математических наук), политолог-публицист (автор многочисленных статей и докладов), политик (председатель национально-демократической партии в 1990—94 гг, Беларуской национальной партии в 1994—99 гг.).

Автор книг «Паслухайце нацыяналіста» (2000), «Нацыянальная ідэя у сучасным свеце» (2003), «Дослед беларускага нацыяналізму» (2010).

Частка II. ПЕРАДРУКІ

ОРША

Иван Боричевский (1856 г.)

В 1508 году великий князь Московский Василий Иоаннович отправил против короля Польского Сигизмунда I-го войска, под начальством князя Михаила Глинского, только что перебежавшего из Литвы в Россию. Глинский двинулся к Минску, но узнав, что гетман коронный Николай Фирлей находится в окрестностях Могилёва, а сам король 4 мая выступил из Кракова, тотчас снял осаду Минска, и при Орше соединился с русскими воеводами князем Шемякою, князем Данилой Щенею и боярином Яковом Захарьевичем Патрикеевым. Скоро появились и войска королевские. Глинский хотел сразиться на правом береге Днепра впереди города, но наши воеводы отступили за реку, рассыпали стрелков по левому ее берегу, а сами стали за милю (русская миля, это 7 вёрст или 7,47 км. — *Ред.*) на выгодной позиции.

Сигизмунд, прибыв к Орше, начал переправлять пехоту. Русские стянулись к местам переправы, а между тем польская конница, переправившись несколько выше вплавь, ударила сзади, когда совсем не ожидали неприятеля. Русские соединились в одну массу и отступили от левого берега. Сигизмунд, воспользовавшись удобною минутою, велел наводить мосты, и в то же время сам первый на коне бросился в реку, а за ним и вся конница. Когда пехота неприятеля переправилась по наведенным мостам, то русские очутились между двумя огнями, но крепко стояли до поздней ночи, и потом присоединились к главным силам. На другой день Сигизмунд готовился напасть на сии последние.

Глинский настаивал, чтобы наши воеводы, сосредоточив войска, ударили на поляков, но они — или не доверяя литовскому беглецу, или имея особое приказание Василия — на военном совете решили отступать. Узнав об отступлении, Сигизмунд также собрал совет, который положил не преследовать русских по дорогам лесистым, испорченным и малоизвестным.

* * *

В 1514 г. Глинский также вел наши войска против Сигизмунда, обещая Василию непременно взять в плен короля Польского; а между тем, снесшись с Сигизмундом, сам бежал к нему, но был пойман и отвезен в Москву. Василий велел воеводам, князю Булгакову Голице и боярину Челяднину, продолжать начатое дело.

Войском Сигизмунда начальствовал князь Константин Острожский.

Наши воеводы остановились при Орше, упершись левым крылом в реку Кропивну. Имея до 80,000 человек, они разными эволюциями старались дать вид, что войско их гораздо многочисленнее; напротив того, Острожский, имея

только 35,000 человек, показывал, что у него еще менее, и даже предлагал мир, но русские отвергли, не подозревая, что это была одна только хитрость.

Острожский тайно готовился в двух местах к переправе через Днепр; литовская конница перешла его ночью вплавь, за нею двинулась пехота по наведенным наскоро мостам. Когда Челяднину донесли, что неприятель начинает переправу и советовали сейчас ударить, он сказал, что не хочет утомлять войска ничтожным движением, подождет, пока все войско Сигизмунда перейдет на левый берег Днепра, тогда отрежет его от переправы и одним разом истребит.

В 9 часов утра неприятель уже стоял в боевом порядке. Челяднин поставил своих в три линии, слишком растянув их, и на флангах — послал особые отряды в тыл неприятеля.

Михаил Булгаков, отделившись от правого крыла с густою массою кавалерии, сильно ударил на левый фланг литовской конницы. Литовцы выдержали атаку, и когда Булгаков отступал, отбиваясь, польская конница, наскакав из резерва, приняла его в бок. К нашим подоспела помощь; вдруг неприятельская конница расступилась, середину заняла пехота; подпустив нашу кавалерию на карабинный выстрел, открыла по ней истребительный огонь и привела в беспорядок. Тогда гетман всею литовскою конницею ударил на расстроенные наши ряды; Булгаков обратился назад и на хвостах занес неприятеля во вторую нашу линию. Зборовский прискакал на подкрепление. Он и Шишковский с отрядом гусар прорезались через растянутые наши линии и ударили в копья.

Когда так дело шло в центре и на левом крыле, на правом литовская конница, имея перед собою превышающую силу русской кавалерии, поспешно обратила тыл, наши бросились за нею и, преследуя разорванным строем, готовы были торжествовать победу, как наскакали на засаду; прикрытые пушки открыли по ним страшный огонь; литовцы повернули назад и пошли в атаку вместе с польскими латниками, бывшими в резерве.

Наши ряды совершенно расстроились; неприятель отбросил их на центр и левое крыло и гнал до болотистой речки Кропивны и долины Днепра; отступить нельзя было; левое крыло подверглось большей частию истреблению. Сам Челяднин с неутомленным войском стоял неподвижно, и когда хотел с тылу ударить на побеждающего неприятеля, сам мгновенно был атакован латниками Сверчовского и легкою конницею Радзивила. Русские, не могши выдержать их стремительного натиска, подались назад и бросились к ближайшему лесу.

Битва эта продолжалась целый день; на месте наших легло до 35,000 человек; неприятель имел очень много раненых, но потерял будто бы только 500 человек, чему никак нельзя было верить. Сам Челяднин, Булгаков, шесть воевод, тридцать семь князей, до двух тысяч детей боярских и множество воинов взяты в плен. Обоз, знамена и пушки также достались неприятелю.

Блистательнее этой победы литовцы никогда не одерживали над русскими. Острожский имел торжественный въезд в Вильну. Король войны не продолжал, и потому поражение наше при Орше доставило ему только Мстиславль, Дубровну и Кричев с уездами.

* * *

В 1564 г. сражение при Орше было для нас также несчастно.

В 1563 г. литовские и польские послы короля Сигизмунда-Августа были в Москве, и не признали Иоанна IV Васильевича царем. Иоанн велел воеводам, князьям Петру Шуйскому и Петру Серебряному, открыть военные действия. Первый, выступив из Полоцка, должен был взять Витебск; последний из Вязьмы опустошить берега Днепра, соединиться с Шуйским при Орше, на полях Иваньских, и оттуда вместе с ним идти через Минск к Вильне.

Шуйский погромил всё от Полоцка до Чашников, и там ждал вести о князе Серебряном. Литовский гетман, Радзивил, стоял близ Витебска, но, имея только 4,000 человек регулярного войска, не смел сразиться с русскими. Вскоре однако, получив сильное подкрепление, он решился ударить на Шуйского, прежде нежели сей последний успеет соединиться с Серебряным. Ходкевич должен был вести главное войско, а сам Радзивил принял начальство над резервом.

Шуйский пришел к Орше прежде Серебряного, и на тех самых Иваньских полях, где русские воеводы должны были соединиться, Ходкевич и Радзивил сошлись с Шуйским 23 января 1564 г., перед заходом солнца. Обе стороны торопились битвою. Она продолжалась недолго. Неприятель имел ту выгоду, что напал нечаянно, и больше резал, нежели сражался.

Наших легло на месте 25,000 человек; в том числе сам Шуйский, два брата, князья Симеон и Федор Палецкие, и великан Осип Быков, ростом в 3 аршина 6 вершков (213,36 см + 26,67 см = 240 см. — *Ред.*); в плен взяты воевода Захарий Плещеев-Овчина, князь Иван Охлябинин и несколько детей боярских около 5,000 человек спаслись бегством в Полоцк. Неприятель, ежели можно верить польским источникам, потерял убитыми только 20 человек и ранеными 700 человек. Весь русский обоз и огнестрельный снаряд достались победителям.

Но они еще боялись Серебряного, имевшего до 50,000 человек; вступив с ним в битву, они могли потерять всё, а потому употребили обыкновенную военную хитрость: послали к Дубровинскому старосте гонца с письмом по такой дороге, где он непременно должен был попасть в руки Серебряного, который уже приближался к Орше. В письме красноречиво расписали победу, и уведомили, что гетман заходит Серебряному в тыл. Перехватив гонца, Серебряный поспешил отступить от Орши к Смоленску.

Здесь должно заметить, что в «Истории Государства Российского» Карамзина битва под Оршею изложена совершенно превратно.

И.П.Б.

ИСТОЧНИК

Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. (Издание 2-е). Том X. Санкт-Петербург: типография Главного штаба е.и.в. по военно-учебным заведениям, 1856, с. 24—26.

Текст дан в современной орфографии и для лучшего восприятия разделен на абзацы.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

За инициалами И.П.Б скрывается Иван Петрович Боричевский (или Тарнава-Боричевский; 1810—1887) — археолог, историк и этнограф.

Сын православного священника Минской епархии. В 1829 г. окончил Минскую духовную семинарию, в 1833 г. — Киевскую духовную академию. В 1833—35 гг. преподавал словесность в Орловской семинарии. В 1835 г. уволился из духовного звания. В 1835—41 гг. служил в департаменте путей сообщения и публичных зданий, в департаменте государственных имуществ, в инспекторском департаменте военного министерства. С 1841 г. — в Главном управлении путей сообщения (с 1865 г. — Министерство путей сообщения): чиновник по особым поручениям, директор канцелярии (в 1860—1887).

С 1837 г. систематически печатался в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (ЖМНП), а также в других журналах и газетах. Отметим его статью «О русской летописи в Литве, называемой Хроникою Быховца» (ЖМНП, 1838, Ч. 19).

В 1840—1841 гг. издал большой труд «Повести и предания славянского племени» (часть 1 — 204 с.; часть 2 — 209 с.), продолжением его стали в 1844 г. «Народные славянские рассказы» (247 с.). В обеих работах содержалось немало впервые публикуемого материала.

Одним из первых Боричевский обратился к изучению истории и древностей литовско-русского края. Он написал большие работы: «Исследование о происхождении, названии и языке литовского народа» (ЖМНП, 1847, № 12, с. 272—314), «Православие и русская народность в Литве» (СПб.: тип. Фишера, 1851. — 129 с.). Редактировал пятый том «Актов, относящихся к истории Западной России». Автор многих десятков статей по вопросам церковной, военной и общей истории, языкознанию, истории книгопечатания, исторической географии, этнографии.

ВОЙНА 1512—1522 гг. И БИТВА ПОД ОРШЕЙ

Николай Голицын (1878 г.)

Взаимные неудовольствия Василия и Сигизмунда достигли наконец в 1512 г. высшей степени, между прочим вследствие своекорыстных подстрекательств Василия Глинским и возбуждения Сигизмундом против Василия крымских татар. Осенью 1512 г. Василий объявил Сигизмунду войну, для начатия которой ему особенно благоприятствовали обстоятельства.

Маркграф Альбрехт Бранденбургский, сын сестры Сигизмунда, готовился к войне с ним, став великим магистром Тевтонского ордена и не желая уступить дяде Поморья и Пруссии и быть его вассалом. Ливонский орден по отношениям своим к Тевтонскому, также должен был объявить войну Польше. Император Максимилиан и имперские князья поддерживали Альбрехта. Глинский еще в 1508 г. убеждал Василия заключить союз с Максимилианом против Сигизмунда, для отнятия у последнего земель Тевтонского ордена для Альбрехта, а Киева и прочих литовско-русских городов для Василия. Но союзный договор о том был заключен уже позже — в 1514 г.

Наконец 19 декабря 1512 г. сам Василий выступил из Москвы в поход к Смоленску, с двумя братьями, Юрием и Димитрием, затем — крещеным татарским царевичем Петром, с Михаилом Глинским и воеводами Даниилом Щеней и Репней Оболенским, и с главным войском, при котором находился весьма сильный огнестрельный наряд. Кроме того, к Смоленску шли войска из разных городов: впереди главного войска — Репня Оболенский, князья: Белевский, Микулинский, Оболенский и воеводы Челяднин, Бутурлин, Протасьев, Захарьин и Собакин; к Бреславлю были отряжены воевода Щека-Кутузов и от Великих Лук князья: Одоевский, Курбский, Елецкий и Бахтеяр; из Новгорода к Холму — князья: Шуйский, Буйнос-Ростовский и воеводы: Иван и Василий Морозовы. Главное войско, при котором находился Василий, было под начальством царевича Петра и под ним братьев Василия, Даниила Щени, Глинского, Мосальского и многих других знатных бояр и воевод.

В январе 1513 г. русское войско обложило Смоленск, стояло под ним 6 недель, обстреливало его, разорило окрестности и наконец ночью произвело приступ, но в большом беспорядке, пищальниками, упоенными вином. Целую ночь и следующий день происходил жестокий бой, но взять Смоленск русские войска не смогли: с большим уроном отраженные от него литовским воеводой Юрием Сологубом, мужественно и упорно оборонявшим его, они отступили и в марте воротились в русские пределы, а Василий в Москву — без малейшего успеха.

14 июня Василий снова выступил в поход против Смоленска, к которому послал воевод: боярина князя Репню-Оболенского и Сабурова, а сам отпра-

вился в Боровск. Сологуб вышел из Смоленска навстречу воеводам и вступил с ними в бой за городскими стенами, но был разбит, заперся в городе и обложен в нем (в июле). 25 сентября сам Василий прибыл к Смоленску, куда снова собрались все русские войска. Началась осада, безуспешная, по причине силы местности и укреплений Смоленска, неискусного огнестрельного действия русского наряда и мужественной, деятельной и искусной обороны Сологуба. То, что русские пушки разрушали днем, осажденные исправляли ночью. Тщетно Василий употреблял и обещания, и угрозы, чтобы склонить осажденных к сдаче: они не сдавались. Наконец, видя, что все было напрасно и уже наступала глубокая осень, в ноябре Василий снял осаду и воротился в Москву — снова без малейшего успеха.

В феврале 1514 г. он заключил союзный договор с императором Максимилианом, обещавшим воевать с Польшей, равно и договор с Ганзою, а также вошел в дружественные сношения с турецким султаном Селимом I, также имея в виду Литву и Польшу. 8-го июня того же год он в третий раз выступил в поход к Смоленску, с братьями Юрием и Симеоном; третий — Димитрий стоял в Серпухове, для обороны южных границ от крымских татар, а четвертый — Андрей остался в Москве. Глинский взялся содействовать овладению Смоленском помощью сношений с тамошними единомышленниками и друзьями своими и найма в Чехии и Германии искусных в военном деле людей (которые и прибыли в Москву через Ливонию).

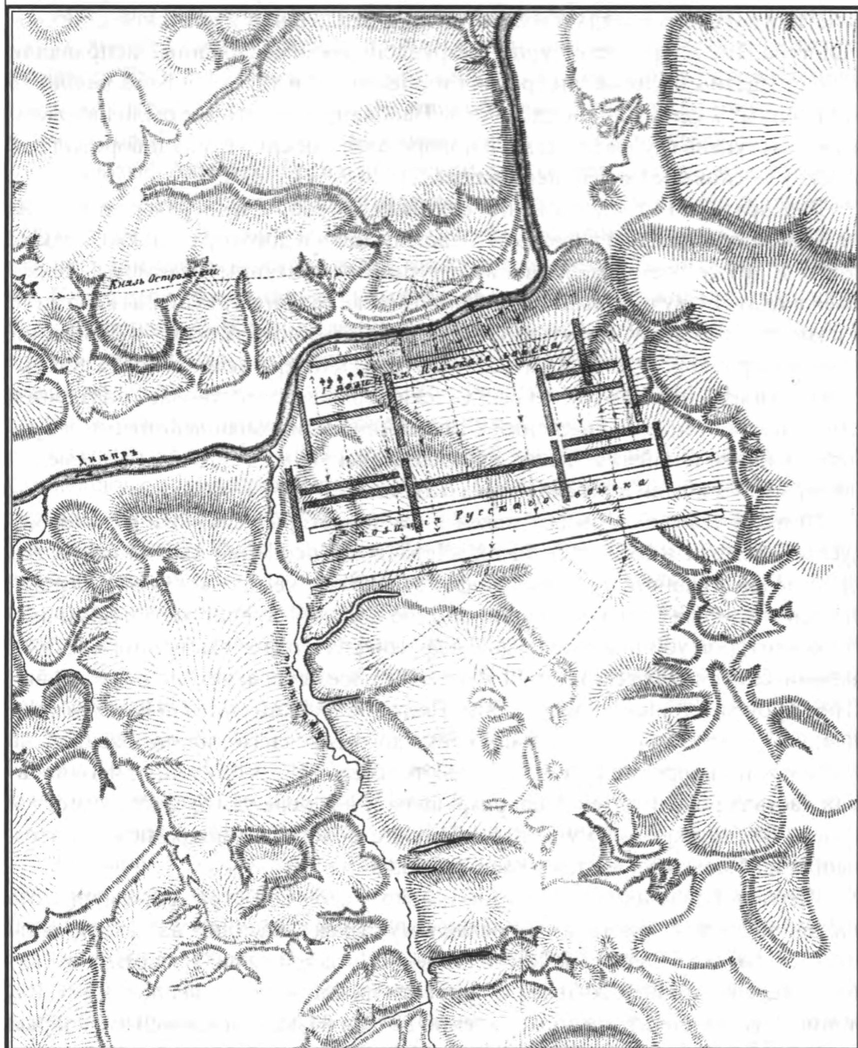
20 июля Смоленск был обложен и по нем открыт сильный и более искусный, нежели в 1513 году, огонь. Летописцы особенно хвалят искусство московского главного пушкаря Стефана (чеха или немца): когда он в первый раз выстрелил из большой пушки, то ядро попало в крепостную пушку, разрывом которой убило много людей; в другой раз Стефан выстрелил мелкими ядрами, окованными свинцом, и убил еще более народа; наконец, третий выстрел произвел также большой урон. Тогда смоленский епископ Варсонофий, выйдя на мост, просил у Василия срока до следующего дня, но Василий не согласился, а напротив велел стрелять отовсюду из всех орудий, от чего большая часть городских стен была разрушена и в городе убито много народа и произведен пожар. Тогда уже Варсонофий с Сологубом, боярами и народом вышли из Смоленска, прося у Василия пощады.

Удержав Варсонофия, Сологуба и бояр у себя под стражей, а народ отпустив в город и приставив к последнему стражу, Василий на другой день, 30 июля, послал в Смоленск Даниила Щеню, с товарищами, дьяками и подъячими, переписать всех жителей и привести их к присяге на верность ему, Василию. 1-го же августа он торжественно въехал в Смоленск, князьям, боярам и гражданам его объявил уставную грамоту, назначил им в наместники князя Василия Васильевича Шуйского и одарил их, Сологуба и сына его отпустил в Литву (где первый был казнен как изменник), всем литовским служилым людям предоставил на волю возвратиться в Литву или остаться в москов-

ПЛАНЪ

Оршинской битвы 8 Сентября 1514 года

между Русскимъ войскомъ (80 т) подъ начальствомъ воеводъ: князя Михаила Голицы-Патрикѣева-Булгакова и Челяднина, и Польско-Литовскимъ (30–35 т) подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго.

1я позиція 2я позиція 3я позиція 4я позиція

Масштабъ

Картограф. Зав. А. Ильина. Екатерингофск. пр.

ской службе (многие и остались в ней), а смоленским — ехать в Москву или остаться в Смоленске, и всех отъезжавших из него снабдил деньгами.

Снова воссоединив таким образом с Русью Смоленск, 110 лет бывший отторженным от нее Литвою, Василий выступил из него в обратный поход к Дорогобужу, послав воевод своих к Мстиславлю. Здесь князь Ижеславский присягнул Василию и то же сделали сделали жители Кричева и Дубровны. Для охранения Смоленска на случай прибытия Сигизмунда, Глинский был послан к Орше, а воеводы: братья князья Михаил Голица и Димитрий Булгаковы-Патрикеевы и конюший Челяднин — к Борисову, Минску и Друцку.

Но Сигизмунд уже выступил навстречу им из Минска к Борисову, возлагая надежду на успех, который внушил ему Глинский. Последний, по иностранным известиям, имел большое участие во взятии Василием Смоленска, большинство жителей которого было принуждено приверженцами Глинского сдаться Василию до прибытия Сигизмунда. По известию же Герберштейна, Василий обещал отдать, но не отдал Глинскому Смоленск. Обманутый в своей надежде, честолюбивый Глинский вступил в переговоры с Сигизмундом и решился бежать в Оршу, но был перехвачен князем Михаилом Голицой и Челядниным и отвезен в Дорогобуж к Василию, который отправил его в оковах в Москву и затем приказал своим воеводам идти против Сигизмунда.

Последний, оставив при себе 4 тыс. войск в Борисове, остальные, под предводительством князя Константина Острожского, послал навстречу русским воеводам. По иностранным известиям, у них было до 80 тыс. войск, а у Острожского не более 30—35 тыс. В конце августа Михаил Голица и Челяднин, после нескольких небольших стычек между передовыми войсками, остановились при Орше, левым крылом к речке Крапивне, левому притоку Днепра. Разными передвижениями они старались показать вид, будто имели гораздо более войск, дабы тем устрашить литовцев, Острожский же, напротив — будто у него было гораздо менее войск, чем сколько действительно имелось, и даже завязал переговоры, предлагая мир. Но русские воеводы отвергли его, не подозревая в этом военной хитрости Острожского, который между тем тайно готовился к переправе в двух местах через Днепр.

Ночью на 8 сентября 1514 года он переправил через него вплавь конницу, а за нею и пехота двинулась через реку по наведенным наскоро мостам. Когда Челяднину донесли, что литовцы начинают переправляться и советовали немедленно ударить на них, он отвечал, что не хочет утомлять войск своих ничтожным движением и подождет, пока все войско литовцев переправится и тогда отрежет его от переправы и разом истребит его. В 9 часов утра все литовское войско стояло уже на левом берегу Днепра в боевом порядке. Челяднин построил свои войска против него в 3 линии, слишком растянув их, а на флангах послал отдельные отряды в тыл неприятелю.

Михаил Голица, отделяясь от правого крыла с большим числом конницы, стремительно ударил на левый фланг литовской конницы. Последняя вы-

держала удар его, а когда он отступал, отбиваясь от нее, польская конница из резерва ударила ему во фланг. К нему подоспело подкрепление, как вдруг неприятельская конница расступилась и середину заняла пехота: подпустив русскую конницу на ружейный выстрел, она открыла по ней жестокий огонь, нанесла ей большой урон и привела ее в расстройство и беспорядок. Тогда Острожский стремительно ударил на нее всею своею конницей, опрокинул ее и, преследуя, занесся во 2-ю русскую линию. Зборовский прискакал на подкрепление и вместе с Шишковским и его гусарами прорвался сквозь растянутые русские линии и ударил в копья.

Между тем как это происходило в центре и на левом крыле литовцев, на правом литовская конница, имея против себя превосходную числом русскую конницу, обратила тыл. Русская конница бросилась за нею в беспорядке, как вдруг литовская конница раскрыла скрытно стоявшую за ней артиллерию, которая встретила русскую конницу залпом из всех орудий, и в то же время литовская конница обратилась назад и вместе с польскими латниками, бывшими в резерве, стремительно ударила на ошеломленную и расстроенную русскую конницу, опрокинула ее на центр и левое крыло и гнала до болотистой речки Крапивны и левого берега Днепра. Левому русскому крылу некуда было отступить и оно большей частью было истреблено. Сам Челяднин с свежими войсками стоял между тем неподвижно, а когда наконец решился ударить в тыл победителям, то сам был атакован латниками Сверчовского и легкою конницей Радзивилла. Не могши выдержать удара их, войска Челяднина бросились к ближайшему позади их лесу.

Таким образом жестокая и кровопролитная битва эта, продолжавшаяся почти целый день, кончилась страшным поражением русского войска и полною победою Острожского, которою он отомстил за собственное поражение свое в 1501 г. Урон русского войска был огромный, по литовским известиям будто до 30 тыс. чел. убитыми, а взятыми в плен — 8 главных воевод, 37 второстепенных начальников и 1500 дворян. Московские известия не определяют числа убитых и взятых в плен, но согласны с литовскими вообще в том, что урон был огромный. Знамена, пушки и обоз также были взяты.

По московским известиям, первым вступил в бой Михаил Голица, а Челяднин не помог ему из зависти; когда же литовцы напали на Челяднина, Голица не помог ему; наконец, когда литовцы в третий раз напали на Голицу, Челяднин снова не помог ему, бежал и тем решил судьбу битвы (словом — в многочисленном русском войске не было ни единоначалия, ни единства, ни согласия в действиях — в слабейшем же литовском — напротив).

Остатки русского войска бежали к Смоленску. Дубровна, Мстиславль и Кричев немедленно сдались Острожскому, который с 6 тыс. отборных войск впереди, двинулся к Смоленску надеясь овладеть им посредством измены, ибо мстиславский владелец, князь Ижеславский, приверженцы Сигизмунда в Смоленске и даже епископ Варсонофий призывали короля в этот город. Но

бояре и граждане Смоленска, хотевшие остаться за Москвою, уведомили о том Шуйского который заключил под стражу Варсонофия и его единомышленников, а когда Острожский подступил к Смоленску, велел повесить изменников (кроме Варсонофия) на городских стенах а сам дал знать о всем Василию, находившемуся в Дорогобуже. Тщетно потом Острожский склонял жителей Смоленска покориться Сигизмунду и, по отказу их, делал приступы к городу: Шуйский и смоляне отразили их, оборонялись упорно, и когда Острожский отступил без успеха, преследовали его и отняли у него много повозок. Василий, похвалив их, прислал им подкрепление, а сам воротился в Москву.

После того, кроме известия о нечаянном нападении псковского наместника Сабурова на Рославль, русские летописи умалчивают о дальнейших военных действиях между Москвою и Литвою. Во всяком случае, победа последней при Орше не имела никаких особенно выгодных для Сигизмунда и вредных (кроме урона войск и пр.) для Василия последствий. Сигизмунд даже не мог возвратить себе Смоленск, ни извлечь пользы от вторжения в это время в московские пределы крымских татар сына и наследника умершего (весною 1515 г.) Менгли-Гирея, Магмет-Гирея, и днепровских казаков, предводимых бежавшим из русской службы Евстафием Дашковичем. Крымские татары действовали то в пользу Сигизмунда, то в пользу Василия, смотря по тому, который из них давал им больше денег. Но в днепровских казаках Польша приобрела уже в это время важных пособников, и они усердно служили ей, а Сигизмунд покровительствовал им и жаловал их. Он возбуждал также Плеттенберга против Москвы, и Плеттенберг, сознавая опасность с ее стороны для Ливонии, готов был бы немедленно начать войну в союзе с Польшей и Литвой, но был удерживаем как своим бессилием, так особенно враждебными отношениями великого магистра Тевтонского ордена маркграфа Албрехта Бранденбургского к Польше.

Василий же, со своей стороны весьма естественно искал союза с Албрехтом, а также и с королем Датским, и таким образом в 1515—16—17 гг. война продолжалась медленно и нерешительно, между Москвою — с одной стороны и между Польшей и Литвой — с другой и их союзниками, хотя в то же время не прекращались и переговоры о мире, при посредстве императора Максимилиана, от которого с этою целью в апреле 1517 г. прибыл в Москву посол его, барон Герберштейн. В то же время в Москву прибыл и посол Албрехта, с которым и был заключен договор воевать заодно против Сигизмунда, причем Василий обещал дать Албрехту просимую им денежную помощь, но только когда он откроет войну, отнимет от Польши свои города и двинется к Кракову.

А в сентябре 1517 г. и Сигизмунд отправил в Москву двух послов своих, но, к удивлению, в то же самое время, промедлив три года после Оршинской победы, вдруг вздумал открыть наступательные действия. Поводом к тому

послужило упомянутое выше, внезапное нападение псковского наместника Сабурова на Рославль, который он разграбил и затем удалился. В отмщение за то, Сигизмунд двинулся к Полоцку и, сам оставшись в нем с частью войск, Острожского с сильным войском и с чешскими и немецкими наемниками послал к Опочке. Две недели (от 6-го до 18-го октября 1517 г.) Острожский стоял под этим городом, сильно обстреливал его из пушек, разослал отряды в окрестности его и наконец произвел приступ. Но наместник его, Салтыков-Морозов, и граждане оборонялись с чрезвычайным мужеством и упорством, и отбили приступ литовцев с большим для них уроном. Между тем московские войска из Великих Лук и Вязьмы уже спешили к Опочке, куда и к Острожскому из Полоцка шли подкрепления — и первые в трех местах нанесли литовцам поражение, а воевода Ляцкий наголову разбил шедшие к Острожскому подкрепления и отнял у них пушки и пищали. Тогда Острожский был принужден снять осаду Опочки и отступать из московских пределов без всякого успеха и пользы.

Эти военные действия приостановили переговоры, но по отступлении Острожского они были возобновлены 1 ноября, однако, несмотря на все старания Герберштейна, не имели никакого успеха. Как и прежде, Сигизмунд требовал возвращения всех приобретений Иоанна и Василия, а последний — Киева, Витебска, Полоцка и даже удела Елены в Литве. Вскоре Максимилиан, озабоченный делами реформации, не имел более времени заниматься делами Польши, Литвы и Москвы, и 12 января 1519 года умер, а преемник его, Карл V, прервал все сношения с Москвою. Но Василий, уже заключив союзы: с датским королем Христианом II против Швеции и Польши и с Албрехтом Бранденбургским против Польши и Литвы, и даже ведя удачные переговоры с турецким султаном Селимом I, для обращения крымских татар против Польши, вскоре возобновил союз и с Крымом. Он согласился назначить казанским царем, на место умершего в конце 1518 г. Абдул-Летифа, брата Магмет-Гирея — Саип-Гирея, с тем, чтобы Магмет-Гирей воевал против Польши. Таким образом, на стороне Василия был уже явный перевес, а Сигизмунд находился в большой опасности.

Но вскоре Василий, опасаясь слишком большого усиления Магмет-Гирея и в Крыму, и в Казани, назначил казанским царем, несмотря на заключенный с ним перед тем договор, врага его, Шиг-Алея. Сын Магмет-Гирея с 30 тыс. крымских татар уже вторгнулся в Волынь и Галицию, наголову разбил Острожского под Соколом, разорил край, истребил и пленил множество жителей его и воротился с огромною добычей. Но Магмет-Гирей, оскорбленный назначением Шиг-Алея, хотя и не восстал против Василия, однако перестал воевать против Сигизмунда.

Это позволило последнему обратить свои силы против Албрехта Бранденбургского, который, в надежде получить от Василия обещанную им денежную помощь и набрать в Германии наемников, в конце 1519 и в начале

1520 г. напал на занятые Польшей в Пруссии города с весьма слабыми силами, сражался мужественно, но уступал числительному превосходству польских войск и едва успел защитить Кёнигсберг. Хотя 13 тыс. наёмных немцев и явились на нижней Висле и осадили Данциг, но, не имея ни продовольствия, ни известий об Албрехте, разошлись. А Сигизмундовы воеводы взяли Мариенвердер, Голланд и другие города и заставили Албрехта просить мира. Он получил земли ордена в наследственное владение, но с вассальными обязанностями в Польше, и таким образом рушился Тевтонский орден, имевший, по отношениям своим к Польше, Литве и Ливонскому ордену, важное значение для Москвы.

Действия крымских татар вначале с юга, а Албрехта потом с севера против Литвы и Польши, отвлекали силы Сигизмунда от Василия. После неудачного похода к Опочке, литовские войска не являлись уже более в московских пределах, но московские, напротив, несколько раз вторгались в Литву. В 1518 г. князь Василий Шуйский с новгородскими войсками и большим огнестрельным нарядом, а брат его Иван с псковскими войсками осадили Полоцк. На помощь им пришел князь Михаил Кислица с московскими войсками. Но полочане оборонялись упорно и скоро в стане осаждающих оказались недостаток продовольствия и голод. Полочане захватили струги, на которых отряд детей боярских переправился через Двину для сбора продовольствия; преследуемые литовским воеводой Волынцом, дети боярские бросились назад к Двине и множество их утонуло в ней, и наконец Шуйские принуждены были отступить без успеха и пользы и с уроном.

В 1519 г. Кислица с новгородцами и псковичами снова пошел в Литву, к Молодечно и другим городам, и вышел назад к Смоленску. Значительнее был поход князя Василия Шуйского от Смоленска, князя Михаила Горбатого от новгородских и псковских границ и князя Симеона Курбского из северской области — к Орше, Могилёву, Минску и даже под самую Вильну, по обычаю — разоряя край, истребляя и пленяя жителей. Пятеро знатнейших литовских воевод вышли было навстречу им, но, видя поражение передовых войск своих, отступили в непроходимые лесные теснины за Логойск (в августе и сентябре). Московские воеводы не преследовали их туда и воротились к своим границам. Другие московские воеводы: Годунов, князь Елецкий и Засекин ходили таким же образом к Витебску и Полоцку, выжгли посады их, взяли внешние укрепления, разорили окрестности, истребили и пленили множество людей. Кроме того, казанский царевич Федор, сын Алегама, и сын князя Даниила Щени Михаил производили частые и разорительные набеги на Литву.

Все эти военные действия имели целью скорее принудить Сигизмунда к миру, которого Василий очень желал, потому что 6-летняя война была очень тяжела для него по тогдашнему состоянию военных сил и денежных средств Москвы. После взятия Смоленска и Оршинской битвы, никаких важных во-

енных действий не происходило, а между тем необходимо было постоянно иметь сильные рати для охранения московских границ. Наступательные же действия этих ратей против Литвы были не иное что, как отдельные, частные набеги и вторжения, без всякой цели, связи, единства и согласия, а только для разорения края, истребления и пленения жителей и приобретения добычи, совершенно подобно тому, как действовали татары.

Тщетно Албрехт Бранденбургский предлагал свой, замечательный план общих военных действий, именно: русским войскам завоевать богатую хлебом, но беззащитную Самогитию, из нее идти в Мазовию, соединиться в ней с ним и напасть на Сигизмунда в средоточии его государства, в то самое время когда наемные немецкие войска, шедшие из Германии (см. выше), нападут на него с запада. План этот мог бы иметь важные последствия: положение Сигизмунда было бедственное, война и зараза опустошали его владения, лучшая часть его войска состояла из чешских и немецких наемников, которые, после неудачного приступа к Опочке, с досадой ушли к себе домой и единоземцы их не хотели уже более служить Польше, а без них одни польско-литовские войска не могли с успехом противостоять соединенным силам Василия и Албрехта.

Но случай, счастье и особенно неблагоразумие и неискусство Василия и его воевод спасли Сигизмунда. Он успел склонить Василия к заключению перемирия на 6 месяцев и, подкупая крымских татар, укрепляя и охраняя границы Литвы, обратил все свои силы против слабого отдельно Албрехта, принудил его к миру и лишил Василия умного, усердного и деятельного союзника в нем. К этому еще особенным счастием для Сигизмунда были измена Казани и нашествие казанских и крымских татар и днепровских казаков на Москву в 1521 г., в то время, когда главные русские силы были на границах Литвы. Высланные Василием к Оке воеводы с частью войск не устояли против татар и казаков, которые подступили к Москве, а здесь бояре и воеводы, в отсутствие Василия, откупились деньгами и обязались платить Крыму дань! Магмет-Гирей удалился, а весною 1522 г. Василий сам выступил в поход против него, но Магмет тогда обратился уже против Сигизмунда.

Положение Василия в 1521 г. могло бы быть столько же опасным, сколько и Сигизмундово в 1519 г., если бы последний напал на него с запада в то самое время, когда крымские и казанские татары напали на него с юга и востока. Но, к счастью для Василия, Сигизмунд в это время не имел достаточно сильного войска, опасался турок и султана их Сулеймана или Солимана II, знал вероломство и ненадежность крымских татар и надеялся, что бедствия, претерпенные Русью от татар, склонят Василия к миру. Действительно. Василий желал прекратить тягостную войну с Литвою, для скорейшего обуздания Крыма и Казани. Вследствие того, наконец 25 декабря 1522 г. заключено было перемирие на 5 лет, продолженное в 1526 г., при посредничестве императора Карла V, еще на 6 лет (до конца 1533 г.). Договор, заключенный о том,

утвердил за Василием Смоленск с его областью, а границами определил реки Днепр, Иваку и Мерю.

Так окончилась эта война между Москвою и Литвою, славная для последней только Оршинскою победой, полезная для первой приобретением Смоленска и его области, но одинаково тягостная и разорительная для обеих.

ИСТОЧНИК

Голицын Н.С. Русская военная история. Часть 2: От Иоанна III до Петра I. СПб.: типография «Общественная польза», 1878 (глава «Войны с Литвою», с. 102—111).

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Князь Николай Сергеевич Голицын (1809—1892) — российский военный историк, генерал (1880). В 1834—48 гг. — профессор стратегии и военной истории в Военной академии. В 1850—51 гг. — член военно-ученого и военно-цензурного комитетов. В 1852—55 гг. — редактор газеты «Русский инвалид». В 1857—64 гг. — руководитель военно-стратегических работ офицеров Генерального штаба.

Автор научных трудов: «Очерки истории Генерального штаба в Западной Европе и в России» в 3-х частях (1851, 1857, 1858 гг.); «Всеобщая военная история» в 15 томах (1872—78 гг.); «Великие полководцы истории» в 2-х частях (1875); «Русская военная история» в 2-х частях (1877—78 гг.).

КНЯЗЬ ОСТРОЖСКИЙ И ВОЙНА 1512—1522 гг.

Афанасий Ярушевич

ГЛАВА IV

Война с Москвою. Оршанская победа и ее значение. Постройка Острожским Никольской и Троицкой церквей в Вильне. Поход 1518 года. Битва под Сокалом. Слабость Литвы и конечные результаты борьбы ее с Москвой с 1492 года по 1520 год.

Заключенный Сигизмундом в 1511 году договор с крымским ханом хотя и не уберег Литвы от татарских набегов, все же имел своим результатом то, что татары перестали обрушиваться на одну только Литву (325). После заключения этого договора и после погрома вероломных татар под Вишневцем, набеги их направились на московскую украину, которая в три приема была опустошена до Рязани, Белева, Воротынска и доставила хищникам столь богатую добычу, какой они от Литвы давно не имели.

Такое поведение прежних своих друзей Москва объясняла исключительно происками Литвы, которая и должна была расплатиться за набеги татар. Понятно, логика Москвы была бы несколько иною, если бы положение Польско-Литовского государства не было так печально: по династическим и иным счетам Сигизмунду приходилось стать во враждебные отношения к императору, ордену и другим европейским государствам. Глинский, внимательно следивший за делами своей родины, убедил Василия начать войну. Великий князь, под предлогом мщения за упомянутое оскорбление Елены, в декабре 1512 года двинулся к Смоленску (326).

Хотя в Литве, по обыкновению, не были приготовлены к войне но и Василий Иванович, потеряв очень много войска на штурме Смоленска, принужден был без всякого успеха возвратиться в Москву (в марте 1513 года). Но неудача первого похода не заставила его отказаться от своих планов. Василий Иванович настойчиво и энергично стремился к заветной московской цели, — подчинению Смоленска. Без сомнения, что его энергию поддерживал главным образом Глинский, которому, как передают, Василий обещал Смоленск на правах удельного князя, — да и сами литовцы, которые, желая

---

* Из книги А.В. Ярушевича «Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная литовская Русь его времени». Смоленск: типо-литография С. Гуревич, 1896, с. 130—155.

При перепечатке орфография приведена к современному образцу. Для лучшего восприятия увеличено число абзацев. Некоторые сноски (например, 342, 343, 344, 347, 351, 354, 371 и др.) сняты при редактировании, т.к. они касаются исключительно вопросов владения имуществом, но при этом занимают много места.

выиграть время для сбора войск, то и дело посылали в Москву послов с примирительными речами и тем обнаруживали свою слабость.

В июне 1513 года из Москвы направилось к Смоленску новое войско с князем Репнею-Оболенским во главе. Начальник Смоленского гарнизона, Юрий Сологуб, вздумал было помешать обложению, выступил против Оболенского, но был разбит и бежал в город. Весть о поражении Сологуба побудила Василия лично прибыть к Смоленску. Но осада затянулась до зимы: грамоты и увещания Василия на смольнян не действовали, — великий князь принужден был вторично снять осаду и со стыдом вернуться в Москву (327).

Эти два похода убедили Сигизмунда, что решение Москвы относительно Смоленска бесповоротно и король с удвоенной энергией продолжал свои приготовления к войне. Кроме попыток к примирению с Москвой, король деятельно ведет переговоры с враждебным к нему великим магистром /Тевтонского ордена. — *Ред.*/, поступается при этом своим достоинством сюзерена и, в конце концов, добивается если не помощи, то обещания ее, что освобождало Литву от врага с тыла. В Литве же 24 мая /1514 г. — *Ред.*/ король разослал повсюду окружную грамоту о сборе шляхты к 24 июня в Минске, так как Смоленск был обложен в третий раз с 16 мая и на выручку его думал идти сам король (328).

* * *

После взятия Смоленска московское войско двинулось вглубь Литвы, захватывая по пути города: Мстиславль, Кричев, Пропойск и т.д. Между тем Сигизмунд с войсками уже стоял в Борисове. Узнав о взятии Смоленска и движении московских войск, он оставил для личной охраны 4000-ый отряд, остальные войска, в количестве около 30-ти тысяч, послал с Константином Ивановичем навстречу неприятелю.

Вскоре после переправы через Березину Константину Ивановичу пришлось столкнуться с московскими воеводами. 27 августа произошла первая, довольно упорная, битва; поражение неприятеля принудило его к отступлению. Попытка удержать Константина Ивановича при переправе через реку Бобр опять окончилась неудачею, после чего московские воеводы продолжали отступать вплоть до Орши, уже не пытаясь задерживать литовско-польское войско, которое 6 сентября приблизилось к Днепру.

Переправа через эту реку была бы весьма затруднительною при большей бдительности московских воевод; но они ограничились занятием только одного брода. Благодаря такой оплошности неприятеля, Константин Иванович приказал навести пловучие мосты для пехоты, а конницу переправил в брод под самою Оршанскою крепостью. Неприятель не мешал переправе, рассуждая, как рассказывают летописцы, что лучше одним ударом сразу обессилить Литву, чем оставлять свежие неприятельские силы за Днепром.

К ночи 7—8 сентября 1514 года все литовское войско было уже на левом берегу Днепра и, подвинувшись версты на две, стало в виду главных москов-

ских полков, Голицы и Челяднина, по Соловьеву, — соперничавших друг с другом. В виду московских полков Константин Иванович устроил свое разноплеменное войско, почти втрое слабейшее неприятельского.

На рассвете 8-го сентября началась славная для Константина Ивановича битва под Оршей. Московские полки произвели легкое нападение на литовцев, но были отбиты. Тогда москвичи попытались обойти небольшое литовское войско и ударить с тыла. Это заметили стоявшие на флангах поляки и стойко выдержали напор неприятеля. Нападения же на центр, где стояла Литва, были нерешительны и весьма губительны для Москвы в виду того, что в центре литовского войска гетман расположил самых искусных стрелков. Вплоть до полудня битва шла вяло и нерешительно, войска сражались без перевеса.

Наконец московские воеводы решили сделать общее нападение всеми силами, причем главным местом, куда направились сильнейшие московские полки, был литовский центр. Завязалась ужасная сеча. Вдруг литовцы колеблются, отступают назад и бегут в стороны. Москвичи погнались за ними целым полком. Благодаря этому заранее задуманному Константином Ивановичем маневру, главный московский полк очутился лицом к лицу с литовскими пушками. Залпы озадачивают и смешивают преследующий полк: он обращается в бегство, преследуемый сначала пушками, а потом конницею Константина Ивановича, которая прорывается в центр «большого полка» и вносит страшное опустошение в ряды неприятеля.

Общая паника московского войска следует за расстройством главного полка и вся 80,000-ая московская армия обращается в поголовное бегство. Преследование бегущих обращается в бойню: в небольшой, но быстрой реке Кропивнице трупы утонувших и убитых задерживают течение, вода реки делается красною от крови. Только ночь да густые леса прекращают это ужасное зверство. Поражение Москвы было ужасное, не слыханное, давно небывалое: около 30,000 тысяч убитых и утонувших, 37 пленных воевод, князей, бояр и окольничих, полторы тысячи боярских детей и до 8000 пленных ратников!...

> «Бысть, говорит летописец, побоище великое Москвичем с Литвою под городом под Оршею и вскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы Московския и слышати было стуку и грому великому между Москвич и Литвою; и удариша Москвичи на Литву, Русския князи и бояре с дивными удалцы Рускими сынова на силную рать Литовскую, и треснули копья Московския и гремят мечи булатные о шеломы Литовския на поли Оршанском. И бысть неспособие Божие Москвичам...» (330) и т.д.

Этот тон, возвышающийся до слога «Слова о Полку Игореве», — обычно чуждый летописям, лучшее доказательство ужасного разгрома на Оршанских полях. Недаром в Москве так пренебрегли участью воевод Челяднина,

Голицы и других, взятых в плен при Орше, — они пребывали в Литве еще в 1538 году (331).

На следующий день Константин Иванович, счастливый победитель, устроил блестящий прием пленникам, после чего знатнейшие из них были отправлены к королю, в Борисов, менее знатные отправлены в замки, а простые ратники разобраны участниками битвы (332).

Острожский спешил воспользоваться свежим впечатлением победы. Он отрядил часть войска для взятия занятых неприятелем городов, а сам двинулся к Смоленску, откуда, после вести об оршанской битве, Василий III уехал в Москву, а епископ Варсонофий прислал к королю письмо о готовности жителей сдать город. Но ранняя осень настолько испортила дороги, что литовское войско шло к Смоленску целых четыре недели, причем для быстроты движения были оставлены даже пушки, хотя за войском все-таки следовал неизбежный шляхетский обоз, достигавший 16,000 возов и страшно мешавший быстроте похода.

Под Смоленск литовское войско пришло расстроенным, в числе только 6000 человек. Попытки взять город силою и уговорами, благодаря быстрым и энергичным действиям воеводы, князя Василия Шуйского, заключившего Варсонофия под стражу и повесившего главных заговорщиков на стенах кре-

Гусары войска ВКЛ (рисунок начала XVI века)

пости, — оказались неудачными и Константин Иванович потерял несколько сот войска напрасно. Опустошив окрестности Смоленска вплоть до сожженого самими же москвичами Дорогобужа, взяв Кричев, Дубровну и Мстиславль, Константин Иванович возвратился в Литву и в Вильне, по словам польских историков, был награжден Сигизмундом небывалою до того наградою. 3 декабря Константин Иванович, по образцу древнеримских героев, был почтен триумфом и вступил в город во главе своих войск, в сопровождении оршанских и других пленников (333).

Торжество и радость литовцев были понятны. Если на первый взгляд оршанская победа имела следствием только значительное сокращение московского войска, как думает Соловьев (334), то, после более внимательного взгляда на результаты этой битвы, мы увидим, что следствия ее для Литовско-Польского государства были весьма и весьма значительны, — недаром летописцы так восторженно описывают это сражение и называют Константина Ивановича Острожского «swietobliwej pamieci», «славный а великий», а московские — «божий враг и государев изменник», недаром Василий III забывает о пленных... Недаром Сигизмунд так торжествовал победу и так чествовал павших в битве... (335). Не говоря о том, что было бы в случае возможного иного исхода битвы, посмотрим, как она отразилась на внешних и внутренних отношениях Литовско-Польского государства.

Первыми заявили себя татары, очевидно, выжидавшие, кто выйдет победителем в этой борьбе. Так как победителем оказалась Литва, — то они, через воеводу киевского Андрея Немировича, предложили Сигизмунду помощь против Москвы; сами же сделали двойной набег на московскую украину и на целых два года оставили Подолье и Волынь в покое (336).

Но самую резкую перемену оршанская битва произвела в отношениях короля Сигизмунда к его западным соседям. Мы уже говорили об их враждебной настроенности к нему; 17 августа 1514 года император Максимилиан заявил послам великого магистра о тайном союзе против польского короля, в который вошли: сам император, великий магистр, лифляндский магистр, король датский, маркграф бранденбургский, король саксонский, господарь волошский и великий князь московский (337).

Понятно, почему с одной стороны Сигизмунд I унижался перед великим магистром, своим вассалом, и почему с другой, он посылал папе в доказательство своей победы, оршанских пленников: королю необходимо было по возможности рекламировать свою победу, чего он достиг самым неожиданным способом: посланные им папе московские пленники были отняты Максимилианом, союзником Василия, и через земли антипольской коалиции были возвращены в Москву — но император оказал этим своему союзнику медвежью услугу: остальные союзники, которые хотели загребать жар московскими руками, сильно охладели, когда своими глазами увидели позор Москвыв и поняли, что ее сила не так-то надежна.

19 июля 1515 года, по инициативе императора Максимилиана, происходит редкий по торжеству съезд около Вены самого императора, короля Сигизмунда, брата его Владислава, короля венгерского и Людовика, сына короля чешского. На этом съезде, так восторженно описанном польскими летописцами (они вполне справедливо видели в нем триумф Сигизмунда I) не только была утверждена взаимная дружба, но император даже принял на себя роль посредника для заключения мира между Литвою и Москвою (338).

Вслед за этим и великий магистр (339), несмотря на всю вражду к королю, принужден был, хотя видимо, примириться с Сигизмундом, так как по условиям Венского съезда император обещал стараться принудить магистра выполнить присягу Польше (340).

Папа, услыхав про оршанскую победу, с своей стороны убеждал Сигизмунда начать войну с Турцией и сделать нападение на Белград, так как, по мнению папы, настало наиболее удобное для этого время (341).

Если оршанская победа обеспечила южные, западные и северные границы Литовско-Польского государства, то приблизительное такое же значение она имела и по отношению к восточной границе, московской. Она значительно подняла в литовцах сознание своей военной правоспособности, ослабленное постоянными неудачами в борьбе с Москвой и, уничтожив значительную армию, сильно понизила материальную и нравственную военую энергию московского государства. Вплоть до 1518 г. идет еще борьба между Литвою и Москвою, но ведется она вяло и урывками, неудачно для наступающих и наоборот. Причиною такого порядка дела было то, что Москва довольствовалась Смоленском, который был разорен, приходил в упадок и славен был только прошлым; Литва же помирилась с потерей его, смутно сознавая, что исчез главный побудительный стимул к войнам.

* * *

Если в делах внешних оршанская битва имела такое громадное значение, то влияние ее не менее серьезно сказалось и на делах внутренних. На первый план выдвигается победитель, русский князь Острожский, и вместе с ним выдвигаются интересы всей массы русского народа.

Лично Константин Иванович получил от короля в полную собственность, 20 декабря 1514 года, имение Дорогобуж с монастырем, церквами и окрестными селами, с правом построить там замок, город, дать ему магдебургское или хелмское право, учредить ярмарку, торги и т.д. 14 января 1516 года за услуги трем королям Острожскому были даны: значительное имение Охоново, солидно округлившее здетельскую экономию; дворец Гуры, люди в Мемижской волости и воспетое Мицкевичем озеро Свитязь (342).

Острожский пользуется своею славою в интересах православных и достигает много такого, что было прямо запрещено законом.

Еще до оршанской битвы Константин Иванович воспользовался своим положением, чтобы выпросить у короля подтверждения всех наданий коро-

ля Александра — киевскому Пустынскому монастырю, — очевидно, обычная в то время услута церкви перед походом (343). А вскоре после своего въезда в Вильню он ходатайствовал перед королем о непоставлении в укоризну князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому сдачи своего замка Москве и службы ей, к чему он был принужден обстоятельствами. Это ходатайство тем более ценно, что князь Мстиславский был весьма щедрым фундатором православных церквей и монастырей (344).

Но самый главный для русских результат оршанской победы — королевское разрешение Константину Ивановичу построить каменные церкви в Вильне — Троицкую и Никольскую, важный особенно потому, что целый ряд перестроек столичных виленских церквей как бы косвенно отменял прежнее Казимирово запрещение вновь строить церкви. Выражение жалованной грамоты не строить вновь, но реставрировать «ab ipsis fundamentis» /от самого фундамента. — *Ред.*/ — в приложении к деревянным церквам, каковыми были Троицкая и Никольская, обозначало не починку, а постройку вновь, да и смысл этих слов мог бывть растолкован двояко (345).

Судя по содержанию жалованной грамоты Сигизмунда Константину Ивановичу Острожскому на построение названных церквей (346), последний еще до битвы торжественно, перед лицом всех военоначальников, дал обещание в случае победы, — построить названные церкви из камня или кирпича, причем, очевидно, Константин Иванович заручился согласием самого короля. После победы при Орше, похода на Смоленск и перед самым возвращением Острожского в Вильню (3 декабря), король по просьбе рады дает эту грамоту, как бы приготовляя сюрприз Константину Ивановичу. А что это действительно было сюрпризом, видно из самой грамоты, где почти все направлено к косвенному оправданию короля в нарушении конституций государства. Кроме неоднократного указания на просьбы рады, ссылки на евангельское повеление исполнять обеты, король прямо говорит: «повелеваем считать... nostre admissionis et consensus non obstatibus constitucionibus consuetudinibusque in contrarium disponen»; затем король заручается возможно полным числом подписей (347). Эта грамота — самое яркое свидетельство о роли Константина Ивановича в Литве, самая главная его услуга православию, самая важная победа над происками католической партии (348)

Заручившись грамотою короля, Константин Иванович перестроил Троицкую церковь и церковь перенесения мощей св. Николая, что «на Великой улице» (349). Но возведение двух церквей стоило Константину Ивановичу так много, что он не только не обеспечил Троицкого монастыря, на что прямо указывают памятники (350), но вынужден был продать два громаднейшия имения свои в Литве, — Богушевичи и Игумен, лишь бы довести до конца дело постройки (351).

Если акт о продаже этого громадного пространства земли не подложен, то нужно думать что вырученная за него сумма была не только достаточна

для окончания постройки, но дала Острожскому возможность сделать новый дар любимому виленскому Пречистенскому собору.

Константин Иванович по возвращении из похода не только просил разрешения произвести вышеуказанные постройки, но также сделать и другие, вероятно многочисленные, наданья церквам. До нас дошла только одна грамота такого рода. В ней Сигизмунд 29 декабря 1514 года разрешает Константину Ивановичу Острожскому построить на реке Вильне (Вилейке) мельницу для Пречистенского собора (352). Мельница эта освобождается от всякого вмешательства великокняжеских чиновников и пользуется правом молоть чей угодно хлеб. Доходы с нее будут поступать собственно митрополиту, в обеспечение безбедного существования митрополичьей кафедры, очевидно, под условием некоторого облегчения сборов с соборного клира. Вероятно, что постройка мельницы, равно как и занятия по постройке церквей, наполнила заботами весь 1515 год. По крайней мере мы не имеем никаких сведений о Константине Ивановиче за это время.

В начале следующего года мы находим его в Остроге и опять-таки занятого делами церкви. 6 марта 1516 года Константин Иванович с женою своею выполняют завещание скончавшейся матери и тещи их, княгини Анастасии Гольшанской. Согласно ее предсмертной воле, Острожские передают Печерскому монастырю на поминовение княгини Анастасии, мужа ее, князя Семена Юрьевича Гольшанского и родителей их, дворы: Городок, Обаров, Лобковщину и село Вольницу, — в полную собственность монастыря (353).

В то же время король удовлетворил просьбу Константина Ивановича о передаче пограничных замков-староств: Брацлава, Винницы и Звенигорода племяннику (354) гетмана, князю Роману Сангушке, под условием, в случае его смерти, возвратить эти староства опять Константину Ивановичу. Причина такой передачи — возня с судопроизводством и делами, столь многочисленными на всякой окраине и желание выдвинуть своего храброго родича, для которого еще в 1515 году выпросил у короля села Боблы, Солец и Соловичи и, вероятно, содействовал даче Турийска (355). Грамота о передаче староств последовала 23 января 1516 года (356). Это пожалование было роковым для даровитого молодого князя.

Летом 1516 года последовал набег татар. Главный путь их лежал на северо-запад, к Карпатским горам, где они произвели ужасающие опустошения. Поляки, разбивая мелкие отряды, не решились вступить в генеральную битву. Единственная крупная победа у Теребовля слишком дорого стала полякам: татары, видя дурной оборот дела, предали смерти всех пленников, чтобы легче было уходить. Понятно, что при сравнительной безнаказанности татары разбрелись широко и часть их забралась в Подолье. Но слухи о сборе войска Константином Ивановичем Острожским заставили их на этот раз уйти обратно домой.

Богатая добыча, вывезенная татарами из Галиции, побудила их сделать новый набег осенью. Теперь они направились на Волынь; но здесь встречены были достойным образом: разбитые в трех последовательных битвах, татары принуждены были очистить Русь. К сожалению, жертвою их пал князь Роман Сангушко. По званию старосты украинских городов, Сангушко первым встретил врага; победа была уже выиграна, когда князь, в запальчивости, слишком далеко выехал вперед, был окружен татарами, конь его был ранен и упавший князь был рассечен на части (357).

* * *

После смерти племянника староства опять перешли к Константину Ивановичу, ибо 17 июля 1518 года он подтверждает правильность разграничения имений брацлавских земян Копыстеринского и Булгаковича, произведенного князем Михаилом Васильевичем Чарторыйским (358). Начало 1517 года Константин Иванович провел на Волыни, устраивая тамошние дела по своим именьям и производя суд по именьям земян (359). Но покоя ему не было.

Пока происходили вышеизложенные события, на восточной границе Литвы шла легкая война с Москвою. Попытки императора устроить примирение кончились крайне комично (360), ибо стороны старались сделать друг другу по возможности больше неприятностей. Не чужд этому был и Константин Иванович; московские бояре жаловались послам Сигизмунда: «А из Святыя Горы пошли старцы к нашему государю чрез его (короля) землю с великими вещми духовными, по государя нашего приказу и Костянтин Острожский, Божий изменник и государя нашего изменник, а его слуга, у тех старцов вещи государя нашего душевныя поотнимал, а их к государю нашему не пропустил и воротил их назад» (361). Со своей стороны Москва не оставалась в долгу и делала частые набеги на северные полоцкие волости, на Браслав и Рославль* (362).

Такое неопределенное положение дела вынудило Сигизмунда решиться окончить все миром. В июле 1517 года было снаряжено в Москву литовское посольство, и при нем, в качестве посредника со стороны императора, поехал барон Сигизмунд Герберштейн, устраивавший до этого брак Сигизмунда I с Боною Сфорца (363).

Но чтобы посольство было внушительнее, король решил подкрепить его каким-либо военным приобретением. Он нанял за границей чехов, моравов и т.д., собрал войска Литвы и Польши и направил их в Россию. Главное литовское войско вел К.И. Острожский, он начальствовал и над остальными отрядами, но номинально; прежней военной «уставы», какие даны были гет-

* Современный критик А. Казаков отметил, что «набег на Рославль» — это явная ошибка переписчика. В самом деле, от Пскова до Браслава по прямой линии около 220 км, тогда как до Рославля — 480 км. Но дело даже не в этом. Почти вся Смоленщина была уже захвачена войсками Москвы. О каком «рейде» через ее территорию могла идти речь?! — *Ред.*

ману в 1507 и 1512 годах, теперь ему почему-то не дали. Следствием этого было полное ослабление дисциплины; всякий отряд действовал сам по себе, хотя и держался вблизи главного отряда, выступившего из Вильны 30 июля 1517 года.

Понятно, что такие войска нанесли страшное опустошение мирной московской украине, куда первоначально направился Константин Иванович, но оказались негодными для серьезной войны. Действительно, когда литовские войска пришли к городу Опочке (364), то Острожский, разбив московские войска, очевидно, хотел осадою принудить город к сдаче и потому занялся опустошением окрестностей. Разосланные им отряды заняли городки: Воронач, Велье и Красной. Между тем пришлые войска (чехи, мораване и др.) не хотели ждать и после полумесячной осады (365), вопреки воле гетмана, 6 октября пошли на приступ, но были отбиты с большим уроном.

Эта неудача, поражение московским воеводой, Иваном Ляцким, шедшего из Браславля /Браслава/ Черкаса Хребтовича и осада князем Шуйским и Кислицей Полоцка — заставили Константина Ивановича прекратить осаду Опочки и двинуться на помощь Полоцку, где осаждавшие уже терпели недостаток в продовольствии и принуждены были на левом берегу Двины добывать пищу себе и корм лошадям. Константин Иванович, возвратившись с богатою добычею из под Опочки, сам ли, или послав когонибудь, нанес поражение бродившему за Двиною отряду «детей боярских», что принудило Шуйского снять осаду с Полоцка и удалиться в пределы России (366).

По возвращении Константина Ивановича в Вильну, он был благосклонно принят королем и получил новые наданья: еще за опустошение Северской области король 9 сентября дал ему Кузьминскую волость, заключавшую в себе 42 деревни, и разрешил построить в Красилове замок в защиту от татар. 1 мая 1518 года Константин Иванович получил Котов и Розничи (367).

(Далее на двух страницах (147—148) А.В. Ярушевич описывает новые земельные приобретения К.И. Острожского. С целью экономии места этот текст пропущен).

* * *

Грамота /о покупке очередного участка земли. — *Ред.*/ датирована, — Острог 1519 года, индикта 7, т.е. в первой половине года. Во второй уже разразился над Польско-Литовским государством целый ряд бед, потребовавших крайнего напряжения всех сил государства.

Мы уже говорили, что в июле 1517 года литовские послы отправились в Москву, чтобы, при содействии императорского посла, Сигизмунда Герберштейна, заключить мир и что одновременно с послами был отправлен на московскую украину Константин Иванович. В Москве решили не принимать послов, пока «великаго князя воеводы не переведаются с Острожским». Это-

го пришлось ждать до второй половины октября и тогда только, 24 числа, начаты переговоры. Сначала московские дьяки потребовали Киева, Полоцка, Витебска; литовцы отвечали требованием Пскова, половины Новгорода, Твери и т.д. Мало по малу обе стороны уступали и, наконец, все дело сосредоточилось на одном Смоленске и каждая /сторона/ твердо стояла на своем. Взаимные переговоры окончились 12 ноября, но еще до 22 ноября переговоры вел один Герберштейн и также безуспешно (375).

Результатом перерыва мирных переговоров была новая война. Василий III отправил богатые упоминки хану, побуждая его напасть на Литву одновременно с московским войском. Но последнее замешкалось, а татары в количестве 40,000, под предводительством калги Багатыря, вторгнулись в Галицию*. Войск у короля не было, равно как и денег на их наем (376). Татары опустошили Львовскую, Белзскую и Люблинскую области и с громадной добычей медленно подвигались назад.

Польские войска настигли их под Сокалом, но не решались вступить в битву, пока к ним не присоединился Константин Иванович Острожский с 2000 волынян, так что соединенное войско достигло 5—6 тысяч человек. Татары стояли на противоположном, возвышенном берегу Буга, почему, по мнению Константина Ивановича, не могло быть и речи о нападении. Но не так думала хвастливая польская молодежь с Фридрихом Гербуртом во главе. Совет Константина Ивановича, — отложить битву до другого раза или выждать более удобного места, они приняли как нежелание русского православного вождя доставить славу полякам; молодежь, которую соблазняли лавры Вишневца, упрекала гетмана и не согласилась на его просьбу — выждать переправы самих татар через Буг, или же подождать один день спешивших вспомогательных литовских и подольских отрядов.

Тщетно Фирлей и другие польские вожди, которые были согласны с Константином Ивановичем, убеждали молодежь — последняя увлекла их за собою и вожди должны были 2 августа вступить в битву против своей воли. Горячая польская молодежь сразу же испортила все дело: не найдя брода и с большим трудом переплыв реку, она долго не могла подняться к татарам, которые стояли на крутом берегу и с высоты его били поляков на выбор. Только нападение Константина Ивановича на тыл татар заставило последних обратить все силы против него и допустить поляков подняться на берег и принять активное участие в битве. 40-тысячное войско татар со всех сторон окружило отряд союзников и началась кровавая сеча.

Убыль татар, несмотря на ее величину, не производила особенного изменения в отношении сил сражающихся, между тем как союзное войско все таяло

---

* Исследователи давно установили, что численность «орд» крымских татар, регулярно вторгавшихся на земли Польши и ВКЛ, никогда не превышала 12 тысяч всадников, а чаще всего они насчитывали 2—4 тысячи. Но в глазах у перепуганных жертв количество налетчиков всегда двоится, троится и умножается. — *Ред.*

и таяло. Тогда Острожский, Фирлей, Мар. Каменецкий и др., с частью личной охраны и оставшихся войск, пробились через толпы неприятелей и спаслись в Сокальском замке. Гербурт же, виновник этого поражения, не пожелал подвергаться упрекам и, бросившись в толпу татар, погиб «славною смертью».

Общий урон польско-литовского войска простирался до 1200 человек, причем были убиты: князь Василий Четвертинский, князь Александр Буремский, князья Василий, Александр и Лев Корецкие, Фирлей, молодой сын польского гетмана, и многие другие.

Все польские летописцы, излагающие обстоятельно эту битву, единогласно приписывают неудачу ее исключительно безрассудной храбрости польской молодежи (377). Один Кромер бросает тень на Константина Ивановича и русских. Но лучшим доказательством невиновности Константина Ивановича в Сокальском поражении служит отношение к нему короля. Понятно, что неудачный полководец не просил бы за другого, между тем мы видим, что Константин Иванович ходатайствует перед королем за зятя своего, Богуша Боговитиновича, — именно о подтверждении ему волостей, которые держал умерший Немира Топыженский, а до него сам Богуш; король и оттеняет в свой грамоте значение просьбы Константина Ивановича Острожского (378). Кроме того, ему самому король почти вслед за поражением при Сокале, 15 сентября, подтверждает Звяголь, разрешает построить в нем замок, основать город, учредить ярмарку и т.д. (379).

Пока Острожский боролся с татарами, на Литву сделали нападение московские войска и прусский магистр. Первые прошли вплоть до Молодечна, а второй вторгнулся в Жмудь. Для Литвы было счастьем, что размеры нападающих сил были невелики, почему и не причинили ей значительного вреда и весьма удачный план Василия III — разгромить Литву — кончился легким опустошением (380).

* * *

Неудача сокальской битвы, материальная безрезультатность оршанской победы, неудачная война с Москвой и невозможность успешно противодействовать постоянным набегам татар, требует некоторого отступления, уклонения в область устройства военного дела в Литве и Польше, главным образом для того, чтобы видеть, почему даже при энергии Сигизмунда и талантах Константина Ивановича, возможны были сокальские поражения и уступка Смоленска.

Что касается набегов татар, то средства защиты против них состояли из замков и обыкновенного войска — земян. Замки, особенно королевские, отличались крайней бедностью. За исключением Луцка и Кременца, все королевские южно-русские замки были деревянные, артиллерия крайне плоха и малокалиберна (ядра были величиною с гусиное яйцо). В 1542 году в Луцке и Владимире было по одной пушке и только в Кременце двадцать две. Постоянного войска в замках не было, за исключением сотни «черкас» /казаков. —

Ред./ и то только в некоторых; замки охранялись 2—3 сторожами, которые всегда ухитрялись прозевывать татар. Только частные замки: Ровно, Дубно, Острог, Збараж, Заслав, Вишневец были хорошо укреплены (381).

Не лучше были и войска. На защиту замка сходилась милиция — мещане, ремесленники и крестьяне; боевое достоинство их говорит само за себя. Что же касается полевой, так сказать, военной силы, то она набиралась из каждой земли отдельно. Если татары шли на Галицию, волыняне спокойно сидели дома, пока не приходил королевский указ, или, как было в наш период, не собирал земян Константин Иванович по своей инициативе. То же было и на московском рубеже.

Кроме того, такая обширная и богатая земля как Волынь, поставляла в 1528 году всего 784 конных ратника (382), а Константин Иванович Острожский со всех своих громадных имений ставил только 426 всадников (383). Да и эти правила и нормы были узаконены только в 1528—1529 гг. когда оказалось, что Литва крайне слаба в военном отношении. Только тогда было решено, что каждый должен ставить на войну одного конного человека с 8 служб людей, считая за одну службу одну уволоку (почти 20 десятин земли); владевшие же меньшим количеством ставили ратника в складчину (384).

Такое же неустройство было и в финансовой сфере. Для найма и содержания войск король должен был сплошь и рядом закладывать свои замки, свое имущество, которого все равно не хватало на войско (385). Только с 1528—30 гг. целым рядом узаконений был установлен сбор на военные надобности: с городов на войска 3086 коп грошей, с ордынщины 961 копа, с жидов 1000 коп, с землевладельцев по 11 грошей и две с половиной пенязи со службы (уволоки)*, равно с духовных, королевских и церковных земель, или же, при отбывании натурою, по одному вооруженному всаднику с 8 служб (386).

Но слабость Литвы не ограничивалась этим. В 1515 году умерла королева Варвара, святая женщина на престоле. По политическим расчетам Сигизмунд в 1518 году женился на Боне Сфорца /1494—1557. — *Ред.*/, слишком известной своими похождениями, чтобы о ней говорить подробно. Летописцы сплошь и рядом жалуются на ухудшение с этого времени нравов, хотя привязывают это к какому-нибудь случайному событию, например, к смерти Варвары. Теперь, по их словам, пришли на Польшу неудачи; мелкие военные и фискальные должности, составляющие силу войска, занимают армяне и жиды. Жиды повсюду, но на войну они не идут. Одно утешение в усилении казачества на Украине (387)...

При таком тяжелом и затруднительном положении Литвы, у Сигизмунда, кроме Москвы и татар, оказался третий враг, великий магистр, сделавший,

* Со второй половины XV и до конца XVI века в одной копе ВКЛ было 60 грошей, а в одном гроше — 10 пенязей. Грошем называлась серебряная монета. См. Энцыклапедыя ВКЛ, том 1, с. 103. — *Ред.*

при денежном пособии от Василия III, вторжение в Жмудь (в 1519 г.) и тем положивший начало четырехлетней войне Польши с орденом. Не удивительно, что Сигизмунд был в крайнем затруднении и просил через кардинала Медичи какой-либо помощи у папы против татар, ордена и Москвы — «в виду крайне тяжелых обстоятельств» (388).

Несмотря на поражение ордена в Жмуди Ю.Н. Радзивиллом, и на распадение ордена, так как Платтенберг, ливонский магистр, остался верен Литве, Сигизмунд охотно принял предложения Василия III (шедшие через боярина Григория Федоровича и Н.Н. Радзивилла) и послал в Москву послов, которые опять не сошлись на Смоленске, но заключили перемирие с 1 сентября 1520 до великого заговенья 1521 года, то есть сроком почти на шесть месяцев (389).

Печальные внутренние и внешние обстоятельства принудили Сигизмунда стараться заключить мир с Москвою. Но уже в следующем, 1521 году, обстоятельства переменились: великий магистр был побежден, а Москва разорена татарами. Сыновья Менгли-Гирея заняли столы казанский и крымский. Союз между братьями повлек крайне опустошительный набег на Москву в 1521 году крымского хана Магмет-Гирея, которого сопровождал Евстафий Дашкович с днепровскими казаками. Москва, уже давно не видавшая неприятеля под своими стенами, в страхе уплатила окуп; великий князь бежал в Волок /Ламский/; Россия была страшно разорена; число выведенных пленников молва доводила до 800,000.

Понятно, что Москва уже не думала о наступательной войне против Литвы и сильно желала мира, опасаясь еще нового набега, так как Сигизмунд вел переговоры с ханом о восстановлении на престоле бывшего рязанского князя Ивана Ивановича. Начались новые переговоры. Опять Литва не могла согласиться на уступку Смоленска, безвозмездный отпуск пленных и опять, после долгих споров, 14 сентября 1522 года, было заключено пятилетнее перемирие и Смоленск оставлен за Москвою. Но и после этого обессиленные стороны продолжили перемирие еще на 6 лет — до 1533 года, а затем еще на один год (390).

Так закончилась полустолетняя кровавая и бескровная борьба Литвы с Москвою, представляющая собою первый период расширения Москвы за счет Литовско-русского государства. Начало ее относится ко временам Казимира, когда мелкие удельные князья — Воротынские, Одоевские, Мезецкие и другие начинают поддаваться Москве, а Литва, слабая вследствие отсутствия верной программы, слишком ясным сознанием своей слабости, навлекает на себя три войны с Москвою. Первые две (1492—94 гг. и 1499—1503 гг.) окончились полным поражением Литвы, третья (1507—1521 гг.) велась с переменным счастием.

Энергия Сигизмунда и талантливость Острожского сильно затруднили успехи Москвы. Взятие Смоленска не приступом, а обложением и содействи-

ем русской партии и полное поражене московских войск под Оршей показывает, что Москва была сильна только условною слабостью Литвы, своей энергией, цельностью государственной идеи и твердостью государственного строя. Взаимная борьба ослабила врагов и война, в начале столь удачная для московской Руси, оканчивается сама собой, оставляя для Москвы Смоленск, часть /будущих/ губерний: Курской, Черниговской, Орловской, Калужской, Тульской, Могилевской, Витебской и Псковской...

ПРИМЕЧАНИЯ

325. В Польше и Литве были настолько уверены в безопасности от татар, что король 1 мая 1513 г. счел возможным сложить /отменить. — *Ред.*/ чрезвычайную подать, установленную для защиты русских земель от татарских набегов. Арх. Мин. Ин. Дел. Отд. Лит., № 73.

326. Соловьев V, с. 332—334. Еще в октябре 1512 г. из Москвы, по поводу обид Елене, был прислан в Литву гонец, задорный тон которого ясно показывал, что в Москве война с Литвою была уже решена и поэтому не стеснялись требованиями. Акты Зап. России II, 104—108.

327. Соловьев V, с. 334—335; Stryjk. II, 374.

328. Общее письмо Рады в Москву к боярской думе, 1513 г. 4 декабря — Акты Зап. России II, 111; переговоры с Орденом — Danilowicz, II, № 2250—2256, стр. 288—289; сравни № 2235, стр. 286, где ливонский магистр советует великому магистру снабдить города и замки живностью и т.д. Окружная грамота Сигизмунда — Акты Зап. России II, 114—115 и Литов. Метрика. М., Книга Записей, VII, 268.

Соловьев (V, 335) говорит, что Василий Иванович выехал из Москвы 8 июня и осада описывается так, что начало ее (29 июля) произошло при князе и продолжалась она один день. Указанная же грамота написана 24 мая и говорит, что москва обложила Смоленск по святом Николе о тыждень, т.е. 16 мая. Склоняемся на сторону чисел грамоты.

329. Соловьев V, 335—338; Stryjk. II, 375 — очень подробно об измене гарнизона; Bielski, лист 292 на обороте, Герберштейн, 23 и 108.

В виду гибели смоленских архивов в 1812 г., относительно нашего периода местные историки представляют из себя только повторение летописей, Карамзина и Соловьева, с небольшими дополнениями из местной топографии (Мурзакевич, «История г. Смоленска»; Никитин, то же; Писарев, «Смоленск и его история»).

330. 1-я Псковская летопись. — П.С.Р.Л. IV, 290.

331. См. Акты Западной России II, 163—166. О положении пленных в Литве см. «Записки о Московии» Герберштейна, 25.

332. Вот почему оршанских пленников было так мало в литовских королевских замках, что подало Соловьеву повод сомневаться в правдивости чисел письма Сигизмунда к великому магистру — Supplem ad H. R. Mon. 363—364; Сол. V, 339, ср. Stryjk. II, 384. Ср. Акты Зап. Рос. II, 163—167; 171. В 1519 г. по литовским замкам сохранялось еще свыше 300 оршанских пленников. Лит. Метр., Книга Зап. XI, 43—50.

333. Об оршанской битве и смоленском походе мы приведем только главнейшие источники и пособия: Supplem ad H. R. Mon. 363—364; Danilowicz, Skarbiec, II, № 2265, стр. 291; Супрасльская летоп., 149—154 — похвальное слово Острожскому, очевидно, под свежим впечатлением события. Decius, LXXXVI — XCII, — говорит, что Смоленск взят изменою; П.С.Р.Л. IV, 137 и 290; Wapowius, Script. rer. Pol. II, 119—120; Герберштейн, Записки о Московии, 23—26; Bielski, л. 293. Gwagnin, 120—121; летописец Архангелогородский, 185—187; Cromerus, De Origine..., 684; Stryjk. II, 378—385; Sarnicius, Annales Pol. et Lith. — II, 1205—1207; Никон. лет. VI, 202; Киевская лет., в сборнике летописей относ. к ист. Ю. и З. Р. (Киев, 1888) — стр. 74; Bal. i Lip. Staroz. Polska IV, 680; Соловьев, V, 339—341; Kraszewski, Wilno..., I, 206—207. Карамзин, Нарбут, Иловайский и прочие историки ничего не дают нового об этом походе.

334. История России, V, 341.

335. Balinski i Lipinski, Polska Starozyt., IV, 680, примечания.

336. Акты Зап. России, II, 117—118. Stryjk. II, 385—388; Arch. Sang. III, 235—236.

337. Danilowicz, II, 2264, стр. 291; Arch. Sang. III, 245.

338. Особенно восторженное и подробное описание Венского съезда у тяжеловатого Бельского, Kronika, об. 294 л. — об. 296 л.

339. 25 сентября 1514 г. Сигизмунд ядовито спрашивал его, действительно ли он участник союза против Польши. — Danilowicz, II, № 2266, стр. 292.

340. Stryjk. II, 386.

341. Teiner., Vet. Mon. Pol. II, 354—356, 365—366.

345. Вилен. Архив. Сборник, X, 3—4, 26.

348. Скарга, перепечатывая эту грамоту, объяснил факт по своему, — она, мол, дана «za czasu Iozepha Mitropolita, goracego Unita». — Prawa i Przyw., 24. /Иными словами, Петр Скарга солгал. — *Ред.*/ Сравни Dubowicz, Hierarchia, 182—183.

349. В Вильне была еще и другая церковь св. Николая — во имя успения его. Находилась она на углу нынешней Пятницкой улицы; впоследствии носила название «деревеная».

350. Вилен. Арх. Сб. X, 3—5.

351. Акты Вилен. Арх. К., 1—5. Игумен — ныне уездный город Минской губ., Богушевичи местечко того же Игуменнского уезда. (...) От продажи Игумена и Богушевич Константин Иванович выручил 10,000 коп грошей.

352. Вилен. Арх. Сб. VI, 17—18. Дата 7023 г., 29 декабря, инд. 3 — в переводе на современное летоисчисление дает 1514, а не 1515, как в Сборнике. Равно и Вилна = Вилейка, а не Вилия, которая именутся «Велия» (Vuelia — Герберштейн, Записки о Московии, 206. Сбор. Имп. Р.И.О. XXXV, 35, 42, 44 — «А на реке на Велье, близ Вилны»). Замечательно, что память о построении этой мельницы Константином Ивановичем через 100 лет совершенно исчезла. — См. суд Преч. собора с Гедройцем в 1640 г. — Акты Вилен. Арх. Ком., XX, 327.

353. Акты Зап. Рос., II, 119—120.

354. Одна из сестер Константина Ивановича была замужем за Сенькой Олизаровичем. По смерти мужа она переехала с дочерью в Острог, а именья ее поступили под опеку Константина Ивановича. Выдав племянницу зв князя Романа Сангушку, а после его смерти за Вишневецкого, Острожский удержал именья ее за собой, очевидно, выплатив Сангушке и Вишневецкому деньгами...

355. Литов. Метр. Книга Зап., IX, 224. Замечательно. что король, дав 15 сентября эти имения Сангушке, 16 сентября писал к Константин Ивановичу о том, что просьба его относиттельно племянника исполнена. — Ibid 127./

356. Arch. Sang. III, 133—134. Акты Ю. и Зап. Рос., II, 128—129 — год 1517 — здесь выставлен неправильно, т.к. не соответствует ни индикту, ни событиям, — в конце 1516 года Роман уже был убит (...). Характерно, что в Архиве Сангушков грамоты датируются 2—3 днями раньше, чем по метрике. Очевидно, что туда грамоты заносились позже выдачи их и ставилось число вписки, а не выдачи.

357. Wapowski, Seriptores rer. Pol. II, 144, 147; Stryjk. II, 391; Bielski, л. 297. Последний привносит в рассказ об этом набеге интересную подробность: небольшой татарский загон, всего из 200 человек, был разбит около Вишневца, но эти 200 были вооружены «как будто немцы», — значит борьба становится труднее и рассказы Михалона Литвина о вооружении татар только нагайками и ремнями носят довольно густую поэтическую окраску. (...)

358. Акты Ю. и Зап. Рос. II, 145—146. Boniecki, Pocz. r., 233.

359. Arch. Sang. III, 152—153.

360. До Венского съезда 1515 г. император послал в Москву посла который имел наказ вредить Литовско-Польскому государству. Когда же состоялось примирение Максимилиана с Сигизмундом, в Москву был отправлен из Вены новый посол, Валтасар Одер, которому были даны совершенно противоположные инструкции. Речи Одера показались боярам подозрительными, его сочли литовским шпионом и посадили под стражу. Император принужден был послать третьего посла для выяснения дела и освобождения Одера. Bielski, л. 297.

361. Сборник Рос. Имп. Ист. Общ., XXXV, 525.

362. П.С.Р.Л., IV, 290; Архан. лет., 182. В 1515 г. набег из Пскова под начальством Сабурова, сожжение Браславского посада, Друи, опустошения около Иказани /Иказни/; затем набег на Рославль — того же Сабурова.

363. Герберштейн. Записки о Московии, II—III стр. предисловия.

364. Уездный город Псковской губернии.

365. П.С.Р.Л., IV, 291—292 говорит, что в войске Константина Ивановича были: «Чахи, Ляхи и Угрове, Литва и Немцы, от цысаря короля Максимьяна Римскаго быша мудрые люди, ромистры, архитыхтаны, аристотели, да иных земель много, Мураве, Мозошане, Волохи и Сербове и Татарове» (...) Никонов. лет. VI, 209—211.

366. В летописи освободителем Полоцка назван «Волынец». Narbutt (IX, 134) говорит, что это Волынец — Петр Станислав Гаштольд, воевода полоцкий, писавшийся в 1498 г. воеводичем подляшским — Palatinidis, откуда и вышло Волынец (?!). Герберштейн (Зап. о Моск., 25) прямо говорит, что это был Альбрехт Мартынович Гаштольд; но он был в это время в Крыму и оттуда послал татар на московскую украйну (Памятники дипл. сношений древ. России, I, 323). Мы же думаем, что это был Константин Иванович, волынец родом и предводитель волынского войска.

367. Кузьминскую волость Константин Иванович выпросил, если судить по Arch. Sang. III, 156—158 и 161—162, но оказывается, что Кузьмин был дан Острожскому еще Александром, хотя и в держанье (Arch. Sang. IV, 3). Следовательно, Острожский только просил превратить пожизненное имение в вечное.

375. Сборник Имп. Рос. Ист. Общ., XXXV, 500—546. Интересно, что Герберштейн просил отпустить М.Л. Глинского к императору (Глинский изменил Москве перед оршанскою битвой и поэтому сидел в заключении). В просьбе было отказано на том основании, что Глинский, учась в Италии, отстал от греческой веры, а теперь хочет опять возвратиться к ней, о чем заявил митрополиту Варлааму и теперь идет расследование этого дела.

376. В начале 1519 г. Сигизмунд издал окружную грамоту Троцкому повету и, вероятно, всей Литве, о сборе «поголовщины» как крайнего средства пополнить истощенные финансы. Danilowicz, II, № 2279, стр. 294.

377. Bielowski, Mon. Pol. Hist., III, 96—97; Stryjk., II, 392; Wapowski, Script. r. P., II, 159—162; Gwagnin, Kronika, II, 90—91; Bielski, Kronika, л. 298 на обороте. Cromerus, De Origine..., 685.

381. Грушевский. Южнорусские господарские замки в пол. XVI ст. Киев, 1890; Библиотека иностр. пис. о России, I, 20—22 (отзыв Контарини). По описи Кременецкого замка в 1480 г. значатся: 4 большие пушки, 6 малых и 1 пищаль (Акты Ю. З. Рос., II, 110). Из частных замков выдавались Дубенский и Острожский. См. Волын. Епарх. Ведомости, 1880, часть неофициальная, стр. 1266.

382. Акты Вилен. Арх. Ком., XIII, 18—21.

383. Boniecki. Pocz. rod., 322.

384. Акты Зап. Рос., II, 187—188 и Danilowicz, Skarbiec, II, № 2309, стр. 301—303.

385. В 1515 г. король занял у подскарбия дворного (соответствовал министру финансов), Аврама Езофовича 4000 коп грошей под залог Брестской соляной и восковой таможни; в 1518 г. у Ю.Н. Радзивила 600 коп грошей и 300 червонцев под залог Мейшаголы; в 1522 г. у него же 3000 коп под залог Гродно и 2000 под гродненские имения и т.д. Все это делается с согласия и даже совета рады. Зельверович, Литов. Метр., стр. 19—24 и Danilowicz, II, № 2283 и 2289, стр. 295.

386. Акты Зап. Рос., II, 203—206; 216—217. Выходило, что города и жиды вместе едва выставляли 5000-й отряд. (...) /

387. Bielski, 297об. — 298.

388. Teiner. Vet. Mon. II, 408.

389. Bielski, 299; Szujski, Hist. Pol., 171; Соловьев, V, 363—364. Акты Зап. Рос., II, 131—134. Скучнейшие пересылки и перебранки посольства 1520 года. — Сборник, 547—596.

390. Соловьев, V, 364—370. Сборник XXXV, 637—641 и 727—731; Карамзин, VII, 108—119. Акты Зап. Рос. II, 131—146, и др.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Афанасий Викентьевич Ярушевич (Апанас Вінцэнтавіч Ярушэвіч) — беларуский историк и педагог, представитель школы западнорусизма.

Родился в 1867 г. в семье псаломщика Литовской православной епархии Винцента Ярушевича, который жил в Виленской губернии. Окончил церковноприходскую школу, продолжил учёбу в Виленском духовном училище (1877—1881) и в Литовской духовной семинарии (1881—1888). Последнюю окончил с отличием и был направлен в Санкт-Петербургскую духовную академию. Окончив её в 1893 г., работал преподавателем в Виленском духовном училище, в Смоленской духовной семнарии. В 1899 г. был направлен в Вильню, а в сентябре 1907 г. стал директором первой в Беларуси Молодечненской учительской семинарии. После её эвакуации (в 1915 г.) жил и работал в Смоленске. Умер в период между 1918 и 1924 гг.

В духовной академии был учеником Михаила Кояловича и Платона Жучкевича. Под их влиянием начал исследование, посвященное личности князя К.И. Острожского. Эта работа была напечатана в Смоленске в 1896 г.

Позже писал популярные исторические статьи, изучал местные археологические памятники, изучал белорусский язык. Составил словарь: 9505 белорусских слов и 12000 их русских соответствий. Также составил одну их первых белорусских грамматик (пока не обнаружена).

БОЙ ПОД ОРШЕЙ В СЕНТЯБРЕ 1514 г.

Евгений Разин,
генерал-майор, професор

Несмотря на то что в 1508 году с литовцами был заключен «вечный мир», в 1512 году война возобновилась и продолжалась около десяти лет.

В 1514 году московская рать с большим нарядом /артиллерией. — *Ред.*/ обложила Смоленск и начала осаду сильной крепости. Летописец отмечал успешные действия московского наряда. Однако предпринимаемые штурмы успеха не имели. Оборона оказывалась сильнее атаки. Через месяц осады гарнизон Смоленска капитулировал. Это был крупный стратегический успех. Однако попытка надежно его закрепить потерпела неудачу.

Развивая успех, сильная московская рать выдвинулась к Орше (100 км западнее Смоленска) и расположилась на левом берегу Днепра. Московское войско под командованием воевод Голицы и Челяднина, как определяют источники, насчитывало 80 тыс. человек, что несомненно преувеличено по меньшей мере в 2—3 раза.

В первых числах сентября к Орше подошло литовское войско под командованием князя Острожского, насчитывавшее до 35 тыс. человек (данные опять-таки преувеличены). Литовцы имели сильную полевую артиллерию.

В ночь на 8 сентября 1514 года литовская конница переправилась вплавь через Днепр и прикрыла наводку мостов для пехоты. Утром все литовское войско было уже на левом берегу реки.

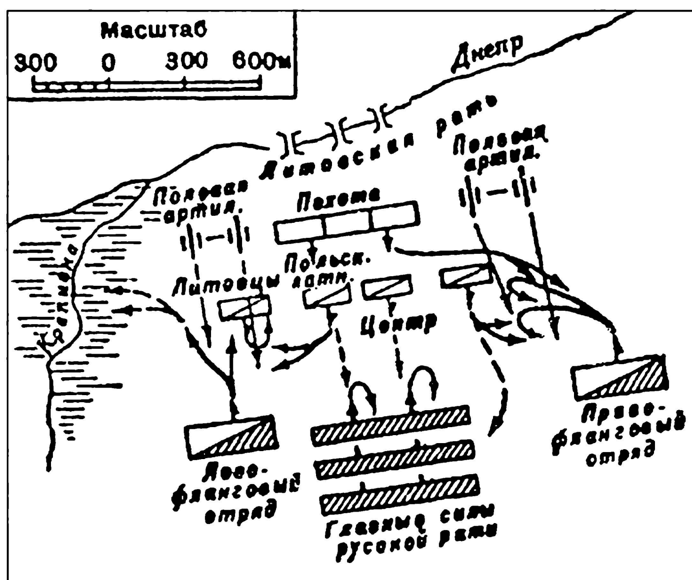
Воевода Челяднин решил не мешать противнику в форсировании Днепра и атаковать его лишь после переправы, отрезать от мостов и лишить пути отступления. Но осуществить этот замысел оказалось не так просто.

Для фронтальной атаки московская рать была построена в три линии, что позволяло постепенно наращивать силу удара. На флангах находились сильные отряды конницы, которые были расположены на некотором удалении от главных сил и получили задачу, отрезая противника от мостов, атаковать его с тыла. Общего резерва не было.

Боевой порядок литовского войска, построенный к 9 часам утра, имел две основные линии: в первой стояла конница, во второй находились пехота и артиллерия. Первая линия боевого порядка состояла из центра, правое крыло которого составляли польские латники, и двух крыльев. Литовцы организовали взаимодействие трех родов войск.

Первый этап боя — атака московской конницей левого крыла литовцев и поражение московитов.

Сильный конный отряд под командованием воеводы Голицы, оторвавшийся от своих главных сил, энергично атаковал левое крыло боевого порядка литовцев. Отряд Голицы был встречен контратакой литовской конницы с фронта и атакой польской пехоты, которая была выдвинута из резерва, во фланг. Московиты оказали сильное сопротивление, но, попав под огонь пехоты противника, не выдержали и стали в беспорядке отступать. Литовская конница под командованием Острожского перешла в преследование отряда Голицы и даже врубилась во вторую линию московского боевого порядка.

Карта Е.А. Разина из его книги «История военного искусства». Том 2. Москва, 1957 г.

Второй этап боя — атака московской конницей правого крыла литовцев и уничтожение противником левого крыла московитов.

Левофланговый отряд московской конницы успешно атаковал и опрокинул литовскую конницу. Преследуя противника, московский отряд был встречен залпом литовской артиллерии, находившейся на огневой позиции во второй линии. Вслед за этим московиты были атакованы во фланг польскими латниками, опрокинуты и прижаты к болотистой долине между Днепром и его притоком Крапивною и там уничтожены.

Третий этап боя — бой главных сил и общее поражение московского войска.

Во время боя на флангах главные силы московского войска под командованием Челяднина стояли на одном месте. Челяднин не предпринял ни одной попытки, чтобы оказать помощь своим фланговым отрядам, хотя имел в своем распоряжении три линии боевого порядка.

Легкая московская конница (реконструкция)

Челяднин решил атаковать противника, увлекшегося преследованием правофлангового отряда московской конницы. Но было уже поздно, так как главные силы русской рати были атакованы и опрокинуты польскими латниками и литовской легкой конницей.

(...)

В тактическом отношении бой под Оршей весьма поучителен. В бою под Оршей отсутствовало взаимодействие составных частей московского боевого порядка и взаимная выручка. Атаки русская конница вела разрозненно. Главные силы бездействовали до полного поражения фланговых отрядов. Отсутствовал общий резерв, который обычно решал исход боя. Не было организовано общего руководства боем.

Составные части литовского боевого порядка взаимодействовали. Для этого боя особенно характерно взаимодействие родов войск — конницы, пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, и артиллерии. Огонь пехоты и артиллерии оказался действительным при отражении атак мо-

сковской конницы и подготавливал успех контратак польско-литовской конницы.

Пушки и ручное огнестрельное оружие были еще столь технически несовершенны, что открывали огонь только с заблаговременно занятой позиции, отражали атаки, подготавливали контратаки, но не могли сопровождать огнем наступление своей конницы.

Бой под Оршей — один из первых, в котором успешно действовала артиллерия и пехота с ручным огнестрельным оружием в полевой обстановке. Здесь выявлены особенности использования артиллерии в полевом бою.

ИСТОЧНИК

Разин Е.А. История военного искусства. Том 2: VI—XVI века. Москва: Воениздат, 1957. Глава: Военное искусство в войне с Литвой и Польшей (1512—1522 гг.).

Редактор заменил в тексте слова «русское войско», «русская кавалерия», «русские» на «московское войско», «московская кавалерия», «московиты».

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Разин (до 1924 г. — Неклепаев) Евгений Андреевич (1898—1964), советский военный историк, профессор (1940), генерал-майор (1949).

С 1918 г. служил в РККА. В Гражданскую войну командир батальона, комиссар стрелкового полка. В 1924 окончил Военную академию РККА, командовал стрелковым полком. С 1929 г. преподаватель в Военной академии имени М.В. Фрунзе, с 1938 г. начальник кафедры военного искуства. С 1941 г. служил в историческом отделе Генштаба, с 1943 — профессор в Высшей военной академии. После войны до 1957 г. возглавлял кафедры в ряде военных академий.

КАРТИНА АНОНИМНОГО ХУДОЖНИКА «БИТВА ПОД ОРШЕЙ»*

Здислав Жигульский-младший

В галерее Национального музея в Варшаве выставлена батальная картина, написанная маслом на доске, размером 162 x 232 см, несколько потемневшая сверху и по бокам, но в общем, хорошей сохранности, без особых повреждений**. Она изображает битву под Оршей, в Белоруссии, на берегах Днепра, состоявшуюся 8 сентября 1514 г. между соединенными польско-литовскими силами и войском великого князя московского Василия III.

История картины плохо известна. Появилась она во второй половине XIX века в музее Силезских древностей в Бреслау (ныне польский Вроцлав. — *Ред.*), где обратила на себя внимание немецких историков искусства А. Шульца и Й. Каро, которые правильно определили тему изображения и приписали картину художнику Юргену Бреу (Breau) младшему, умершему в 1547 г., автору полотна «Битва при Заме», находящемуся в Старой Пинакотеке в Мюнхене [1].

В 1930-е годы немецкие исследователи картины Н.Й. Холст и Ц. Мюллер склонны были связывать изображение с кругом Лукаса Кранаха-младшего [2]. Это мнение разделяли также первые польские исследователи «Орши», Станислав Хербст и Михал Валицкий, в прекрасной работе, изданной вскоре после Второй мировой войны [3]. Авторы считали, что картина является работой неизвестного художника этой школы, работавшего в Кракове, и что сделана она сразу после битвы. При этом они опирались на сообщение Владислава Поцеха о том, что имелось архивное свидетельство о некоем изображении этой битвы, помещенном во внутренней галерее монастыря Францисканцев в Кракове в 1515 г.

Затем Ян Бялостоцкий поместил в «Бюллетене истории искусства» статью, в которой указал на поразительное сходство между изображенным на первом плане картины орудием и т.н. «Большой пушкой», гравюрой Альбрехта Дюрера, подписанной и датированной 1518 годом [4]. Для Бялостоцкого дело было ясно и не подлежало обсуждению: автор «Битвы под Оршей» использовал рисунок Дюрера, а из этого следует, что картина могла появиться только после 1518 г. Это утверждение подвергла критике София Стефаньская, которая провела анализ обоих изображений и определила, что оршанская пушка старше [5]. Она утверждала, что четкость изображения художником исключает возможность использования гравюры в качестве

* Эта работа была впервые оглашена 11 ноября 1976 г. на заседании Комиссии истории и теории искусства краковского отделения Польской Академии Наук. Затем — 11 июня 1977 г. на заседании комитета Наук об искусстве Польской Академии Наук в Варшаве. Ее вариант на английском языке под заголовком «The Battle of Orsha... in Byelorussia in 1514» вышел в 1978 г. в антологии «Art, Arms and Armour», изд. Acquafresca Editrice, Цюрих — Фиренце.

** Это не совсем так. Картина долгое время находилась в каком-то польском монастыре. Там ее обрезали с трех сторон (сверху и по бокам) для того, чтобы «втиснуть» в стенную нишу. — *Ред.*

основы, тогда как обратная ситуация весьма правдоподобна. Бялостоцкий, однако, не уступил, приводя новые аргументы; он не допускал мысли, чтобы великий нюрнбержец мог заимствовать мотивы у какого-то краковского художника [6].

Этот спор об орудии заслонил другие интересные элементы изображения. До сих пор не сделан систематический анализ структуры картины и не исследованы ее отдельные сцены.

Но основной целью этого исследования является не выдвижение гипотез, а выявление конкретных данных содержащихся в самом изображении, в его визуальных и временных слоях, поддающихся проверке.

* * *

Уже само восприятие и понимание смысла картины является довольно трудной задачей. На первый взгляд она состоит из хаотически перемешанных масс людей и лошадей. Обычный, поверхностный взгляд на произведение мало что дает. Только после терпеливого, систематического, длительного осмотра можно открыть задуманный порядок композиции. В ней был применен способ одновременного представления разнесенных по времени событий, способ, называемый — особенно в отношении средневековой живописи — континуационной (продолжающейся) манерой.

Ключевые моменты битвы, а также главные ее герои показаны, и по нескольку раз, в различных местах доски, гладко и логично, без каких-либо условных разделений. Картина рассматривается (считывается) справа налево, частями сверху вниз, в нескольких эпизодах также снизу вверх, хотя по мере развития битвы и увеличения беспорядка схватки эти условия правильного осмотра изменяются и даже смешиваются.

В каждом случае место осмотра этой битвы находится высоко в воздухе, отсюда перспективное уменьшение фигур и предметов к верху картины, особенно в направлении верхнего левого угла. Битва увидена как бы с воздушного шара, выпущенного с территории, занятой польско-литовскими силами.

Бялостоцкий верно отметил, что композиция основывается на правилах субъективной или эмпирической перспективы, применявшейся в северной живописи, в основном миниатюристами XV века [11]. В противоположность перспективе итальянского кватроченто*, достигаемой начертанием абстрактных геометрических линий, эмпирическая перспектива воспроизводила формы как бы отраженными в стеклянном шаре, давая искривление пространства и производя движение по дуге. Так как наш глаз воспринимает мир таким способом, потому что сам является шаром, по естественности эмпирическая перспектива превосходит итальянскую.

Низ изображения ограничен рекой Днепр видимой с северо-запада. Река течет на юг, или вдоль правого края картины в направлении правого верхне-

* Кватроченто (четыреста) — итальянское название XV века, т.е. эпохи раннего Возрождения. — *Ред.*

го угла. Верхний край картины обозначает юг — так, как на картах, рисованных в XIV—XV веках и ранее.

Такое расположение сторон света может свидетельствовать о том, что автору «Орши» не чужды были принципы традиционной картографии [13]. В то же время изгиб Днепра, соответствуя письменным свидетельствам и совпадая с существующими до сего дня топографическими реалиями, ограничивает все поле битвы. Это поле, разделенное длинным оврагом, песчаное и поросшее редким ельником; везде видны цвета ранней осени.

Как упоминалось, зрителя картины больше всего ошеломляют огромные скопища сражающихся воинов. Действительно, можно насчитать тысячи фигур людей и лошадей. Но в изображении отрядов польско-литовской стороны открывается неожиданный прием компоновки, своего рода численный модуль: группы, состоящие обычно из семи фигур либо из кратных числу семь (14, 28), причем считаются только те, у кого видно лицо; точно также и другие перечисления симметрично повторяются. Наверное, это не случайность. Может быть, здесь сказался ренессансный культ чисел или скрытая магия цифр. Не исключено, однако, что, применяя этот модуль, художник хотел найти гармонию и охватить ограниченный объем доски, на которой должен был разместить действия огромных армий.

Характерную структуру картины раскрывает систематический анализ ее путем своеобразной дезинтеграции — разделения на сцены. Всю композицию можно поделить на четыре части и 47 сцен. Очевидно, что это произвольное действие, основанное только на предположении, что подобное разделение могло подразумеваться художником (составитель сборника не имел в своем распоряжении подлинника статьи Жигульского, поэтому приведенные далее фрагменты картины не совпадают с описанием автора).

АНАЛИЗ КАРТИНЫ

Часть I: Обоз польско-литовских войск и переправа через реку

1. (верхний правый угол)

Польско-литовский укрепленный обоз. Фрагмент окруженного сцепленными боевыми повозками обоза (вагенбурга) на правом берегу Днепра, вблизи Орши. Хорошо видны две четырехколесные повозки, покрытые красной тканью, выше частично видна третья повозка, с желтым тентом. На средней повозке корзина с крышкой, с другой стороны висит фонарь. В обозе на земле лежит понтонная бочка. При повозках два стрелка с готовыми к выстрелу аркебузами, один из них в шляпе, другой в шапке; за ними пехотинец в шлеме — саладе, вооруженный «крылатой» пикой.

Систему боя с помощью сцепленных повозок, используемую на марше, в обозе, а также ввиду неприятеля поляки переняли в XV веке у чешских гуситов и довели до совершенства, так как она оказалась очень подходящей на восточных землях. Теоретически способы боя в вагенбурге исследовал Ян

Тарновский, участник битвы под Оршей, позднее великий коронный гетман, который с помощью этого способа одержал победу над валахами в 1531 г. под Обертином [15]. В случае неудачи в открытом поле укрепленный обоз служил укрытием, а в ходе боя обычно сильно охранялся из опасения атаки неприятельского отряда.

2. (ниже, на правом берегу реки).

Штаб польско-литовских войск. На первом плане князь Константин Острожский, литовский гетман, главнокомандующий соединенных сил, человек невысокого роста, с продолговатым лицом, изображенным портретно, с длинной седой бородой и вислыми усами, на голове тканый золотом чепец, подобный тому, что был у короля Сигизмунда Старого [16]. Гетман одет в пурпурную ферязь, расшитую спереди золотом, то есть он в цветах византийских властителей, на шее две золотые цепи с широкими звеньями, сапоги черные высокие, на верх стопы наложено металлическое золоченое крылышко, предохраняющее щиколотку, стремя обручное с шариком внизу, сабля венгерская золоченая, на украшенных ремнях с круглыми золотыми медальонами.

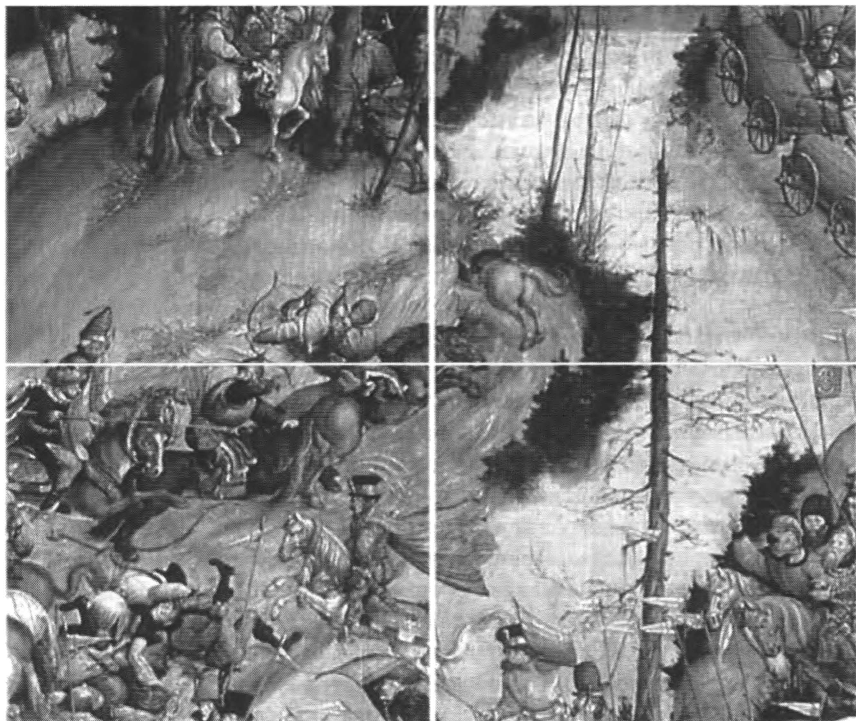

Рис. 1

Конь под гетманом булано-желтый, покрытый голубой попоной наброшенной сверху на седло и завязанной в узел на конской груди, ремни уздечки красные (хотя красный цвет в изображении частично исчез), детали упряжи золоченые. Конь в характерном для кранаховской школы видении человеческого глаза. Гетман отпустил уздечку и живо жестикулирует, указывая пальцем правой руки на поле битвы.

Острожский, родившийся около 1460 г., во время битвы был примерно в возрасте 54 лет, но выглядел старше: его старила седая борода. По современному ему свидетельству «был невеликого телосложения, но благородного сердца, всем доступный, с рыцарскими людьми щедрый, с пленными милосердный, выделявшийся среди других военным талантом» [17]. Он был из тех влиятельных белорусских магнатов, которые после унии Польши и Литвы играли большую роль в политике государства.

Во время одного из столкновений Константин попал в плен к великому князю московскому Ивану III. Вынужденный дать присягу на верность, он был послан на татар, которых победил, но вскоре после этого бежал из московского плена и отправился в Польшу, где его ласково принял король Сигизмунд. В 1512 г. он одержал большую победу над татарами при Вишневце, а через два года стал героем Орши.

В этой сцене картины с гетманом беседуют двое старших начальников принадлежащих к штабу, польский и литовский. Выдвинувшийся вперед командир имеет сарматские черты, то есть определенный физиономический тип присущий полякам: продолговатое лицо без растительности, только с усами слегка опущенными вниз. Носит род ренессансного берета и расшитую галунами делию (род плаща, подбитого мехом), правая рука поднята, с вытянутым вверх пальцем. Под ним сивый конь, сбруя позолоченная, ремни красные.

Несколько позади, видный не полностью, литовский командующий, с широким лицом, бородатый, сосредоточенно слушающий, в меховом колпаке и красной шубе.

В глубине, за гетманом и литовским командующим, знаменосец держит гетманский значок. Знаменосец, бородатый литовец, изображен в «татарской» шапке с темной продолговатой тульей и опушкой белого меха, в красной расшитой галунами ферязи. На древке с наконечником значок из красной ткани прямоугольной формы, на нем изображены золоченые гербовые знаки Острожского, внизу — Лелива, вверху — Огоньчик. Острожские, происходящие от Рюриковичей, имели изначально своим гербом Св. Георгия, убивающего копьем дракона. Но по возвращении из московского плена Константин сменил герб, взяв знаки дружественной родни, Лелевитов-Тарновских и Огоньчиков-Косьцелских.

За штабной группой видны три копья (без наконечников) с треугольными значками, имеющими на белом поле красный крест. Вероятно это значки всадников (гусары?) затемненной части картины [18].

3. (ниже, на правом берегу реки).

Отряд из 14 гусар приближающийся к переправе (модульная группа). Во главе отряда, видный наполовину, командир, с характерным широким лицом, брюнет, с черными усами и бородой, в гусарской шляпе из черного фетра, с металлическим золоченым околышем на пурпурном фоне и золоченой втулкой без пера. Доломан пурпурный, расшитый золотыми галунами, плащ-ментик подбит горностаем. Под ним каштановый конь, передняя лука седла вогнутая, в венгерско-гусарском стиле. Правая ладонь слегка поднята, с растопыренными пальцами, в античном жесте владения.

Вероятно это изображение участника битвы Юрия Радзивилла, тогдашнего киевского воеводы, отличного воина, носившего прозвище Геркулес, который (после смерти Острожского) в 1531 г. получил литовскую булаву. Ни одно из изображений Радзивилла того времени не сохранилось, только из письменных источников мы знаем, что это был человек мощного телосложения, черноволосый. Также и горностаевый плащ, видный на картине, свидетельствует о значительности этого лица.

По левую руку от командира подробно изображен гусар в полной форме. Шляпа гусара зеленовато-морского цвета с металлическими околышем и втулкой, доломан зеленовато-розовый со стоячим воротником, ментик парчовый, штаны зеленые в обтяжку, сапоги красные, до половины икр, на них металлическое крылышко предохраняющее щиколотку, шпора с длинным острием со звездочкой, стремена обручевидные с шариком внизу, пояс золоченый, на нем венгерская сабля, спереди, у седла, венгерский щит с голубым полем и золочеными краями. Конь под всадником сивый, сбруя золоченая, чепрак парчовый желтый с зелеными полосами, с красной бахромой. У коня, управляемого мундштуком, на шее хомут с кистью внизу.

Оставшаяся дюжина гусар представляет галерею сарматских типов: среди них есть лица молодых людей и людей средних лет, одни с усами и бородами, другие только с усами. Головные уборы различны: белая шляпа-цилиндр с полями (почти такие, какие затем были модны в XIX веке); цилиндрический колпак без полей, из зеленого или красного фетра, с серебристым околышем и втулкой; меховой колпак в форме сахарной головы, с металлическим околышем, надетый на белый или красный чепец (в одном случае колпак с подбородным ремешком); красная плоская шапка-мадьярка с загнутыми вверх полями, с разрезом спереди и втулкой; плоская лиловая шляпа с полями; зеленая полукруглая шапка с разрезом над лбом.

Основная одежда этих всадников — доломан со стоячим воротником, расшитый спереди галунами, штаны в обтяжку, высокие сапоги (в одном случае достающие почти до колена), каблуки с подковками.

Они вооружены копьями с довольно тонким древком, длиной, насколько можно рассчитать из общих пропорций коня и всадника, около 3 м (у многих копий нет наконечников, может быть по причине забывчивости художника),

значок треугольный, белый с красным крестом, повернутый обычно в направлении движения, сабля венгерская с широким клинком и ножнами, щит венгерский с вырезом для копья или без выреза, восточный металлический круглый щит, золоченый, с вытянутым в шпиц умбоном. Передняя лука седла вогнутая, шпоры длинные, стремена обручевые, на сапогах крылышки из металла у щиколоток, от которых не осталось ни подлинников, ни следов в иконографии.

Таких полностью исчезнувших и документированных только в нашей картине предметов много.

В польско-литовских силах того времени гусары составляли характерное конное формирование [19]. Надо напомнить, что тогда это была еще легкая конница, не имевшая, кроме щита, защитного вооружения. Она появилась в XV веке в Венгрии в период правления Матиаша Корвина (король в 1458—1490 гг. — *Ред.*), применялась для боев с турками; кроме специфических национальных венгерских черт имела много восточных, а также западноевропейских. В Польше и на Литве прекрасно прижилась с конца XV века, сперва в виде иностранных наемных отрядов, а затем уже в национальной форме.

4. (ниже, на правом берегу реки).

Отряд из 14 копейщиков приближающийся к переправе (модульная группа). Рыцари выстроены в три ряда, видны четырнадцать лиц, в дальнейших шеренгах нарисовано еще несколько шлемов; их доспехи однородны, хотя не идентичны. Всадник на правом фланге, возможно офицер, носит шлем-салад с поднятым забралом, у остальных шлемы типа армет, раннемаксимилиановские, полный доспех с выпуклыми нагрудниками, гладкими или с пальметным рифлением, седла с высокой передней лукой в виде пластины, стремена с прямыми стопами и аркобразными скобами. Их кони покрыты полными пластинчатыми бронями, с кольчужным прикрытием шеи, с шипом на налобнике.

У этих тяжеловооруженных к поясам подвешены мечи с S-образными перекрестиями, некоторые держат в руках стальные рыцарские молотки, но копий не имеют: очевидно при переправе они перевозились отдельно. Это были т.н. полукопья, не слишком отличавшиеся по весу и длине от гусарских, в связи с чем не были нужны крюки у нагрудников для упирания их концов при атаке.

Этот тип тяжелого рыцарского и конского доспеха, популярный в Сигизмундовской Польше, происходил из Германии. Частично эти доспехи ковались в местных оружейных мастерских, но в основном ввозились из-за границы. Сейчас мы условно называем их максимилиановскими доспехами, но трудно утверждать, что этот тип был установлен императором Максимилианом I. В ведущих европейских собраниях примеров таких доспехов сохранилось немного, но зато их иконография в барельефах, картинах и графике очень богата [20].

5. (в том же месте).

Командир копейщиков повернут к двигающемуся за ним отряду и одновременно к обозрению. Изображен без шлема, так как польские вожди привыкли идти в битву с непокрытой головой, не должны были, как герцог Нормандии Вильгельм под Гастингсом, срывать с головы шлем чтобы показаться своим рыцарям, обеспокоенным судьбой вождя и битвы.

У польского командира лицо мужчины в расцвете лет, волосы темные, длинные, усы опущены вниз; его конь в полных латах, с полной пластинчатой защитой шеи. Идентифицировать этого командира с полной уверенностью нельзя, это может быть либо Сверчовский, либо Самполиньский, в тот день оба вели в бой тяжеловооруженных конников.

6. (ниже).

Пехота, марширующая в направлении моста (модульная группа). Отряд состоит из командира и группы солдат, видно 21 лицо, среди них старые и молодые, гладко выбритые и усатые. Два солдата впереди толкают орудие. Усатый командир, в красной фантастической шапке, поднял правую руку вверх как бы отдавая приказ; на большом пальце руки перстень; он защищен кольчужным воротником и пластинчатым нагрудником на красной толстой суконной куртке, в левой руке держит алебарду.

Обращает на себя внимание большое разнообразие солдатских шлемов и головных уборов: салад с открытым забралом, шлем нового типа или армет, шлем с пластинчатыми или облегченными наушами, сфероконический шлем с высокой втулкой и круглыми наушами, чешуйчатый шлем, а также венгерская шапка и черная шапка одетая на шлем, и кроме того солдаты с непокрытой головой. Одеты в кафтаны-вамсы с рукавами-буфами, зеленого или розового цвета, поверх них кирасы, наплечники, кольчужные воротники, носят щиты-павезы с выпуклыми выступами.

Среди их древковго оружия видны: алебарды, копья с крестовиной, протазаны с S-образной крестовиной, копья с крылышками с крестовиной, шила (списы) или «угреватые» пики и артиллерийские пики.

7. (ниже, на правом берегу реки, в правом нижнем углу картины).

Замок. Строение частью каменное, частью деревянное, в плохом состоянии, наполовину разрушено. В главном корпусе полукруглые ворота, крыша над ними частью снесена, по бокам две круглые каменные башни с бойницами и деревянными зубцами (это Оршанский замок. — *Ред.*)

8. (ситуация на реке, сверху).

Гусар верхом переправляется через реку. Одиночная фигура конного гусара позволяет еще раз рассмотреть все выше описанные детали одежды и вооружения этих формирований. В данном случае всадник носит черный фетровый цилиндр с расширяющейся кверху тульей, металлическим золоченым околышем и втулкой с пучком белых страусиных перьев, розовый доломан из парчи и плащ-ментик развивающийся, с длинными рукавами,

на поясе венгерская сабля, штаны в обтяжку и сапоги с длинными шпорами и крылышками у щиколотки.

Хомут украшен бунчуком, чепрак из парчи, конь сивый с гривой выкрашенной в красный цвет и выкрашенным в красное хвостом. Крашение коней было распространено в различных областях Востока, особенно в Индии, Аравии и Персии.

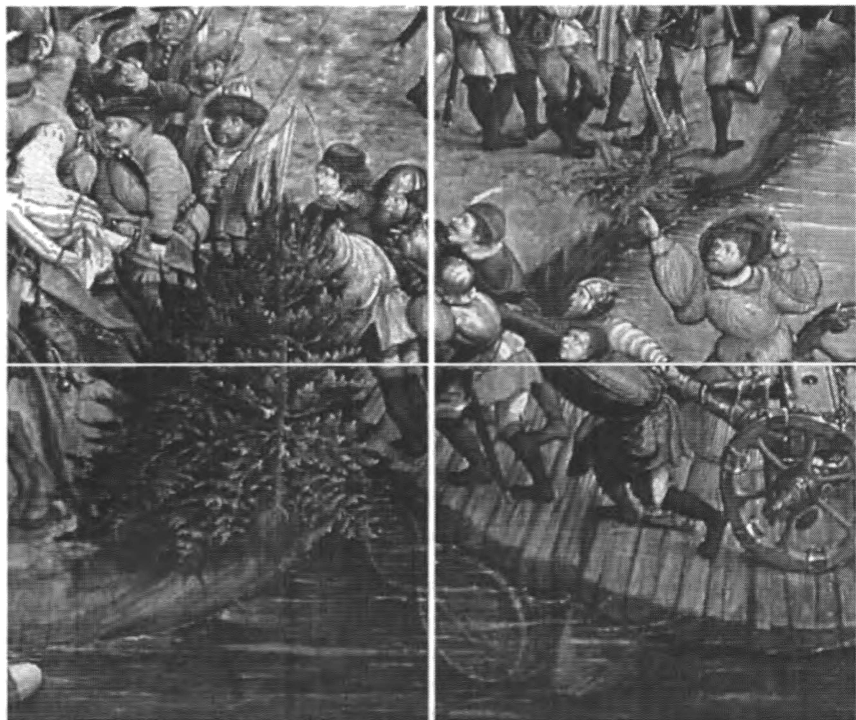

Рис. 2

9. (ниже).

Четыре гусара переправляющихся через реку вплавь, спешенные. У каждого из гусар особый головной убор: шляпа с металлическим околышем и втулкой, меховой колпак, круглая шапка, один из них без головного убора. У носящего шапку хорошо виден мягкий пояс из ткани. Все держат свои венгерские щиты высоко поднятыми, как бы защищаясь от стрел, держат также копья, но без наконечников.

10. (ниже).

Пятеро гусар переправляющихся через реку верхом. Гусары в типичном снаряжении, все в шляпах; под некоторыми шляпами видны красные либо

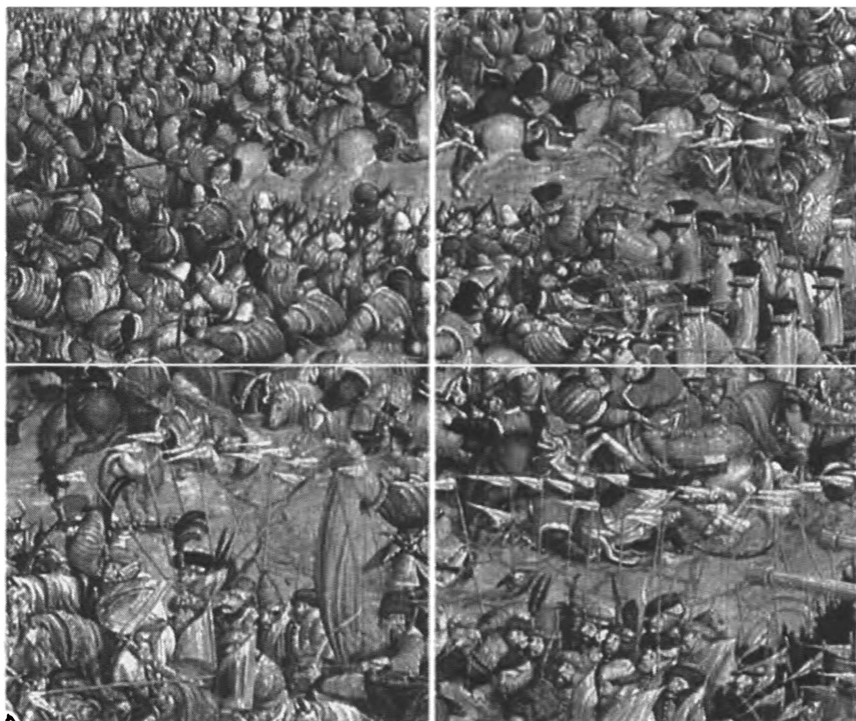

Рис. 3

белые чепцы. Они несут легкие копья с крупными, ланцетовидными наконечниками и обычными значками.

11. (ниже).

Переправа через реку пяти верховых копейщиков. Рыцари с сарматскими лицами, бородами и усами. Носят шлемы с забралами или шлемы нового типа; один из них снял шлем и несет его в руках. Кони вынуждены поднимать морды высоко над водой. Левый всадник в этой группе держит значок Радзивиллов: на квадратном красном поле три черные трубы с золотой оковкой, расположенные по кругу. Поэтому можно считать это отрядом копейщиков войска Радзивиллов.

12. (ниже).

Два офицера тяжеловооруженной конницы. Рыцарь слева носит пурпурный берет на красном чепце; можно — как кажется — идентифицировать его с Яном Тарновским, будущим великим коронным гетманом, о котором сказано выше. Его товарищ, поднявший левую руку, сидит на коне в прекрасных доспехах, украшенных выпуклыми крупными щитками в виде розеток.

13. (внизу).

Мост и орудие. Мост из отесанных бревен, связанных и уложенных на огромных бочках, держащих их на воде. Бочки частично видны через воду; одна из них, как мы видели, осталась в обозе. Эта сцена представляет решающий момент перевозки через мост тяжелого орудия — картауны. Оно изображено с большой точностью и знанием предмета: его ствол имеет тяжелое укрепление дульной и казенной части, «дельфины», блок и рычаги для регулирования угла наводки; он помещен на деревянном, четырехколесном лафете, с металлическими оковками, передком и дышлом.

Командир орудия одет по немецкой моде в красный берет, золотистый разрезной вамс на красной подкладке и черные чулки, на поясе меч. Он командует семью солдатами тянущими орудие (модульная группа), разнообразно одетыми, в шлемах, шляпах или без головных уборов, в вамсах, кафтанах, штанах и высоких сапогах, с мечами.

Само это орудие, необыкновенно похожее на пушку с гравюры Альбрехта Дюрера 1518 г., вызвало полемику между Стефаньской и Бялостоцким. Думается, что имеются три варианта решения этой загадки:

первый — что художник «Битвы под Оршей» основывал свою версию орудия на гравюре Дюрера, которая могла вскоре после 1518 г. дойти до Кракова;

второй — что Дюрер увидел эту картину и пораженный видом пушки на первом плане зарисовал ее и потом выполнил в собственной манере;

третий допускает, что оба художника пользовались каким-то третьим, неизвестным нам источником.

Несмотря на всю свою скрупулезность, исследователи пропустили несколько важных различий, имеющихся у обеих версий. Так пушка Дюрера, значительно более стройных пропорций, имеет сбоку за казенной частью ствола характерную рукоять очень подробно прорисованную, в то время как у оршанской пушки на этом месте ничего нет; во-вторых, оковки ложа оршанского орудия более многочисленны и с технической точки зрения безупречны; более того, одно из колес на гравюре Дюрера имеет семь спиц, что является абсолютно ошибочным, в то время как оршанское колесо, частично заслоненное кустом, показывает верное число из шести спиц.

Часть II. Подготовка к битве на польско-литовской стороне

14. (на левом берегу Днепра, в верхней части картины).

Три гусара или легких кавалериста, обсыхающие на берегу. Два солдата лежат на спине, у каждого щит подложен под голову, из сапог выливается вода. Третий солдат, в черной шляпе, белом доломане, зеленоватых штанах и темных сапогах со шпорами лежит на животе; на плече у него лук и стрелы у бока. На земле видны две сабли и меч с S-образной рукоятью.

15. (рядом, в глубь поля битвы).

Хорутвь легкой конницы «татарского типа» (модульная группа). Около 14 всадников, укрытых в небольшом перелеске. Их экипировка подобна гусарской, но менее определенна; они носят шапки с меховой опушкой, стожковые восточные шапки, а также мадьярки и шляпы в гусарском стиле, гусарские доломаны и сапоги с длинными шпорами и крылышками у щиколоток.

Видны шесть копий со значками (но без наконечников) и один венгерский щит. Все всадники с саблями венгерского типа, большая часть с саадаками; луки в прямых, кожаных, как бы замшевых колчанах. Доломаны перепоясаны поясами из ткани, за них заткнуты булавы, а в одном случае характерный кистень — металлический шар на цепи, имеющей деревянную рукоятку. Кони без чепраков, упряжь из красных ремней, стремена обручевидные с шариками.

16. (ниже).

Семь гусар отдыхающих после переправы и разговаривающих друг с другом (модульная группа). Это групповой портрет, во многом изокефальный*, как бы предвосхищающий групповые голландские портреты XVII века. Головные уборы слева направо следующие: белая шляпа; черная шляпа с серебряным околышем и втулкой; мадьярка с двумя орлиными перьями; черная шляпа с золотым околышем и втулкой со страусовыми перьями; шляпа на чепце со втулкой с перьями черного коршуна; черная шляпа с золотым околышем, втулкой и страусовыми перьями; мадьярка с одним орлиным пером.

17. (ниже).

Семь рыцарей копейщиков отдыхающих после переправы (модульная группа). Одни из рыцарей, с копьем, опирается о седло; к передней луке кольцом прикреплен рыцарский молоток. Другой рыцарь опирается о седло лежащее на земле, прочие стоят. Один уже в шлеме, другие пока в чепцах служащих подкладкой под шлем, двое в беретах. Копья держат в руках, мечи на боку, один опирается на рыцарский молот.

18. (ниже).

Два рыцаря-копейщика, обсыхающих на берегу. Один из рыцарей, в кирасе, лежит на животе с поднятыми вверх ногами, выливая воду из сапог, подобно тому как выше это делают его товарищи-гусары. Другой сидит на земле и натягивает сапог при помощи пришитых к голенищу петель; он в чепце, белой рубахе, широких штанах и чулках. Вокруг разложены детали снаряжения: шлем — закрытый армет, раскрытая кираса, воротник доспеха, меч и рыцарский молоток.

19. (при группе отдыхающих солдат).

Конный оркестр, состоящий из барабанщика и трех трубачей. Барабанщик в немецком уборе: носит черный берет с помпонами и золоти-

---

* Изокефальный означает равноголовый. Так называют изображение голов на одном уровне. — *Ред.*

стый вамс, в руках держит деревянные палочки с крупными навершиями, с правой стороны коня барабан с красной завесой (ближний барабан не виден).

Трубачи дуют в трубы: один в красном берете с высоким пером; другой без головного убора, в зеленом вамсе: третий, не играющий, бородач в клетчатой коричневой с желтым шапке, ядовито-зеленом доломане. Их трубы золоченые, один раз изогнутые. Такие трубы использовались во время марша для указания направления и для передачи сигналов.

20. (у моста, на левом берегу Днепра).

Группа пехотинцев открывает огонь. Пять пехотинцев видны сзади и сбоку, шестой — только частично. Три фитильных ружья подняты под углом около 70 градусов, концы стволов укреплены накладками, ложи почти до конца ствола, курки фитильных замков опускаются в направлении стреляющего, приклады ружей приложены к щекам [21]. Один из стрелков носит кирасу, другой — шлем-салад, а у пояса мешок, возможно для пуль. Все вооружены короткими мечами, у двоих разорванные ножны, без наконечников, в результате чего видны концы клинков.

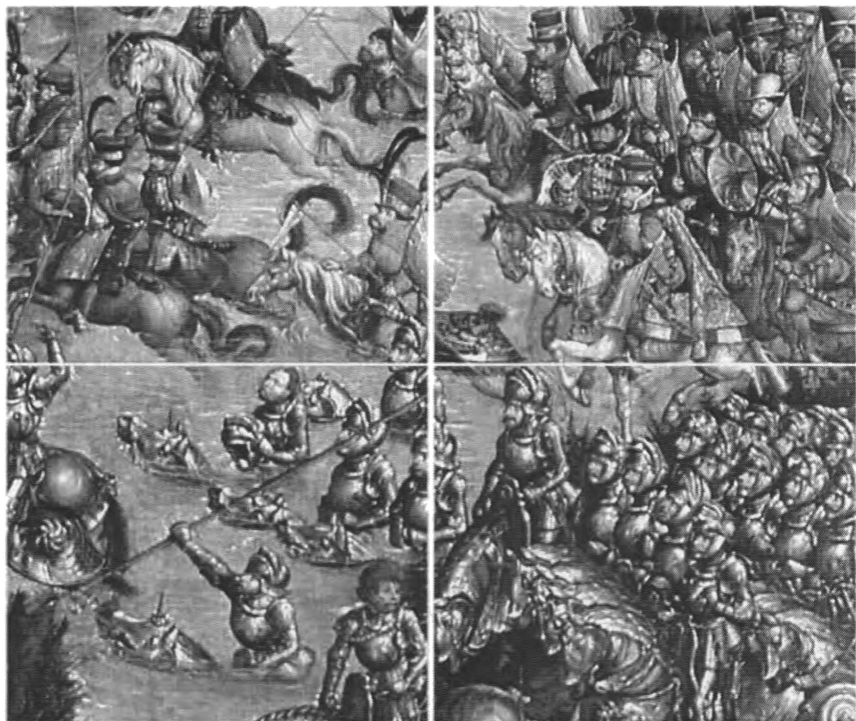

Рис. 4

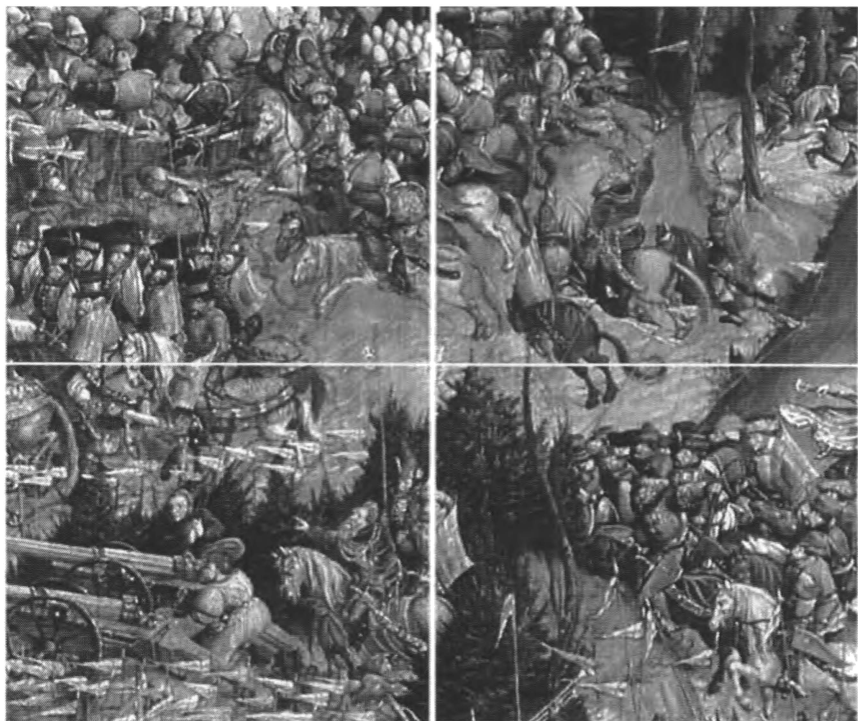

Рис. 5

Солдат, стоящий впереди группы, имеет накинутый на плечи белый плащ типа пелерины, первый справа солдат носит шляпу на чепце, красный вамс и зеленый кафтан без рукавов, а через плечо у него разновидность бандольера с емкостями для пороха в виде вереницы больших черных бусин, на поясе сзади небольшая черная грушевидная пороховница — натруска, в левой руке он держит ружье с крюком у ствола, в который пытается вложить шомпол «прибойник».

21. (справа от группы стрелков).

Автопортрет автора картины. Это один невооруженный человек, сидящий у реки среди кустов, на пне спиленного дерева. Без шапки, с темными усами и бородой, голова поднята, взгляд сосредоточен. Одет в темный вамс, желтые штаны, чулки, гражданские башмаки с расширенными носами, застегивающиеся на подошве ремешками. Правая рука поднята в жесте присущем для художника во время снятия пространства будущей картины.

Это портретное изображение, до сих пор не замеченное и не интерпретированное исследователями картины, с большой вероятностью может быть

автопортретом художника. Это означало бы, что он действительно был непосредственным наблюдателем битвы.

22. (выше группы отдыхающих рыцарей — в еловом перелеске).

Князь Константин Острожский, командующий соединенными силами, появляется в изображении второй раз (что является проявлением континуационной манеры) отдавая приказ укрытой на правом фланге войск артиллерии. Вождь в том же, что и ранее, уборе, правая рука вытянута вперед, на указующем пальце золотой перстень. При нем находятся два адъютанта в гусарской одежде, с венгерскими щитами; один из них держит значок с гербовыми знаками гетмана (как в сцене совещания штаба).

Артиллерию в засаде представляют две длинные пушки — серпентины (или фельдшланги), дульная часть длинных стволов которых усилена, внизу стволов прицелы, лафеты на колесах, концы лафетов заблокированы клиньями. Мастер, наводящий одно из орудий, очень похож на того, что руководил переправой большого орудия (картауны) через понтонный мост: у него красный берет, золотистый вамс и меч на поясе. Рядом с ним стоит канонир в чепце, зеленом вамсе, с тяжелым шомполом в руке. У лафетов

Рис. 6

видны ящики закрытые на замки, на передке одного из орудий лежит артиллерийский циркуль, на земле другие артиллерийские принадлежности: мотыга, заступ, шомпол и шуфля.

23. (ниже, почти в центре картины).

Большой отряд копейщиков. Сомкнутый отряд тяжеловооруженных рыцарей вероятно представляет главные силы конницы Самполиньского. В шеренге стоит в среднем восемь рыцарей, а таких шеренг можно насчитать пять, то есть всего около сорока всадников.

Они вооружены довольно одинаково: в максимилиановские шлемы с поднятыми забралами, полный доспех, выпуклые нагрудники с легким рифлением, копья с довольно тонкими древками и значками (повернутыми вперед), длинные мечи с S-образными рукоятями, седла с высокими луками, лошади в полных латах. Все они показаны в профиль слева, только один из них в середине отряда, повернул лицо в фас. Над ним возносится огромная красная хоругвь, одноцветная, но с обозначенными полосами; ее древко увенчано навершием. Около хоругви видны три золотистые трубы, принадлежащие отрядному оркестру.

24. (на левом фланге отряда копейщиков).

Командир копейщиков. Это тот самый старший офицер, который вел копейщиков на переправу (Сверчовский или Самполиньский), но черты его несколько отличаются, так как в этот раз он показан в три четверти с левой стороны. Он по-прежнему без шлема, в правой руке сжимает поднятый металлический шестопер с навершием из полуовальных стальных перьев, с крупным шарообразным утолщением на конце рукояти. Лошадь в полном доспехе, с пластинчатой защитой шеи, с отделкой в виде волют, блях на груди и на крупе.

Часть III. Польско-литовские части в бою

25. (в центре картины).

Польская пехота (модульные или приближенные к модульным группы).

Первая линия: семь тяжеловооруженных в схватке с московской конницей; двое на левом фланге в металлических юбках использовавшихся для пешего турнира, первый из них в армете с поднятым забралом дерется т.н. шилом или угревидным списом, другой же, в шлеме турнирном типа «бикок» [23] держит поднятой крылатую пику; последующие, между орудиями, как их прикрытие, имеют закрытые и открытые шлемы и пользуются подобным же древковым оружием.

Вторая линия: одиннадцать щитоносцев, в саладах, составляют стену из павез.

Третья линия: семь стрелков, направляющих ружья прямо; головы прикрыты вытянутыми бургундскими шлемами с гребнем, сфероконическими шлемами или чешуйчатыми шлемами.

Четвертая линия: шесть солдат заряжающих оружие, шомпола в движении; на головах стрелков шлемы и шапки мадьярки.

Пятая линия: семь солдат стреляющих «навесом», то есть под острым углом; оружие приложено к левой щеке, что является либо ошибкой автора, либо художественным приемом для показа момента прицеливания; головные уборы различные: шлемы и шапки.

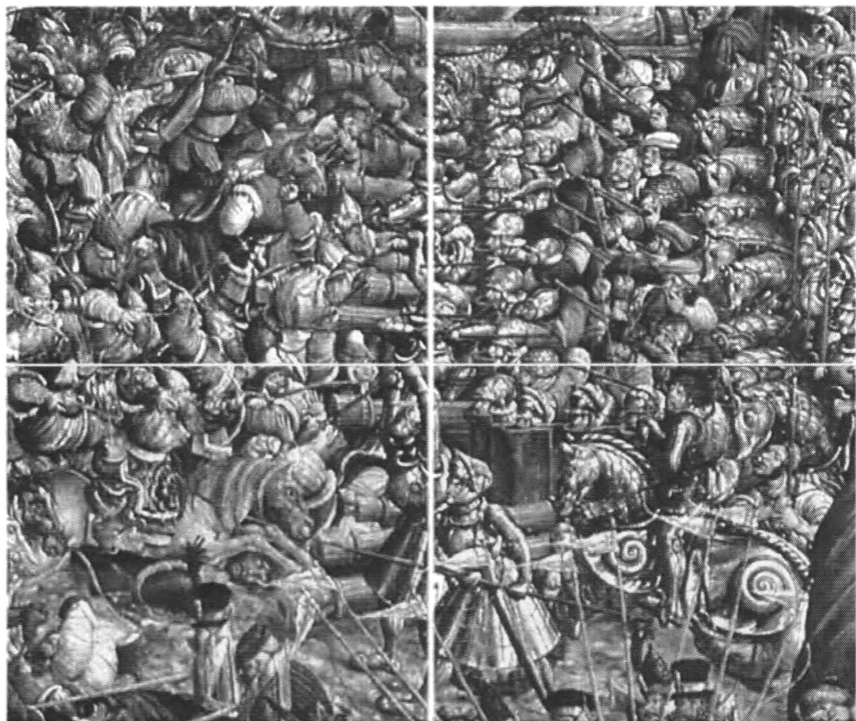

Рис. 7

26. (в том же месте).

Артиллерия первой линии. Перед строем пехоты установлены одиннадцать орудий — серпентин (или фельдшлангов) с длинными стволами и усиленной дульной частью, такие же как орудия в засаде (см. 22).

27. (выше позиции артиллерии).

Атака легкой конницы на правом фланге передового отряда. Отряд состоит из конных лучников и гусар «татарского типа», с копьями и саблями, с ассиметричными венгерскими щитами и круглыми турецкими щитами. Над отрядом красная хоругвь, которую держит хорунжий в литовском фетровом клобуке.

В верхней части этой сцены московит с саблей турецкого типа, потеряв коня, теряет в бегстве шишак. В нижней части видна серпентина с обслуживающим ее пушкарем.

28. (левее).

Гусар с саблей атакующий во главе отряда. Гусар широко замахнувшийся саблей слева из-за головы. Эту боевую позицию художник повторит еще несколько раз. Ниже гусара атакует командир отряда с поднятым шестопером.

29. (в нижней части картины).

Атака легкой конницы в нижней части передового отряда. Это такой же отряд, состоящий из конных лучников и гусар «татарского типа» (modo Tartarico), как в сцене 27. Этот фрагмент, расположенный в нижней части картины, то есть ближайшей к осмотру, отличается большой подробностью и заботой о деталях, хотя общая читаемость его невелика, так как в толчее и мешанине дерущихся легко запутаться.

Около 26 всадников атакуют в четырехугольном строю. В первой шеренге скачут гусары с копьями наперевес, один из которых в странной шапке со стоговидной тульей и поднятыми четырехчастными крыльями, с одиночным орлиным пером спереди.

Следующая четверка едет с поднятыми наполовину копьями, среди них один с круглым щитом, остальные с венгерскими щитами. Рядом с гусарами атакуют лучники, со сложными азиатскими луками, натянутыми сильно, до глаза; один показан в момент доставания лука из колчана. Бородатый хорунжий в коричневом, вероятно кожаном берете держит зеленую хоругвь с обозначенными полосами, а также со швами голубого шелка.

Всадники в гусарских уборах, в кафтанах и вамсах западной моды, пояса из металлических деталей (как позднейшие т.н. пшеворские пояса) или мягкие пояса из ткани, за них заткнуты шестоперы, кнуты, кистени. Они носят сапоги до половины икр с крылышками, гусарские шпоры, обручевидные стремена.

30. (в верхней части картины, посередине).

Атака гусарской конницы с польского правого крыла на московский полк левой руки. Отряд, состоящий из примерно 26 всадников, однообразно одетых и вооруженных: шляпы, доломаны, копья и сабли, венгерские щиты. Во главе, с правой стороны отряда, командир с шестопером в руке, рядом с ним гусар замахнувшийся саблей (как в сцене 28). Копья уставлены к атаке, в одном случае видно всаживание копья обеими руками. Атака очень быстрая. Над отрядом развивается хоругвь с Белым орлом на красном поле.

31. (в верхней части картины, с правой стороны).

Гетман Острожский отдает приказ преследовать. Гетман появляется в третий раз, в том же самом уборе, но с поднятым шестопером. Он галопом подъезжает к отряду литовских татар. Некоторые всадники повернули го-

ловы в его сторону, слушая приказ. За гетманом его личная свита: гусар и хорунжий со значком.

32. (в продолжении направления конницы гетмана Острожского).

Конный отряд литовских татар. Группа всадников в характерных высоких округлых шапках, под которыми кое-где блестят скрытые шлемы; в кафтанах и ватных куртках из толстого сукна без рукавов, с саблями и саадаками; некоторые стреляют из луков. Над ними развивается голубая литовская хоругвь. На первом плане, на сивом бахмаче, их командир в шлеме с тюрбаном из белой ткани, при сабле, с луком в левой руке.

В XV веке литовские князья в боях с татарскими ханами брали много пленных, которых селили в своем государстве, давая им со временем землю с обязанностью военной службы под литовскими знаменами. Это очень редкое, быть может единственное в живописи изображение такого формирования.

33. (далее в том же направлении).

Схватка литовских татар с московским отрядом. Это очень трудный для понимания при непосредственном осмотре фрагмент картины и объектив

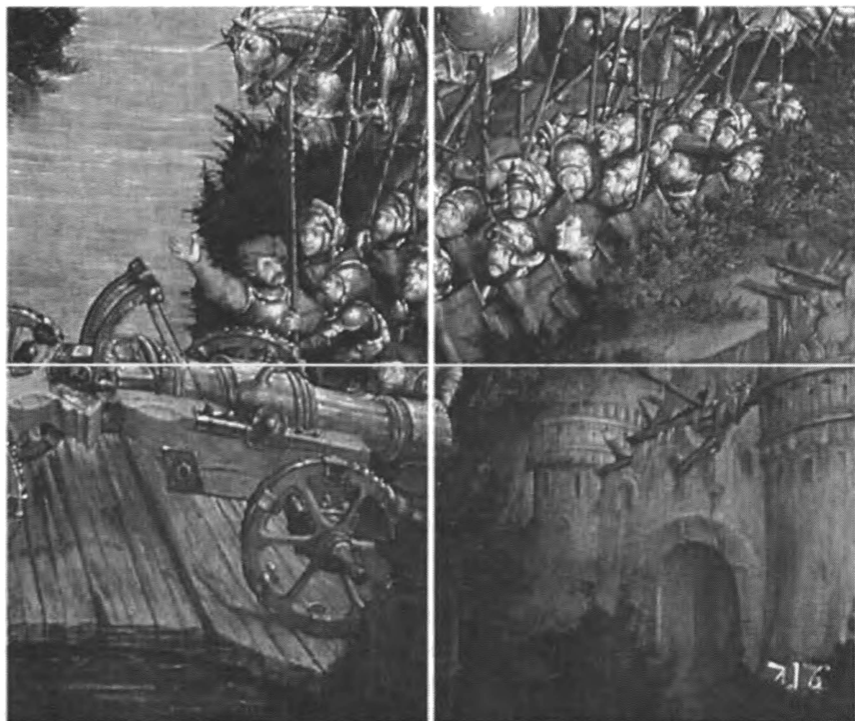

Рис. 8

фотоаппарата оказывает здесь огромную услугу. Мы видим беспорядочную схватку между московской конницей и литовскими татарами. Строй татар колеблется, падают убиlые, некоторые поворачивают коней для бегства.

Вблизи можно подробно рассмотреть описанный выше убор и вооружение татарской конницы, особенно металлические купола шлемов под белыми шапками и стеганные куртки толстого сукна на кафтанах; четко видны разница между ними и московскими воинами которых мы рассмотрим далее.

34. (в верхней правой части картины, на дороге вдоль реки).

Два гусара в погоне за московскими всадниками. Гусары с уставленными копьями атакуют трех московских всадников, первый из которых защищается саблей, двое отстреливаются из луков. У первого из атакующих гусар развевающийся розовый ментик, подбитый горностаем, у седла сигнальные бубны, т.н. ломбашки; горностай указывает на аристократическое происхождение.

35. (в верхней части картины, справа).

Командир гусар в погоне. Командир гусар в парчовом доломане, с поднятым шестопером, преследует двоих пеших противников или берет их в плен.

36. (в верхней части картины, слева).

Окруженные и погибающие польско-литовские рыцари. Посреди толпы московских всадников окруженный, раненный копейщик (слева) и раненный, но все еще сражающийся гусар.

37. (ниже).

Убитый гусар. В гуще московских воинов, в самой середине сцены, лежащий на земле убитый гусар, в черной шляпе. Это обособленный мотив, но автор таким способом дал понять, что победа потребовала жертв.

Часть IV. Московская сторона

38. (в середине картины, слева).

Большой полк. Масса около ста всадников под красной, вернее розовой хоругвью. Вид суровый, большая часть с бородами и усами, только молодые без них. В середине и на правом фланге всадники неподвижны, напряжены, готовы к битве, на левом фланге, под натиском гусар, уже в движении, поворачиваются в бегство, над этими белая хоругвь.

Вооружение и одежда московских воинов стилистически однообразны: типичный сфероконический шлем, плавно вытянутый со шпилем, а в нескольких случаях: шлем с золотым околышем внизу, шлем с завитыми каннелюрами, шлем с наушами, а вернее нащечниками; шпиль иногда с флажком, т.н. яловцем, белого цвета. Традиция таких флажков восходит к персидско-парфянскому времени. Кроме шлемов видны колпаки, белые как сахарная голова, с меховой опушкой, часто с брошью спереди.

Значительная часть всадников, бояр и детей боярских, то есть московского дворянства, носит бехтер или доспех из пластин связанных кольчужным

плетением [24]. Бехтеры, надетые на толстые, ватные кафтаны — стеганки, т.н. тегиляи, либо полностью серебряные либо имеют пластины через одну золотые. Штаны обычно белые, широкие, сапоги красные с загнутыми носками, по восточной моде, стремена обручевидные.

При бехтерах видны тут и там небольшие круглые щиты в персидском стиле, с умбоном, острием или выпуклостью. Сбруя на лошадях из темных ремней, оковки золотые, круглые.

Наступательное оружие состоит из сабель в турецком стиле, топориков в персидском стиле, а прежде всего луков, с колчанами, носящимися с правой стороны. Посадка воинов на лошадях характерна: на коротких стременах, с согнутыми ногами. Конские бока защищены прямоугольными кусками кожи, т.н. тыбинками.

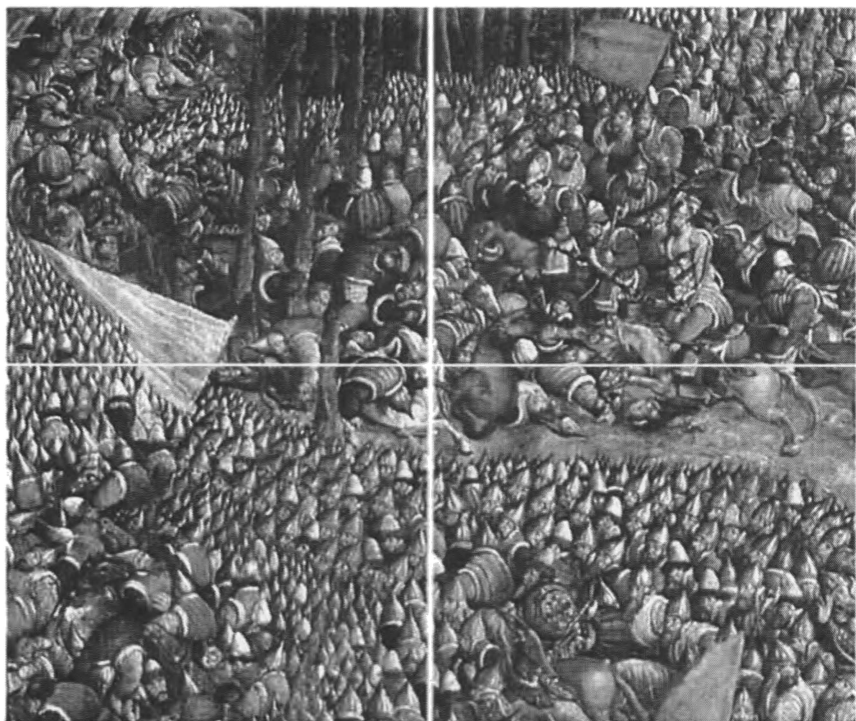

Рис. 9

39. (на правом крыле большого полка).

Командующий. На сивом скакуне, несколько впереди шеренг своего войска, это скорее всего Иван Андреевич Челяднин, которому князь Василий

Рис. 10

поручил верховное командование. У него седая борода, вислые усы, на голове большая шапка из белого фетра, с околышем из голубой ленты, с золотой брошью с рубинами и опушкой из коричневых соболей [25].

Одет в длинный парчовый кафтан обшитый внизу горностаевыми хвостами и пурпурное верхнее одеяние без рукавов, у правого бока, сзади, полный стрел колчан. Носит красные сапоги с задранными носами, шпоры с небольшими звездочками и обручевидные стремена. Левую руку поднял вверх, как бы отдавая приказ; на его большом и указательном пальцах видны перстни.

40. (перед большим полком).

Передовой полк в бою с противником. На правом крыле отряда, и немного сзади, командир в белой шапке, расшитой спереди, с меховой опушкой, в красном кафтане обшитом горностаями; под ним сивый конь, около него бояре в шлемах и бехтерях.

Всадники выстроены в длинные шеренги, две передние шеренги в отчаянной, драматической схватке: луки, с помощью большого и указательного пальца, натянуты до уровня глаза, в действии сабли, топорки, а также булава

с шаровидным навершием. Много крови, много убитых. На левом фланге начинается бегство.

41. (нижняя часть картины, слева).

Разгром полка правой руки. Большое замешательство в битве: дерущиеся, погибающие и бегущие с поля битвы московские всадники. Сброшенные в реку воины падают с коней. Один из них, в желтом кафтане и бехтере, в белых шароварах и высоких сапогах, свесившись с крутого берега вниз головой, еще сжимает в руке саблю; он уже без шлема. С песчаных берегов стекает кровь, тонут люди и кони, руки тонущих поднимаются над водой, плывут белые фетровые шапки, погружается большая белая хоругвь.

42. (в той же части картины, еще правее).

Погибающие московские воины. Дальнейшие сцены над берегом Днепра, с видом убитых и тонущих воинов.

43. (дополнение к фрагменту сцены 41).

Бегство московского командующего. Посреди сцены до половины видна фигура московского командующего, вероятно князя Михаила Голицы [26]. Представленный здесь командующий имеет широкое лицо, рыжую бо-

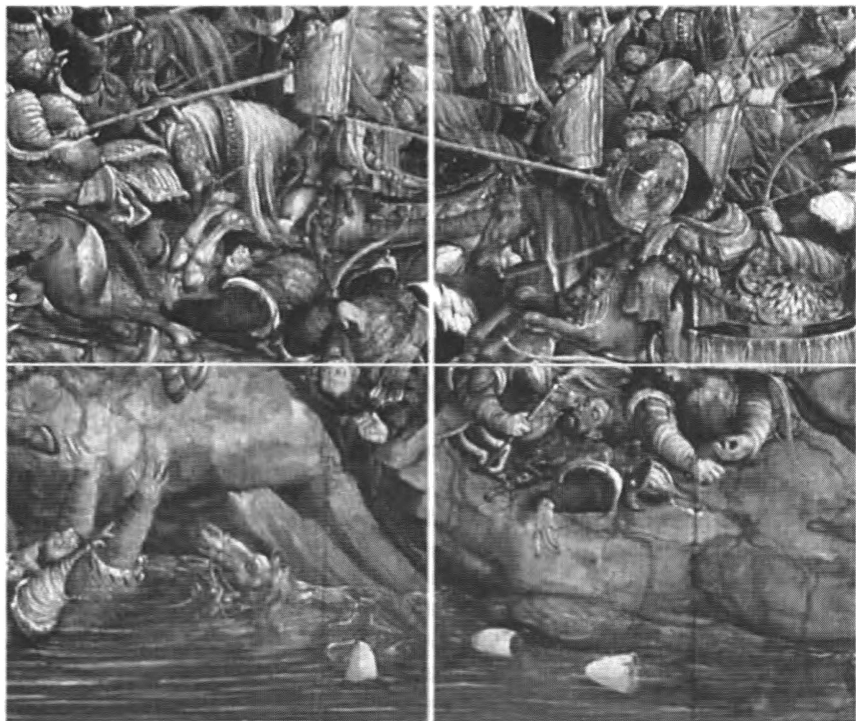

Рис. 11

Рис. 12

роду и уже знакомую нам сановную соболиную шапку с голубой лентой и медальоном. Его бегство прикрывает лучник, в прекрасной позе, стреляющий с разворота.

44. (в верхней части картины, слева).

Бой полка левой руки. Массы московской кавалерии частью еще в наступлении, частью уже в отступлении, некоторые воины поднимают руки в знак сдачи; многие погибли.

45. (в верхней части картины, с левой стороны).

Отступление большого полка и полка левой руки. Большая часть всадников показана сзади, уходящими под белой хоругвью. У леса группа тяжелораненных.

46. (в верхнем левом углу картины).

Рассеивание полка левой руки. Тяжело раненные лежат вместе с лошадьми у леса; некоторые воины прячутся за деревьями. Беспорядок и бегство.

47. (в верхнем правом углу картины).

Четверо московских всадников покидающих поле битвы. Разговаривая между собой, они жестикулируют и одновременно ищут укрытие в лесу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный детальный анализ картины позволяет нам высказаться на тему условий создания этого выдающегося творения европейской ренессансной баталистики.

Исследователи картины, Хербст и Валицкий, высказали мнение, что анонимный автор мог быть непосредственным очевидцем битвы.

Действительно, он выказал хорошую ориентацию в топографии местности, в сражающихся сторонах и важнейших эпизодах битвы, в подробностях представил прелюдию схватки, переправу польско-литовских сил через Днепр и построение обеих армий, а также ключевые фазы самого боя; изобразил портретно командующих и офицеров обеих сторон.

Ясно, что для всего этого он должен был иметь соответствующую подготовку — изобразительному искусству учился скорее всего в кругу Кранаха Старшего — также знал и свободно применял расхожие в то время приемы изображения рыцарей, солдат и битв, установленные и распространенные в работах таких мастеров как Альбрехт Дюрер, Буркмайер и Леонард Бек.

Трудно однако считать, что «Битва под Оршей» создана исключительно воображением, скорее по памяти об испытанном автором событии, или путем соединения графических материалов. Допустим, что художник выполнял зарисовки на месте, а затем быстро приступил к работе, быть может используя как модели действительных участников этой битвы с их снаряжением.

Известно, что гетман Острожский получил после битвы от короля Сигизмунда привилегию на триумф в Вильне. В это время под арками проходили отряды наиболее отличившихся в победе войск, проводили пленных в их собственной одежде, на специальных повозках везли взятое оружие [27].

Этот триумф мог быть для художника еще одним случаем для выполнения необходимых рисунков. Он с удивительной быстротой и знанием предмета увековечил одежду и вооружение, черты лиц и прически, жесты и движения, построения на поле битвы — не только главных противников, поляков, литовцев и московитов — но также солдат одетых по-немецки (тяжелая конница и артиллерия), по-венгерски и по-татарски. Он представил их всех в действии, видимых с разных сторон, стараясь в рамках живописной, заранее установленной манеры (канона) как можно вернее изобразить военную действительность.

Однако ничто не бывает без изъяна. Наш художник совершил ряд ошибок, а может быть преднамеренных изменений, отдавая дань несоответствию, которое вечно разделяет историческую правду и функцию искусства. Не вызывает сомнений то, что он был сторонником и глашатаем победителей, от них получил заказ и они платили ему золотом за выполненную работу. Он

старался добавить победившей стороне престижа и блеска, о чем свидетельствует чересчур богатое вооружение этих солдат, особенно тяжелой конницы и тяжеловооруженной пехоты: эти железные турнирные юбки, эти турнирные шлемы, популярные на полвека ранее и абсолютно неуместные на берегах Днепра.

Но и московской стороне он придал удивительные черты. Трудно поверить, чтобы вся армия имела дорогие бехтеры, шелковые и парчовые, которые имели — как известно — только высшие бояре. Вполне объяснимо также, но не соответствует реалиям войны, что смерть на картине собирает свою кровавую жатву почти исключительно на московской стороне.

Спор об орудии остается неразрешенным. Автор оршанской картины мог воспользоваться рисунком Дюрера (и тогда дату изображения следует перенести на период после 1518 г.); Дюрер мог видеть (при императорском дворе) картину, привезенную поляками на венскую встречу в 1515 г., оба могли воспользоваться каким-то другим несохранившимся образцом.

«Битву под Оршей» часто сравнивают с другими знаменитыми работами той эпохи — «Битвой Александра» Альбрехта Альтдорфера (1529 г.) и «Битвой при Заме» Юргена Бреу, но они были созданы чистым воображением, тогда как «Орша» близка к репортажу*. Она вызывает сравнения с такими славными памятниками истории как колонна Траяна, ковер из Байе или серия гобеленов с битвой при Павии в неаполитанском музее Каподимонте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Schulz A. Uber ein Gemalde wahrscheinlich von Georg Preu (polnische Schlacht aus dem Anfange des 16. Jh. // Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. t. 3, 1877, s. 180; а также Caro J. Die Schlacht bei Orsza 1514 (nach dem grossen Bilde im Museum Schlesischer Altertumer) // Там же, 1879, s. 345—353.
2. Holst N.J. Das Ereignisbild (staatliche Museen-Ausstellungsfolge «Deutsche Kunst seit Durer», № 3), Berlin, 1935; а также: Muller C. Deutsche Malerei des 16. Jh. in Schlesien // Schlesische Heimatpfege. № 11, 1935, s. 217.
3. Herbst S., Walicki M. Obraz bitwy pod Orsza. Dokument historii sztuki i wojskowosci XVI w. //Rozprawy Komisji Historii Sztuki i Kultury Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. t. 1. 1949, s. 33—68.
4. Bialostocki J. Zagadka «Bitwy pod Orsza» // Biuletyn Historii Sztuki, 1955, № 1, s. 80—98.
5. Stefanska Z. Dzialo orszanskie // Muzealnictwo wojskowe. t. 1. 1959, s. 359—366.
6. Bialostocki J. Czy Durer nasladowal «Bitwe pod Orsha» // Biuletyn Historii Sztuki, 1969, № 3, s. 276—281.

* Картина «Битва Александра» изображает сражение между войсками Александра Македонского и персидского царя Дария. Картина «Битва при Заме» посвящена сражению римлян во главе со Сципионом и карфагенян под командованием Ганнибала. Понятно. что ни о какой достоверности в обоих случаях не может быть и речи. — *Ред.*

7. Zarys dziejow wojskowosci polskiej do roku 1864. Warszawa, 1965, s. 331—336; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси. Л., 1976. Из древних российских источников, на которые любезно обратил мое внимание доктор Кирпичников, главное значение для рассмотрения битвы под Оршей имеет т.н. «Устюжский летописный свод» (М.-Л., 1950).
8. Хербст и Валицкий определяют численность польско-литовской армии в 25000 солдат, основываясь на старых хрониках Стрыйковского и Деция.
9. Устюжский летописный свод, с. 106.
10. Kaminski A.J. Dwa swiadectwa rycerskich zaslug mieszczanina zywieckiego Jana Baszty // Gronie, 1938, № 8, s. 194—196.
11. Bialostocki, Zagadka..., s. 194.
12. Этими картографическими материалами я обязан Ежи Банаху, за что сердечно его благодарю.
13. Walicki M. Malarstwo polskie. Gotyk, renesans, wczesny manierysm. Warszawa, 1961, s. 334, poz. 179.
14. Это овраг, напротив которой произошла переправа польско-литовских сил через Днепр; сравни: Herbst, Walicki. Obraz bitwy pod Orsza... S. 36.
15. Tarnowski J. Consilium rataionis bellicae. Tarnow, 1558.
16. Это изображение не похоже на черты гетмана Острожского на его надгробии в Киево-Печерской лавре, на что также обращено внимание в: Herbst, Walicki. Op. cit. S. 44.
17. Ярошевич А. Ревнитель православия князь К.И. Острожский. Смоленск, 1896, с. 219.
18. До сих пор исследователи картины рассматривали потемнение доски сверху и слева, рассуждая на тему того, что могло находится в отсутствующих частях изображения, никто однако не обратил внимания на то, что картина также потемнела и с правой стороны.
19. Zygulski Jr. Z. The Winged Hussars of Poland // Arms and Armor Annual, ed. R. Held. t. 1, 1973, s. 90—103.
20. Zygulski Jr. Z. Bron w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa, 1975, s. 151—153.
21. Nowak T. Polska sztuka wojenna w czasach Odrodzenia. Warszawa, 1955. S. 62; Konieczny K. Reczna bron palna w Polsce w XV i XVI w. // Muzealnictwo wojskowe. t. 2, 1964, s. 229—230.
22. Перед 1939 г. картина «Битва под Оршей» была использована Брониславом Гембажевским в его графических реконструкциях вида польских войск в разных эпохах; оршанские гусары были опубликованы в: Husarze, ubior, oporzadzenie i uzbrojenie 1500—1775 // Bron i Barwa, 1939; копейщики, а особенно пехота были рассмотрены в послевоенном издании: Zolnierz polski, ubior, uzbrojenie i oporzadzenie od wieku XI do roku 1960. t. 1. Warszawa, 1960.
23. Muller H., Kunter F. Europaische Helme aus der Sammlung des Museums fur Deutsche Geschichte. Erfurt, 1971, s. 92—93.

24. Bochenski Z. Bechter z roku 1580 i jego pochodzenie na tle typologiczno — porownawczym // Studia do dziejow dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. cz. 5, Krakow, 1971, s. 5—56.
25. Кирпичников. Военное дело..., с. 42, илл. 15.
26. Устюжский летописный свод, с. 106.
27. Kowalczyk J. Triumf i slawa wojenna «all'antica» w Polsce w XVI w. // Renesans, sztuka i ideologia. Warszawa, 1976, s. 293—348.

ИСТОЧНИК:

Rocznik Historii Sztuki. tom XII. Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdansk, 1981, s. 85—132.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Здислав Жигульский-младший (1921 г.р.) — польский историк и теоретик искусств, профессор Академии изящных искусств в Кракове, профессор гуманитарных наук Нью-Йоркского университета.

Его отец Здислав Жигульский-старший (1888—1975) был историком литературы, профессором университетов в Лодзи и Вроцлаве.

В 1949—75 гг. Жигульский-младший являлся куратором секции оружия и доспехов в музее Чарторыйского. В 1975—81 гг. был президентом Международной ассоциации музеев оружия и военной истории. Почетный президент Общества любителей старого оружия и флагов.

Автор нескольких книг и более 200 статей.

ПОЛЕ СЛАВЫ 1564 ГОДА

Витовт Чаропко,
писатель

Поход на Полоцк стоил Московии значительных усилий, теперь нужна была передышка*. Поэтому царь согласился на перемирие, предложенное литвинскими послами. Сначала до 1 сентября, потом до 1 ноября и, в конце концов, до 6 декабря 1565 года.

Литвины стремились использовать время перемирия с наибольшей пользой. На сейме в Вильне шляхта, паны и князья Великого Княжества Литовского единодушно высказались за оборону Отечества. Великий князь Жигимонт Август объявил сбор посполитого рушения на 21 ноября, чтобы идти в бой зимой. Опыт войн с Москвой показывал, что московиты преимущественно воюют именно зимой, когда литвинская шляхта разъезжается по домам и снова созвать их на войну трудно. Как показали дальнейшие события, это решение было правильным и неожиданным для московитов.

Царь, не добившись согласия литвинских послов — крайчего Юрия Ходкевича и маршалка господарского Григория Воловича — на признание за Московией Ливонии и Полоцка, решил силой заставить литвинов покориться. В начале 1564 года на Литву двинулись две рати. Первую, в 24 тысячи воинов, вышедшую из Полоцка, возглавил князь Пётр Шуйский, ставший любимцем царя после побед в Ливонии. А вторая, в 30 тысяч воинов под командованием князей Василия и Петра Серебряных, татарских царевичей Ибака и Кайбулы, выступила из Вязьмы. Около Орши оба войска должны были объединиться, а потом идти на Минск, Новогрудок и Вильню.

Но 26 января на реке Улла** гетман Николай Радзивилл «Рыжий» (1512—1584) с литвинским войском разбил рать Петра Шуйского. Московские источники утверждают, что литвины «безвестно» (внезапно) напали на московитов, которые не ожидали нападения, доспехи свои и снаряжение везли на санях. Якобы удар литвинов был настолько неожиданным, что царские воеводы не только не успели полки построить, но и доспехи надеть. Будто бы не было сечи, литвины разбили безоружных людей.

Однако сами участники битвы говорят иначе. Узнав о вражеской рати, Николай Радзивилл с 6-тысячным войском*** двинулся из Чашников навстречу врагу. Впереди шли хоругви Баркулаба Корсака и Романа Баки, столкнувшиеся с московским авангардом. Московиты смогли убежать и принесли

---

* Имеются в виду осада Полоцка войсками царя Ивана IV с 31 января по 17 февраля 1563 г., а также неудачный поход боярина Ивана Воронцова на Мстиславль, Дубровну и Оршу в марте 1563 г. — *Ред.*

** Улла — левый приток Западной Двины. Она вытекает из Лепельского озера. Длина реки — 123 км, ширина от 30 до 50 м. — *Ред.*

*** Такое число назвал папский легат Комендоне. Но Матей Стрыйковский уточнил, что к бою были готовы только 4 тысячи воинов, ибо пешие роты и артиллерия не успевали за конницей и опоздали к началу битвы. Поэт Ян Радван в своей «Радзивилиаде» дал характеристику «небольшое, но мощное войско литвинов».

Шуйскому весть о приближении литвинов. Шуйский приготовился к битве. Литвины вышли на Иванские поля около реки Уллы (от названия деревни Иванск, стоявшей на берегу реки)*.

Участник битвы пишет:

> «Там обачивши московские гуфы застановилися, и, сождавшимся, вси сполечне гуфы росправили».

Атаку возглавил польный гетман Григорий Ходкевич, с ним в бой пошли почты чечерского старосты Юрия Зеновича, новогрудского воеводы Николая Сапеги и князя Богуша Корецкого**: «Ихъ стерли, ажъ потомъ пошли тылъ додавати». Хотя Шуйский ввёл в сражение новые силы, Радзивилл умелыми маневрами и своевременно посланным подкреплением не дал возможности московитянам добиться преимущества ни на одном из участков битвы.

Решающим фактором победы в этом сражении стало мужество. Литвины, как писал папский легат Комендоне, «мужеством своим избили неприятеля с места, чем отняли у них возможность стрелять». И когда ночь опустилась на землю, московиты, прячась в темноте, бросились наутек. Раненого воеводу Шуйского зарубил топором какой-то крестьянин, а его тело крестьяне бросили в воду.

Таким образом, победу на Улле литвины добыли своим мужеством и воинским мастерством, добыли в жестокой битве, а не благодаря хитрости и внезапности нападения, как утверждают московские источники. Сам Николай Радзивилл так описал битву в письме к брату Николаю «Чёрному»:

> «Дело же началось с того, что московский государь, отправив посольство к нашему всемилостивейшему государю, королю польскому, пожелал воевать в землях его государства и разорить их мечом и огнём. И вот отправил он своему воеводе Шуйскому (знатному московскому князю, который был виновником всех бед Лифляндии) довольно большую помощь из Смоленска и из Псковской, Новгородской, Торопецкой и Луцкой (имеются в виду Великие Луки. — В.Ч.) земель для того, чтобы эти рати объединились около Орши. Шуйский выступил из Полоцка в воскресенье 23 января. Об этом я получил известие. Узнал и о том, что он пойдет к Улле.
>
> В это время я с моим войском стоял у Лукомля, литовского города, который находится неподалеку от Полоцка и на расстоянии семи миль от Уллы.

---

* В литературе эту битву нередко называют «второй Оршанской». Однако от деревни Иванск, находившейся южнее Чашников, до Орши 180 км, тогда как до Полоцка — 160. А Чашники — почти рядом. Поэтому правильное название Чашникская либо Улльская, но никак не Оршанская. — *Ред.*

** Кроме названных, в битве участвовали отряды земского стольника Яна Ходкевича, старосты рогачевского Богдана Соломерецкого, старосты житомирского Романа Сангушко, воеводы мстиславского и старосты браславского Юрия Остика, старосты лидского Яна Абрамовича, державца остёрского Филона Кмиты, предводителя господарского Юрия Тышкевича, каштеляна полоцкого Яна Волминского, ротмистров Баркулаба Корсака, Обороского, Панецкого, Свейковского, Стабровского, братьев Баков. Участвовал в битве и Криштоф, сын Николая «Рыжего».

И хотя, по сравнению с наприятелем, я был слаб, но стыд и позор, что пали на меня и на весь наш народ и наше имя после захвата у нас города и земли Полоцкой, побудили меня выступить против врага и близ самой Уллы встретиться с ним лицом к лицу, что и произошло в среду, 26 января, и произошло так.

Когда упомянутый воевода со своим войском вышел из леса в поле, что близ Уллы, я с другой стороны, из Луковского леса, вышел на то же поле. Кстати, он передо мной и моим войском имел значительное преимущество не только в занятой позиции, но и во всех других отношениях, чем и воспользовался. Когда я выступил из леса, уведомлённый обо всём моими лазутчиками, то он, зная о моём приближении, ждал меня на половине поля, а вторую половину отдал (да вознаградит его Бог) мне и моему войску. Стоял он спокойно и в боевом строю, не трогался с места, пока я не построил своё войско и не отдал надлежащие указания. Потом, поручив себя и войско всемогущему Богу и с твёрдой надеждой на него, начал я битву.

Скажу, что враг разбит мною до основания. Так что самого воеводу и его войско я преследовал целых пять миль и что весь этот путь был усыпан телами убитых, которые лежали друг возле друга. Мы думаем, погибло девять тысяч человек. Сам воевода, увидев поражение передового полка, побежал к Полоцку. Московские пленные сообщают, что их войско было до 20 тысяч,

однако я, как человек, который неоднократно проводил подобные наблюдения, думаю, что их стояло во главе 17 тысяч или 18 тысяч. Одним словом, по доброте и милосердию Всевышнего Шуйский побежден мною и, спасаясь бегством, оставил на поле боя весь свой обоз в пять тысяч телег. Среди наших убито не более 20 человек, но ранены от шести до семи рот. В роте князя Соломерецкого почти все ранены, то же и в роте Зеновича, сам же он ранен в голову.

Вот, милостивый господин, как все это случилось с Божьей помощью и благодаря участию пана Ходкевича. Да и я сам со своей стороны сделал все возможное...»

Из скромности «Рыжий» не расхваливал свои личные заслуги в победе. Зато их отметил корреспондент папского нунция Комендоне, который сообщил ему с места событий:

«В этом сражении, как другие, так и сам гетман Николай Радзивилл показал мужество и опытность в военном деле. Здесь он дал первый урок сыну своему Криштофу, юноше 16 лет, который выглядел совсем ребёнком».

Не меньшая слава досталась Григорию Ходкевичу (ок. 1518—1573), который был предводителем наёмников, а также его племяннику Яну Ходкевичу (1537—1579), «юноше дея-

тельному и одарённому не только большим умом, но и воинскими способностями». (Позже Ян Ходкевич станет главным политическим оппонентом Николая Радзивилла «Рыжего», а пока он под его началом воевал с врагами Отечества).

Московиты не только понесли большие потери в рядах войск, но и потеряли большинство военачальников, среди которых князья Семён и Фёдор Палецкие, А. Прозоровский, М. Одоевский, И. Захарьин, начальник пушкарей Осип Быков. В плен попали воевода Захар Плещеев, князья Василий Колычев, И. Охлябинин, И. Нароватый, И. Плещеев-Очин, стрелецкий тысячник Семейка Хохолин, многие другие знатные московиты.

Поражение Шуйского деморализовало и группировку князей Серебряных, стоявшую обозом в миле (7,5 км) от Дубровны. Этим решил воспользоваться деятельный Филон Кмита. Он подослал в московский обоз трех дубровенцев с реляцией о победе над войском Шуйского, списком убитых и пленённых воевод.

Уловка удалась. Князья Серебряные, узнав о поражении Шуйского, начали отступать со своим войском к Смоленску. Московиты были настолько напуганы, что 2-тысячный отряд Филона Кмиты и Юрия Остика, который преследовал их, они приняли за всё литвинское войско. Стремясь уйти как можно скорее, московиты бросили на Смоленской дороге свой обоз в 25 тысяч телег с припасами и оружием, а также 6 тысяч лошадей*.

Многотысячная рать, собиравшаяся добыть царю Литву, превратилась в толпу трусов, без оглядки бежавших от кучки смельчаков. Вера в непобедимость своих полков покинула Ивана IV. Царю уже виделись заговоры, на-

* Современник свидетельствовал: «Оршанцы поведають, иж такое великое добычи и при великой битве Оршаньской не взято».

правленные против него. Полетели головы виновных и невиновных. В ужасе кинулись спасаться из Московии виднейшие люди, и среди них любимец царя князь Андрей Курбский*.

Чтобы удержать трон, царь Иван окружил себя головорезами без души и сердца. На Московию опустилось кровавое иго опричнины. Напуганный поражением под Уллой, царь так и не решился повторить поход в Литву.

В это же самое время на Варшавском сейме «панове ляхове дивными а розными претекстами хотели жеби Литву у кабалу записали и у вечную неволю собе нас взяли», как отметил неизвестный участник ульской битвы. Но победа под Уллой сорвала планы поляков по превращению Княжества в часть Короны. Литва не стала на коленях проситься в Польшу.

Николаю Радзивиллу, воспринявшему сдачу Полоцка как собственный позор, победа на Улле дала возможность без стыда смотреть в глаза соотечественникам. А они были благодарны ему за подвиг. Поэт Ян Радван превознёс подвиг «Рыжего» в поэме «Радзивиллиада», где гетман показан эпическим героем, защитник Литвы, главой мужественных воинов, жаждущих идти за ним «путём доблести тяжёлым к славе... сквозь огонь, вражеское оружие, сквозь трудности»**. Своей горячей речью Радзивилл воодушевляет их биться с войском Шуйского:

Здесь — а не где-то — для нас наиважнейшее дело.
Видите сами, кого так преследует гневно наш князь, полный ярости.
Стань во главе нас — с тобою пойдем на восток и на юг мы,
Биться бесстрашно. Граждане! Предстоит нам сражаться
С диким народом: у них ни законов, ни веры, ни мира —
Только насилье без меры и жажда убийства... Не дайте ж
Края родного и деток своих в поруганье московцам,
Гонор великой Литвы защищайте теперь, заклинаю вас
Горем Отчизны, слезами ее, разореньем... Не позвольте
Родину нашу сгубить, ужас позора скорей отведите от её врат!
Своей пламенной речью гетман вдохновил воинов на победу:
О, вождь Литвы, ты спаситель, с тобою отчаянью
Мы не сдадимся. Ты покровитель наш, наилучший из лучших.
Стань во главе нас — с тобою пойдем на восток и на юг мы,
Даже к племёнам тем диким, в страну без закона и Бога.

В поэме описано, как во время сражения Радзивилл руководил войском и «воинам дух поднимал и настрой своей громкой командой». А после бит-

* Перед побегом А. Курбский вступил в тайную переписку с Н. Радзивиллом «Рыжим» и через него получил от Жигимонта Августа гарантии неприкосновенности.

** Свою поэму «Радзивиллиада» (Radivilas, sive de vita) Радван написал на латыни. Она была издана в Вильне в 1588 г. — *Ред.*

вы перед ним явился призрак Витовта Великого, вещающего Радзивилу, что тот — «надежда литвинов и светоч надежный державе, способный к жестоким решениям, чтоб кончить сомнительное дело». Таким образом, Николай «Рыжий» представлен в поэме как продолжатель победных традиций Витовта. Именно поэтому он призывает во время битвы: «Эй, помогай, сила предков!»

Улльская победа прославила имя Николая Радзивилла «Рыжего» по всей Европе. Его гравированный портрет и биография были помещены в изданной в 1601 году по заказу австрийского эрцгерцога Фердинанда «Книге о знаменитых воинах».

После поражения на Улле под Чашниками московиты до конца Ливонской войны (ее завершило в 1582 году Ям-Запольское перемирие) избегали сражений с литвинами в открытом поле. Литвинский летописец отметил:

> «А так москаль сидел тихо от того часу».

ИСТОЧНИК

В. Чаропко. «Геркулес, Рыжий и Перун: Радзивиллы-победители». Минск: «Харвест», 2014.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Витовт Чаропко (1961 г.р.) — автор ряда книг, посвященных истории Беларуси. Среди них «Храм без бога» (1992), «Імя ў летапісу» (1994), «Гісторыя нашага імя» (1995), «Уладары Вялікага княства» (1996), «Лёсы ў гісторыі» (2005), «Великий князь Витовт» (2010), «Великие князья великого княжества» (2012), «Геркулес, Руды і Пярун: Радзівілы-пераможцы» (2014), «Героі паўстання 1863 года» (2014).

ОХОТА НА «ОРШАНСКИЙ МИФ»

Александр Казаков,
кандидат исторических наук

Издание, которое рассматривается:
А.Н. Лобин. «Битва под Оршей».
Санкт-Петербург, 2011 год, 264 страницы.

Оршанская битва 1514 г. — одна из специфических страниц отечественной истории. С одной стороны, событие является общеизвестным. С другой стороны, как это иногда бывает с событиями такого рода, она не подвергалась основательному изучению в беларуской историографии. Вообще, военная история эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени в Беларуси представлена у нас разве что персоной Юрия Бохана, который исследует вооружение, тактику и структуру войска. Соответствующее направление значительно лучше развито в России. Потому не удивительно, что первой критической работой о Оршанской битве мы обязаны российской историографии.

Автор монографии Алексей Лобин ставит своей главной задачей разрушение «оршанского мифа» и создание объективной картины событий (с. 212 в его книге).

Неоднократно на страницах своей книги он критикует непрофессиональный подход в освещении именитой битвы, отмечает господство идеологических штампов и политическую ангажированность беларуских «национально ориентированных» авторов, прославлявших блестящую победу над врагом-московитом. В частности, Лобин пишет, что призывы возродить традицию празднования битвы звучат даже из уст историков, имеющих ученые степени. Причем среди последних он называет Николая Ермоловича и Владимира Орлова! (с. 5—6)**.

Место событий прошлого в исторической памяти народов, распространение мифов (например, про едва ли не победу российской армии в Бородинской битве 1812 г.) и их эксплуатация заинтересованными кругами — это отдельная тема, которая выходит за пределы собственно исторического исследования. В рамках же данной рецензии попытаемся оценить саму научную ценность работы Лобина. Автор предлагает и защищает два основных тезиса:

1) численность московского войска на оршанском поле была значительно меньше 80 тысяч, как это принято считать***;

* Из журнала «ARCHE Пачатак», 2012, № 5, с. 88—97. Перевод А.Е. Тараса.

** Н. Ермолович (1921—2000) и В. Орлов (1953 г.р.) — литераторы, не имеющие ученых степеней и званий. — *Ред.*

*** Обоснованию этого тезиса он уделил основное внимание (треть книги), используя для этого разнличые аргументы. — *Ред.*

2) Оршанская битва не имела того политического и стратегического значения, какое ей приписывают.

Сравнительно небольшая монография (210 страниц авторского текста без учета примечаний и иллюстраций. — *Ред.*) посвящена не только самой оршанской битве, но и всей войне между Великим Княжеством Московским и Великим Княжеством Литовским 1512—1522 гг., которую предлагается называть «Смоленской войной» (с. 22). Кроме подробного описания и анализа боевых действий, автор также останавливается на состоянии вооруженных сил обоих государств, тактике и вооружении войск.

Большой заслугой Лобина является привлечение широкого круга нарративных и документальных источников, в том числе материалов так называемого Тайного прусского архива* и даже сообщений венецианского историка Марина Санута Младшего. Необходимо отметить, что некоторые источники используются для изучения войны 1512—1522 гг. впервые.

Автор последовательно рассматривает два неудачных похода на Смоленск великого князя московского Василия III, кампанию 1514 года и боевые действия 1515—1520-х гг. За исключением внешнеполитического значения Оршанской битвы, невоенные аспекты конфликта почти не затрагиваются. Несмотря на это, на сегодняшний день монография Лобина — наиболее основательное исследование самой длительной войны между Москвой и Вильней периода конца XV — первой половины XVI ст.

Если говорить о новациях, то надо упомянуть предложенную автором версию диспозиции сил Великого Княжества Литовского на оршанском поле. Лобин убедительно доказывает, что поляки заняли левое крыло, а великокняжеское посполитое рушение — правое, не наоборот. Однако размещение Лобиным артиллерийской засады не на краю правого фланга, а между правым флангом и центром, достаточно дискуссионно.

Новаторской особенностью исследования является попытка автора выяснить количество сил с обеих сторон в отдельных воинских операциях. При этом Лобин применяет собственную методику, о которой будет сказано ниже. Нельзя не отметить довольно оригинальный подход к расчету количества участников безуспешного штурма Смоленска в 1513 году. Перед атакой Василий III выдал своим ратникам 3 бочки пива и столько же бочек вина. Этого им хватило чтобы напиться «допьяна». По мнению автора, достичь такого состояния можно было, употребив 1,5 литра пива и 1,5 литра меда на каждого. Исходя из объёма тогдашней бочки исследователь называет количество участников штурма — не более 1 тысячи человек (с. 46—47)**.

* На наш взгляд, он не имеет того значения, которое придает ему Лобин. Главное, что более всего импонирует автору в материалах этого архива — сведения о количестве войск. — *Ред.*

** Невольно возникает вопрос, не такой ли анекдотичный «метод» был применен Лобиным и при подсчете численности войск противоборствуюших сторон? — *Ред.*

Однако в центре внимания Лобина находится принципиальный вопрос о количестве войск, встретившихся 8 сентября 1514 года под Оршей. Одним из важнейших результатов исследования является сокращение численности войска Великого Княжества Литовского с широкоизвестных 30—35 до приблизительно 12 тысяч человек (с. 135). К такому выводу автор приходит в результате сопоставления документальных и нелетописных нарративных источников, заслуживающих доверия. Среди последних — списки рот наемников с указанием их точной численности, решения великого князя Сигизмунда Старого и радных панов о сборе шляхетского ополчения, а также сообщения современников.

Войско под командованием князя Константина Острожского состояло главным образом из следующих контингентов: наемная кавалерия и пехота, надворная хоругвь (тоже наемники), добровольцы из Польши и посполитое рушение. Именно последняя категория плохо поддается подсчету. Выводы относительно ее численности основываются на списке адресатов письма Сигизмунда Старого с приказом о сборе ополчения и сообщениях о том, что шляхта съезжалась на войну очень медленно. Показателем этой медлительности, кроме сообщений современников, по мнению Лобина служат три дворянских реестра (списки дворян Сигизмунда Старого): два от 15 июня и один от 18 июля 1514 года. (с. 128—129)*.

Здесь исследователь ошибается, так как не видит разницы между собственно дворянами великого князя и вообще шляхтой, обязанной служить на войне. В двух из трех реестров перечислены имена дворян с указанием числа воинов, которых они выставляют, а также суммами денег на их содержание. Но ведь известно, что шляхетское ополчение должно было определенное время с начала сборов само себя содержать. Кроме того, как видно из аналогичного документа от 1509 года, далеко не все дворяне имели поместья** и, соответственно, не были обязаны участвовать в обороне земской. Очевидно, что двор великого князя как круг его личных слуг мобилизовался на войну за счет казны. Лобин даже отмечает, что в реестрах фигурируют особы из тех земель, которых приказ о сборе ополчения не касался (с. 236, ссылка 296).

В отличие от войска К. Острожского, достоверных сведений о количестве участников Оршанской битвы с московской стороны источники не сохранили. Тем не менее, Лобин попытался его определить.

В то время в Великом Княжестве Московском шло активное формирование поместной системы. Суть ее заключалась в следующем. Феодалы («по-

---

* Встает вопрос, а каким образом автор измеряет эту медлительнось сбора войск в численном выражении или только предполагает и определяет «на вскидку» численность «посполитого рушения», которое оказалось утром 8 сентября на Оршанском поле? На каком основании мы должны доверять автору и его достаточно странной методике подсчета (тем более с учетом предварительной заданности и сильного желания уменьшить пропорции и численность войск). И почему мы должны не доверять другим историческим документам? — *Ред.*

** Lietuvos Metrica. Kn. 8 (1499—1514) / Parenge A. Baliulis ir kt. Vilnius, 1994. L. 163—166.

мещики») наделялись землей в условное владение («поместье»). За это они обязаны были нести воинскую службу. С течением времени сформировались местные (городские) корпорации помещиков. В них входили феодалы (в основной своей массе — «дети боярские»), имевшие оседлость в определенной местности. Например, если мы говорим о коломенской служилой корпорации, имеются в виду дети боярские, владевшие поместьями в Коломенском уезде.

Каждый помещик должен был служить на коне и выставлять в войско определенное количество воинов (боевых холопов), соответствующее размерам его владений. Поместная конница была основой вооруженных сил Великого Княжества Московского в XVI веке. Своего расцвета поместная система достигла при Иване IV. Именно в это время источники фиксируют количественный состав местных корпораций, а также нормы службы.

На начало же XVI века такие данные вообще отсутствуют. Потому численность московского войска, как общая, так и в каждой конкретной корпорации, является дискуссионным вопросом.

Основой для подсчетов Лобина стал очень ценный источник — реестры пленных москвичей в Великом Княжестве Литовском, которые находятся среди материалов Метрики*. Эти документы представляют собой перечень имен пленников, как живых, так и умерших. В большинстве случаев присутствует информация о месте захвата пленника, в меньшинстве — о его принадлежности к определенной служилой корпорации. Всего сохранились 4 таких реестра: 1518, 1519, 1525 и 1538 гг. Кроме того, Лобин использует еще один сходный список, составленный, вероятно, сразу после Оршанской битвы. Он содержится в так называемой «Летописи Красинского»**.

Каким же образом автор определяет численность московского войска в Оршанской битве? Всего, согласно автору, в реестрах пленников упоминаются 15 городов (за исключением городов Новгородского региона). Лобин берет данные о численности соответствующих служилых корпораций за 1563—1572 гг. и получает огульно 4592 человека. Исходя из того, что в начале века величина корпораций a priori не могла быть больше, чем во второй его половине, автор считает эту цифру максимальной. Сюда добавляется примерное количество ратников «государева двора» и новгородского контингента (насчет последнего автор делает «осторожное предположение» (с. 101). Получившаяся сумма умножается на два, так как каждый помещик приводил с собой в среднем одного боевого холопа.

Автор не объясняет, почему именно такая норма взята им за основу, а только дает ссылку на работу другого исследователя (с. 103). Это весьма

* Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. 2002, с. 149—196.

** Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 17. Западнорусские летописи. Спб., 1907, стлб. 186—188.

удивительно, ибо такой показатель как количество боевых слуг, определяющим образом влияет на общую величину войска*. Наконец, к получившейся сумме добавляется произвольно взятое количество служилых татар (400—500 чел.), и в результате получается 16 тысяч человек. С учетом объективных и субъективных факторов, которые уменьшали войско, А. Лобин называет окончательную цифру: 11—12 тысяч человек имел под своим командованием воевода Иван Андреевич Челяднин (с. 104).

Предложенный метод рассчета московской армии можно критиковать на каждом этапе. Однако достаточно будет обратить внимание на исходный пункт арифметической цепочки — количество служилых корпораций, представители которых участвовали в битве. В реестрах пленных москвичей, находящихся среди документов Метрики, упомянуты 173 участника Оршанской битвы. Как было отмечено М. Кромом и А. Антоновым, эти списки неполные**. Некоторых имен, фигурирующих в реестре из «Летописи Красинского», мы среди материалов Метрики не находим. Потому эти два источника дополняют друг друга, и здесь необходима специальная работа по их сопоставлению, которую еще требуется выполнить.

Более того, в метрических реестрах упомянуты несколько десятков узников, место захвата которых не называется. Возможно, и среди них были участники Оршанской битвы. Сразу после победы Сигизмунд Старый отправил монархам европейских стран некоторых знатных московитов в качестве презента***. Неизвестно также, сколько пленников победители развезли «по иманях князских и панских» и «в еестр не хотели писати»****.

В продолжение этих рассуждений необходимо остановиться еще на двух существенных обстоятельствах.

Во-первых, в начале XVI века, когда поместная система только формировалась, сохранялось и землевладение на вотчинном праве. Трудно представить, чтобы вотчинники не были обязаны служить на войне. Но в подсчетах Лобина они вообще отсутствуют. Надо, однако, согласиться с автором в том, что упомянутый в реестре сын боярский «из Коломны родом» мог вообще не быть членом коломенской служилой корпорации (с. 98). С другой стороны, это еще больше ставит под сомнение метод подсчета величины войска по числу городов.

Оценивая численность московского плена, сам Лобин, не склонный к преувеличению, называет общую цифру в 380 детей боярских (без учета простых людей). Даже если согласиться с этим выводом (а есть и другие данные, например, около 600), то получается следующий расклад: из 380 пленников

---

* Это суждение Лобина принципиально неверно. Во время Ливонской войны служилые дворяне в Московии существенно обеднели и уже не могли позволить себе содержание более чем одного боевого холопа. В начале же века они приводили с собой по два и даже три таких холопа. — *Ред.*

** Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных…, с. 153.

*** Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 169.

**** ПСРЛ. Том 17. СПб., 1907, стлб. 188.

только 47, т. е. около 12 %, упомянуты с указанием местности (подсчеты наши — *А.К.*). Причем 16 детей боярских относятся к городам Новгородской земли. Таким образом, на остальную массу пленников приходится 31 человек из 16 городов. Лобин напрасно включает в этот список Рославль, о чем будет сказано ниже, и по неизвестной причине игнорирует присутствие детей боярских из Калуги и Тарусы (с. 99).

Надо отметить, что 8 из 16 городов представлены только одним человеком. Есть ли какие-либо основания утверждать, что среди сотен «нелокализованных» пленников отсутствовали представители других служилых корпораций? Скорей, можно допустить обратное. Приведенные выше аргументы не позволяют принять предложенную Лобиным численность поместной конницы, а, значит, и численность всего московского войска под Оршей, как хотя бы приблизительно вероятную.

Во-вторых, надо учитывать территориальную структуру Великого Княжества Московского тех времен, а именно разделение государства на уделы. Лобин называет только Стародубское и Новгород-Северское княжества. Однако существовали еще несколько уделов, которыми владели родственники Василия III. В реестре пленников упоминаются дети боярские из Волока Ламского (владение князя Федора) и Калуги (владение князя Семена). Насколько система формирования войск удельных князей была интегрируема в общемосковскую? Насколько была развита поместная система в уделах? К сожалению, Лобин не ставит этих вопросов, на которые интересно было бы получить ответы в связи с рассуждениями о численности московского войска под Оршей.

Лобин использует и другую методику определения величины войска, которая основывается на числе воевод и голов (командиров подразделений) в их подчинении. Основным источником, позволяющим реализовать этот подход, являются разрядные книги. Эта совокупность ежегодных записей о распоряжениях московского правительства по назначению лиц на военную, гражданскую и придворную службу, по отправке войск против неприятеля с сообщением направлений их движения и перечислением воевод.

Исходя из примерного числа ратников под командованием одного головы и голов под командованием одного воеводы можно определить общую величину войска, считает Лобин. Трудность в том, что в разрядных записях начала XVI века головы не фиксировались. Кроме того, размер отряда в подчинении одного головы мог варьировать от десятков до сотен. Здесь автор снова опирается на более поздние данные и исходит из чисто умозрительного тезиса о том, что в начале XVI века цифры не могли быть больше, чем спустя полстолетия. В рзультате получилось, что московское войско под Оршей составляло максимум 11—14 тысяч воинов. Этот результат, замечает автор, приблизительно совпадает с тем, что дает подсчет по количеству служилых корпораций (с. 104).

Описанные выше методы подсчета численности войска были предложены Лобиным ранее в одной из статей*. Эта работа вызвала дискуссию, во время которой высказывались как поддержка, так и достаточно существенная критика новшества. В частности, специалист по военной истории Николай Смирнов считает, что определять размеры войск в начале XVI века, исходя из ретроспективных данных о служилых корпорациях, нельзя. В начале столетия поместная система только формировалась и многих служилых городских корпораций в классическом понимании тогда вообще не существовало. Что же касается величины московского войска под Оршей, то Смирнов полагает, что цифры Лобина ближе к реальности чем широкоизвестные 80 тысяч, но считает, что выяснить истинную численность войска посредством предложенных им методик невозможно**. Более того, по мнению Н. Смирнова, без открытия новых источников вопрос о численности вооруженных сил Московского государства в XVI веке однозначно решен не будет***.

А. Филюшкин, авторитетный санкт-петербургский историк, критикует подход А. Лобина к подсчету количества войска по количеству воевод и голов. По его мнению, отсутствие голов в разрядных росписях за первую половину XVI века и большая разбежка величины отрядов в их подчинении (50—300 чел.) «во многом сводит этот метод на нет»****. Надо добавить, что относительно московского войска в Оршанской битве известно только количество воевод, причем неточно.

С учетом приведенных выше контраргументов выводы Лобина о численности московской армии под Оршей выглядят более чем сомнительно. Очевидно, что 80 тысяч — это преувеличение, которое было сознательно сделано в канцелярии Сигизмунда Старого с целью продемонстрировать величие победы и масштабность события в целом. По сходным причинам и войско Великого Княжества Литовского «достигло» 30—35 тысяч человек, что автор прекрасно продемонстрировал (с. 133—134, 166—167).

Вообще, вопрос мобилизационных возможностей Великого Княжества Московского весьма дискуссионный. По причине недостатка источников существуют разные мнения насчет численности его вооруженных сил в XVI веке. Называются цифры, которые достигают 100 и более тысяч человек. Лобин отстаивает идею о немногочисленности московских войск. Исследователь убежден, что в первой половине XVI ст. они не могли превышать огульно 20—30 тысяч человек. (с. 35—36). Автор этих строк тоже не является сторонником преувеличения размеров вооруженных сил государств той эпохи, в частности, Великого Княжества Московского. Но надо признать, что

---

* Лобин А. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009, № 1—2, с. 45—78.

** Смирнов Н.В. [Форум] // Там же, с. 122—123.

*** Смирнов Н.В. [Форум] // Там же, с. 121.

****Филюшкин А.И. [Форум] // Там же, с. 129.

вопрос о численности его войска, как общего, так и в Оршанской битве, остается открытым.

В качестве дополнительного аргумента в пользу равенства сил с обеих сторон звучат слова Лобина о том, что Сигизмунд оставил при себе под Борисовом 4 тысячи воинов. Якобы он это сделал «справедливо полагая, что выделенных сил вполне хватит, чтобы разбить 11—12 тысяч московитов» (с. 142).

Во-первых, Сигизмунд не был военачальником и вряд ли вообще что-то решал в присутствии авторитетного предводителя — Константина Острожского.

Во-вторых, по словам Лобина выходит, что Сигизмунд был уверен в том, что враг не отступит, а обязательно будет сражаться. Если даже и существовали определенные гарантии такого развития событий, то отправка сил против неприятеля по принципу паритета, да еще в столь крупной операции, выглядит какой-то несуразностью.

Единственное, на чем действительно мог настоять Сигизмунд, — чтобы ему лично для охраны (все же монарх двух государств!) оставили достаточно сил в условиях близости врага. То, как далеко вглубь территории неприятеля могли проникать московские загоны и как быстро они это делали, было хорошо известно. Потому 4 тысячи воинов давали гарантию, что не случится наихудшего в критический момент противостояния с Москвой — гибели или пленения великого князя.

В связи с предположениями Лобина о соотношении сил в Оршанской битве позволим себе еще немного рассуждений. Получается, что численность войск с обеих сторон была примерно равной. Но присутствие значительного контингента лучше подготовленных и вооруженных наемников в подчинении у К. Острожского давало ему «качественный» перевес. Почему же в таком случае далеко не худший полководец своей эпохи, обладая перевесом сил, избрал исключительно оборонительную тактику? Более того, часть артиллерии и пехоты он поместил в засаде.

Почему гетман был уверен в том, что неприятель обязательно атакует его позиции? Почему Иван Челяднин и Михаил Булгаков Голица так настойчиво делали это в течение дня порознь, даже если учесть их соперничество? Неужели московские воеводы были настолько тактически безграмотными? Причем они имели возможность отступить не принимая боя, собрать разбросанные по окрестностям загоны, соединиться с группировкой войск под Смоленском и тем самым повысить свои шансы, тем более, что К. Острожский, преследуя неприятеля, растягивал бы собственные коммуникации и терял людей отставшими. К сожалению, эти вопросы остаются без ответов.

Другой оршанский «миф» заключается в том, что после тяжкого поражения московских войск император Священной Римской Империи Максимилиан отказался от союза с Василием III, а это разрушило весьма опасную для Сигизмунда антиягеллонскую коалицию. Лобин последовательно доказыва-

ет (и тут его аргументы намного более убедительны), что Максимилиан вел двойную игру, не собираясь на самом деле заключать союза с Василием III.

Целью императора было использование последнего в своих внешнеполитических комбинациях. Альянс между империей и Москвой не имел перспектив, даже если бы Оршанской битвы не произошло, считает автор (с. 174—181). При этом остается непонятным, почему Максимилиан вообще прилагал усилия для создания коалиции, которой он на самом деле не желал.

Безусловно, необходимо более широко взглянуть на международное положение в Восточной и Центральной Европе, чтобы оценить реальные возможности и планы Максимилиана. А также ответить на вопрос: как бы это положение изменилось в случае полного поражения войск К. Острожского?

В своем заключении А.Н. Лобин утверждает, что Оршанская битва не имела никакого стратегического значения. Мол, она не вырвала инициативу из рук Москвы и не лишила ее военного потенциала. Возвращение Мстиславля, Кричева и Дубровны — единственный успех Великого Княжества Литовского, обусловленный результатом Оршанской битвы (с. 211). Нельзя не высказать принципиальное несогласие с этим тезисом. Тот факт, что с 1514 года и до 60-х гг. XVI века Москва почти не знала территориальных приобретений на западе (а потери были), сам по себе достаточно красноречив, даже если учесть внутриполитический кризис 30—40-х гг. А. Лобин как бы забывает, что виленский двор не начинал войны, не стремился к экспансии на восток и не ставил стратегической целью захват вражеской территории.

Конфликт между Вильней и Москвой продолжался еще 8 лет после битвы. В течение этого времени московским войскам не удалось захватить ни одного значительного населенного пункта. Неужели в случае полного разгрома армии гетмана К. Острожского 8 сентября 1514 года события развивались бы по такому же сценарию? Говорить, что Оршанская битва не имела стратегического значения, значить демонстрировать весьма упрощенный подход. А утверждение автора о том, что победа К. Острожского даже «не переломила ход кампании», вызывает, как минимум, удивление (с. 211). Где же тогда продолжение наступлення московских сил вглубь территории ВКЛ осенью 1514 года?

Может вызывать только сожаление тот факт, что в монографии об Оршанской битве отсутствует анализ этого события как примера воинского искусства. Даже если бы войско Великого Княжества Литовского действительно не уступало московскому числом, перед нами выдающийся образец тактического мастерства.

Во-первых, для Восточной Европы той эпохи это очень редкий случай удачного использования артиллерии против живой силы неприятеля в поле.

Во-вторых, надо отметить ту роль, что сыграла в битве пехота с огнестрельным оружием. Огонь драбов /пехотинцев. — *Ред.*/ из леса, соединен-

ный с огнем артиллерии, вызвал коллапс левого фланга московского войска, а потом и остальных полков. Это очень интересно в связи с тем, что именно в начале XVI века в Европе начался процесс, который называют «военной революцией», — возрастание роли ручного огнестрельного оружия. Поворотными пунктами в нем выступают битва при Чериньоле в 1503 году и при Павии в 1525 году.

В-третьих, Оршанская битва завершилась полным поражением московского войска. Гибель либо пленение почти всех военачальников ярко свидетельствует об этом (с. 170).

Оршанская битва.
Худ. Андрей Холоменюк

В-четвертых, даже если количественные характеристики Лобина принять как реальные, Оршанская битва останется одной из крупнейших (если не самой крупной) в истории противостояния Вильни и Москвы вплоть до разделов Речи Посполитой. Не зря уже современники стали называть ее «Великой битвой».

Монография Лобина не лишена некоторых очевидных ошибок и ряда сомнительных аргументов.

Например, в список участников Оршанской битвы включена помещичья корпорация из города Рослава (Рославля), находящегося на юге Смоленщины (с. 99), а ниже содержится описание нападения московских войск под командованием псковского наместника А. Сабурова на этот город в 1515 году (с. 186—187). Удивительно, но такое противоречие автора не смущает.

В летописном сообщении о рейде на Рослав (Рославль) очевидная ошибка. Псковскому наместнику нечего было делать южнее Смоленска, а вот совершить нападение на Бряслов /Браслав. — *Ред.*/ он мог, по пути сжегши посады «под Кажном». В последнем названии узнаем современную Иказнь, что недалеко от Браслава. Но московской служилой корпорации в Рославе в то время тоже не могло существовать: только по перемирию 1522 года город перешел под власть Москвы. Видимо, в реестре пленников переписчик допустил ошибку, написав Рославль вместо Переяславль или Ярославль.

К сожалению, Лобин, небезосновательно критикуя беларуских авторов за «эмоциональные выпады» (с. 8), сам то и дело допускает красноречивые коннотации.

Если Сигизмунд Старый преувеличивает успехи своих войск — это «типичное бахвальство» (с. 62). Однако подобное поведение со стороны московского посла характеризуется как «дезинформация противника» (с. 31—32). Акция К. Острожского под Опочкой в 1517 году «с треском провалилась» (с. 211), а вот разгром москвичей под Оршей столь сильного шума, видимо, не произвел.

В целом, монография А.Н. Лобина производит противоречивое впечатление. С одной стороны, надо отдать автору должное за привлечение широкого круга источников, новые подходы к решению важных вопросов* и некоторые выводы. С другой стороны, работа имеет существенные недостатки. Одну из основных проблем — численность московского войска в битве под Оршей — нельзя признать удачно решенной.

Безусловно, факт появления монографии сам по себе положителен: она способна вызвать дискуссию и дать новый импульс изучению войны 1512—1522 гг**.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Казаков (1982 г.р.) — ассистент кафедры Истории Беларуси и политологии в Белорусском государственном технологическом университете. В 2011 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Эмиграция знати из русских княжеств в Великое Княжество Литовское (40-е гг. XV — 30-е гг. XVI вв.)». Автор ряда научных и научно-популярных статей.

* Не всегда обоснованные и приемлемые. — *Ред.*

** Дискуссию эта монография не вызвала и новый импульс к изучению темы не дала. Ни в России, ни в Беларуси. — *Ред.*

БИТВА ПОД ОРШЕЙ — БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА, ОТ КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ ОТКАЗЫВАТЬСЯ

Елена Борель
(журналист, ЕвроБеларусь):

Нужно ли праздновать 500-летие Оршанской битвы? Как видят ее современные российские и украинские историки? Скольких на самом деле воинов было с обеих сторон и каким образом реконструировать те события?

В этом году в Беларуси празднуется 500-летие Оршанской битвы, которой гордилось Великое Княжество Литовское, а народ сочинял про нее песни. Белые пятна того крупного события не дают покоя историкам ряда государств.

Публичная дискуссия «Битва под Оршей через 500 лет: особенности национальных интерпретаций» состоялась вечером 30 мая 2014 года и явилась очередной попыткой пролить мир на тайны вокруг знаменитой битвы.

Организаторами дискуссии выступили Институт политических исследований «Политическая сфера» и Летучий университет, а прошла она в рамках Третьей Международной конференции «Войны в политической и культурной традиции Беларуси и стран Центрально-Восточной Европы».

В ролях дискутантов выступили: кандидат исторических наук Олег Дернович (Институт истории НАН Беларуси), кандидат исторических наук Александр Казаков (Технологический университет), кандидат исторических наук Алексей Лобин (руководитель группы научно-методических разработок Дворца Конгрессов, Санкт-Петербург), кандидат исторических наук Елена Русина (Институт истории Украины НАН, Киев).

В свое время Александр Казаков подготовил рецензию на книжку Лобина, так что на дискуссию пришли люди совсем не случайные.

Модератор дискуссии, кандидат исторических наук Олег Дернович:

— Я большой скептик в отношении методики поиска точного количества войск. Но, тем не менее, коллега из Питера Алексей Лобин предложил нам уяснить «верхнюю планку» тех войсковых соединений, которые могли участвовать в битве, исходя из мобилизационного потенциала регионов, откуда приходили российские полки. И он очень сильно поставил под сомнение сообщения, которые присутствуют в наших отечественных и западноевропейских нарративных источниках о количестве тех войск, что приняли участие в битве.

Кандидат исторических наук Алексей Лобин*:

— Битва под Оршей действительно была знаковым событием. Во-первых, полевых сражений в войнах XVI века не так много, сражения тогда велись с целью захвата какого-нибудь пункта или опустошения территорий.

Что касается ее национальной интерпретации, то Оршанская битва стала камнем преткновения между народами, в том числе между представителями российской, украинской, литовской, польской и беларусской историографии.

У любого историка вырастают национальные вкус и предпочтения, иногда это более заметно, иногда менее. Здесь бы я не хотел озвучивать свою версию как главную в российской историографии. Я старался изучать Оршанскую битву более-менее объективно, не знаю, насколько это получилось. И я бы предостерег исследователей от тенденциозных формулировок и определенных подходов.

Нам известно, что была битва, и в ней победили объединенные литовско-польские войска, а российские войска проиграли. Всё! О подробных обстоятельствах битвы мы знаем постольку — поскольку. Мало чего знаем о численности войск, чьих войск было больше, а чьих меньше, объективно говоря, мы не можем знать. Одни источники говорят одно, другие — другое.

О последствиях битвы мы тоже при нынешнем состоянии историографии мало что знаем. 1514 год — решающий во всей кампании 1512—1522 годов — пал Смоленск, далее война шла с переменным успехом, и все создаваемые коалиции, все события после 8 сентября 1514 года я бы не стал опрометчиво связывать с Оршанским сражением.

Да, сражение в какой-то мере могло повлиять на политические события — в частности, на заключение Максимилианом и Сигизмундом договора в 1515 году на Венском конгрессе, но нельзя говорить, что это сражение повлекло распад анти-ягеллонской коалиции и перенос спектра политики Священной Римской империи именно на союз с Сигизмундом. Последующие события — миссия Герберштейна , посредническая миссия имперских посланников при заключении военного союза России и Тевтонского ордена — показывают, что не все так однозначно.

Олег Дернович:

— В выступлении Алексея есть противоречия и, как мне кажется, очень серьезные. Сначала напомню, что в 2011 году он издал книжку по Оршанской битве, где, разумеется, досталось на орехи и беларуской историографии, и беларускому национализму, но, что самое важное, автор там предложил свою концепцию подсчетов. Рефреном в книжке звучит то, что битва — очень интересное событие, но вовсе не решающее.

* А.Е. Лобин известен своими публикациями о битве под Оршей, а также критикой резонансной книги беларуского автора Г. Сагановича «Неизвестная война: 1654—1667» и статей В. Деружинского.

А сейчас Алексей заявил, что, тем не менее, 1514 год был решающим. На самом деле, в этом пункте сошлось очень много событий, развязка которых, как мне кажется, пришлась на битву под Оршей. В этом смысле я призываю рассматривать битву не изолированно, как интересное милитарное событие, а, безусловно, в контексте той войны.

Ну, хорошо, пусть не сама битва, а те события, пиком которых стала эта битва, привели к изменению ситуации. До того Великое Княжество Литовское несло только потери — утратило Смоленск, которое оно и потом не смогло отвоевать, но дальнейшее наступление было приостановлено в результате событий, на вершине которых — Оршанская битва.

Еще один пункт, который у нас с Алексеем вызывает дискуссии, — проблематика анти-ягеллонской коалиции. Уже 15 лет тому я опубликовал статью по этой теме и готовил целый раздел в шеститомник истории Беларуси, и пришел к выводу: идея коалиции с Москвой была отвергнута императором Священной Римской империи еще до Оршанской битвы.

Но, что принципиально, я бы не рассматривал битву изолированно, ибо дипломатическая активность вокруг создания анти-ягеллонской коалиции — это часть политико-дипломатической активности, которая происходила во время войны. И, в конце концов, император изменил условия, на которые не пошел великий князь Московский, — это свидетельствует о том, что процессы на территории Центрально-Восточной Европы также не способствовали заключению коалиции.

Ну и, наконец, магия цифр — количество участников битвы — привлекает исследователей и дразнит читателей, которые ищут источник величия своих предков.

Кандидат исторических наук Александр Казаков:

— Жаль, что среди нас нет представителя Польши, ведь эта страна претендует на Оршанскую битву как на место национальной памяти. Битва научно изучалась, в основном, в Польше. Связано это с тем, что в советские времена эта тема была табу, фактически есть только одна публикация — очень короткий очерк, буквально на пару страниц. А в это время в Польше изучение битвы продолжалось, и уже существует непрерывная традиция исследования этих событий. С одной стороны, это хорошо, с другой, это очень часто закреплено неким историографическим штампом.

Большой интерес продолжает вызвать широко известная картина «Битва под Оршей», которая долгое время считалась точным источником по оршанским событиям, считалось, что автор сам присутствовал на поле, поэтому с большой точностью передал многие детали, вплоть до особенностей ландшафта.

На мой взгляд, польская историография в этом смысле если не попала в ловушку, то очень зависела от этого исторического памятника. С 30-х годов

XX века установилось мнение о том, где произошла битва, и с тех пор польские ученые определили ее место. И по многим причинам оно требует пересмотра. Долго считалось, что картина была нарисована сразу после битвы. Потом сделали анализ и выяснили возраст ее досок — в лучшем случае это 1525 год, как минимум через 10 лет после битвы*.

Многие нарисованные солдаты — не в боевом одеянии, а в парадном, турнирном, и еще много других замечаний. Встал вопрос: насколько вообще эта картина может быть достоверным источником? Но вооружение пехоты — точно вооружение первой половины XVI века, а вот нарисованные пехотинцы — в слишком идеализированном вооружении. Воины того времени были вооружены хуже.

И еще один момент: известные цифры, которые Алексей Лобин справедливо критикует, — количество войск Великого Княжества Литовского и Великого Княжества Московского: 30—35 тысяч с нашей стороны и 80 тысяч со стороны Москвы. Эти цифры вряд ли могут быть признаны близкими к истине. Это было бы слишком красиво и привлекательно в соотношении сил. В источниках цифры прописаны, но опять же, они там были сознательно завышены. И даже в 1965 году, когда специалисты Института военной истории Польши издавали краткий очерк про Оршанскую битву, который можно считать официальной позицией, цифры не стали пересматривать, оставили 30 и 80. И это переписывается из работы в работу.

Потом появился еще один польский историографический штамп — 25 и 45 тысяч соответственно. Трудно сказать, откуда он взялся. Можно только назвать публикацию, где впервые их использовали, но по какой причине, неизвестно.

Можно сказать одно: соотношение сил было серьезно в пользу Московского государства. Это событие — блестящая победа, когда полностью разбито войско неприятеля. И нельзя от этого отказываться.

Известна тенденция — завышение количества неприятеля, занижение количества своего войска, сознательное увеличение масштабов события, которое произошло в твою пользу, и уменьшение, если не в твою. Примером может служить история Великой Отечественной войны, в которой мифов и штампов — как нигде. То же самое произошло с Оршанской битвой.

Но я немного не согласен с методикой подсчетов Алексея Лобина, ведь, если по силам ВКЛ есть документы — описи наемной пехоты, наемной кавалерии, документы учета, которые заслуживают доверия, и по которым можно приблизительно конструировать численность литовского войска. Что же касается московского войска, то мы не имеем таких источников. Но историк на то историк, чтобы пытаться придумать метод для выяснения истины.

---

* А. Казаков имеет в виду дендрологический анализ древесины. Этот метод не отличается точностью, ему присуща погрешность ±50 лет. — *Ред.*

Олег Дернович:

— Мы никогда до конца этой цифры не выведем, потому что те люди считали целыми цифрами. Были сотни, тысячи, а уже десятки — редкость. Я склонен доверять пропорции, но отказываться от количества не призываю.

И если мы говорим про Оршанскую битву, конечно, нельзя забывать о центральной фигуре — великом гетмане ВКЛ Константине Острожском.

Кандидат исторических наук Елена Русина:

— Сейчас существуют попытки создания некоего национального пантеона, и это — не только внимание масс-медиа к князьям Острожским. Например, выпущена памятная монета «Семья Острожских». Очень немногие исторические деятели Украины удостаивались такой чести. Об Острожских знают как ученые, так и рядовые граждане.

Нужно сказать, что для Украины период ВКЛ важен и вызывает споры. Каждому украинцу об этом периоде что-то, да известно. Но, к сожалению, на Украине так сложилось, что литовский период — такое средневековье, эпоха темноты и невежества. То есть сначала наша «античность» — эпоха Киевской Руси, когда происходят действительно важные и интересные события, далее Киевская Русь гибнет под ударами татарских полчищ. Далее что-то непонятное происходит в истории, и эта «непонятность» длится почти 300 лет, а потом приходит казачество, которое всё берет в свои руки, возрождает традиции Киевской Руси и борется за национально-религиозные идеалы.

И период ВКЛ для общественного сознания украинцев остается потерянным. Даже для научной литературы. Наш институт готовил книгу об Украине для российской аудитории, в ней был раздел «Расцвет и упадок», посвященный Киевской Руси и ВКЛ соответственно. Упадок — это вплоть до восстания Богдана Хмельницкого.

Поэтому все персонажи этого периода не очень хорошо известны украинцам. Мифологизация и героизация касается, в основном, сына Константина Ивановича Острожского — Василия (1527—1608), который принял также имя отца — Константин. Он прославился как меценат и создатель культурно-просветительского кружка, который произвел на свет «Острожскую Библию». А Константин Иванович практически неизвестен, несмотря на его вклад в историю Украины и Великого Княжества Литовского.

БИТВА ПОД ОРШЕЙ — ВЕЛИКАЯ И «НЕИЗВЕСТНАЯ»

Сергей Борисов

(Интернет-сайт «Самиздат», 18.02.2014 г.)

История всегда подтверждает два правила. Первое — она никого никогда ничему не учит. И второе — историю всегда пишут победители. А значит, побежденный всегда будет в этом описании злобным агрессором, исчадием ада, а победитель кротким воином света и сил добра, мечтавшем лишь о том, как бы принести свободу и счастье человечеству.

Исходя из этого, при написании истории победитель руководствуется следующими нехитрыми приемами:

а) Всегда старается показать себя как сторону изначально слабую и малочисленную (в сравнении с неисчислимыми ордами закованных в броню и ощерившихся сталью врагов).

б) Всегда является жертвой коварного подлого нападения (без объявления войны, конечно же).

в) В случае, если пункты «а» и «б» могут вызвать сомнение у вдумчивого читателя, а значит, их нежелательно излагать прямо, победитель всячески стремится запутать ход излагаемых событий так, чтобы читатель отказался от попыток выстроить цельную логичную картину происходящего. Расписывая планы противника и его войска, вплоть до мелких деталей, таких как количество (включая раненых, заболевших и дезертиров), состав и вооружение, победитель обязательно упомянет, что такой армии, вооруженной по последнему слову военной техники у него не было ни в начале войны, ни впоследствии.

При этом лишь вскользь, одним-двумя предложениями, не вдаваясь в подробности, победитель напишет о себе (подробно будет написано только в том случае, если надо показать свою неподготовленность к военным действия и свои мирные намерения) или совсем «забудет» написать про собственную армию, ее численность, состав, вооружение. Если же победитель напал первым, то он вряд ли посчитает нужным об этом писать, в крайнем случае, напишет, что «наши войска были вынуждены атаковать противника, так как он что-то такое замышлял против нас, поэтому мы были просто вынуждены на него, противника, напасть». Значит, это уже не нападение, а защита.

А самое главное, кто оспорит слова победителя? Побежденного в живых давно нет, а робкие попытки опротестовать даже не итоги войны, а ее ход, отдельные битвы, будут тут же жестко пресечены вопросом, — вы что, оправдываете и защищаете зло? Зло, конечно же, никто в здравом уме защищать не хочет, на то оно и зло, чтобы с ним воевать, а посему подобных попыток

сказать или написать что-то вразрез со словами победителя практически не бывает. Во всяком случае, в стране-победительнице.

Что же касается мнений в других странах, существенно отличных от того, которое имеет победитель, у соседей победителя, то они, само собой, непрофессиональные, заказные, являют собой попытку фальсификации истории, чтобы принизить роль воинов света в их бескорыстной попытке принести счастье и процветание на отдельный участок земли, который освобождал в своей священной борьбе победитель. Такие попытки «защитить» историю ведут в итоге к тому, что правда еще больше скрывается под завалами идеологических штампов, нагромождений ура-патриотических речей. Но победителям правда и не нужна.

Поэтому для того, чтобы получить более или менее целостную и по возможности правдивую картину прошлого, необходимо ознакомиться с тем, как тогдашние события интерпретируют в соседних странах, а также проигравшая сторона (если она может себе такое позволить). Только на основе всестороннего изучения фактов и мнений можно сделать выводы о том, кто был прав, а кто виноват, кто был агрессором, а кто защищался, кто был захватчиком чужих территорий и населения, а кто в ходе этой войны терял родину, свой дом, своих родных.

И пусть итоги самой войны никто не оспорит, хотя бы потому, что давно известны победители и проигравшие, но отдельные ее эпизоды, связанные с какими-то сражениями все же можно попытаться реконструировать путем привлечения независимых источников, хроник, летописей, воспоминаний. Попытаться понять, что то, для одних было всего лишь «незначительной», ни к чему не приведшей битвой, для других это блестящая победа, переломившая ход венных действий, не давшая врагу оккупировать земли, города и села, а значит, позволившая остаться свободными на ближайшие десятилетия и даже столетия.

* * *

Одной из таких «незначительных» и нарочно забытых в современной российской историографии битв, которая в свое время оказала огромное влияние на дальнейший ход боевых действий и не дала одной стороне осуществить свои планы полного захвата территорий противника, а другой, наоборот, помогла сохранить себя в качестве независимого государства, является Оршанская битва 8 сентября 1514 года. Во всяком случае, для русских она остается по сей день «неизвестной» и «незначительной», чего нельзя сказать о соседних с Россией странах, таких как Беларусь, Летува и Украина, где Оршанскую битву чтят и помнят как образец военного искусства, мужества и героизма.

Так, например, Оршанской битве посвящена картина, написанная между 1514 и 1530 годами неизвестным автором. Считается, что на одном из фрагментов картины изображен сам художник. Этим, если так можно выразиться «автопортретом», автор показал свою причастность к событию.

Ей же посвящена песня «Бітва пад Воршай»:

Слава Воршы ўжо ня горша
слава ўжо ня горша
Слаўся, слаўся пан Астрожскі
слаўся князь Астрожскі!

В Беларуси принято, пусть неофициально, отмечать 8 сентября как День белорусской воинской славы, эта традиция берет свое начало с конца 1980-х годов. А 8 сентября 1992 года, в годовщину Оршанской битвы, на площади Независимости в Минске белорусские офицеры торжественно приняли присягу на верность стране и народу, спустя всего год присягу на верность Беларуси приняли все армейские части.

На Украине тоже помнят и чтят битву под Оршей, там в честь князя Константина Острожского была выпущена специальная марка, а в Летуве в 2013 году парламент почти единогласно объявил 2014 год юбилейным годом Оршанской битвы в честь победы в битве XVI века над Московией. Эта дата будет отмечаться рядом торжественных мероприятий и выступлений, которые пройдут в стране. В постановлении утверждается, что решение принято с учетом того, что «в следующем году в сентябре исполнится 500 лет с момента исторической победы Великого Княжества Литовского в битве под Оршей и защиты территориальной целостности литовских земель».

> «Победа в битве под Оршей, добытая в защите территориальной целостности Литвы против значительной большей армии (почти в три раза) позволила Литве заключить перемирие, которое почти на 40 лет обеспечило мир в государстве», — говорится в пояснительном письме.

* * *

Так что же такого было в Оршанской битве 8 сентября 1514 года, что ее до сих пор помнят и превозносят одни и старательно обходят стороной (или вовсе «забывают») другие?

Самой битве предшествовали переговоры, когда в феврале 1514 года в Москву прибыл императорский посол Синцен Памер (Шнитценпаумер. — *Ред.*) и заключил договор, по которому земли Тевтонского ордена должны были перейти в подчинение Священной Римской империи (на тот момент эти территории находились в вассальной зависимости от Польши), а города, принадлежавшие ВКЛ, должны войти в состав Великого Княжества Московского. Но еще до того, в ноябре 1512 царь Василий III без объявления войны начал наступление на Великое Княжество Литовское (ВКЛ). Непосредственной целью наступления стал Смоленск.

Профессор С.М. Соловьёв писал в своей работе «История России с древнейших времён»:

«9 декабря 1512 года сам великий князь выступил в поход с двумя братьями, Юрием и Димитрием, зятем, крещеным татарским царевичем Петром с Михаилом Глинским и с двумя московскими воеводами — князьями Данилом Щенею и Репнею-Оболенским; целию похода был Смоленск. Шесть недель стояли под городом, назначили приступ: великий князь дал псковским пищальникам три бочки меду и три бочки пива; они напились и в полночь ударили на крепость вместе с пищальниками других городов, посохи несли примет*; остаток ночи и весь следующий день бились они из-за Днепра и со всех сторон, много легло их от городского наряда, наконец принуждены были отступить, и великий князь в марте 1513 года возвратился в Москву».

Средневооруженная конница ВКЛ конца XV — начала XVI века. Реконструкция Юрия Бохана

Стоит отметить, что московским войскам пришлось совершить три кампании, пока 31 июля 1514-го Смоленск не капитулировал. До самой оршанской битвы с этого момента оставалось совсем немного времени.

* Посохи — посошные люди. Это рекруты, которых набирали с каждой «сохи» (единица землепользования). В московском войске исполняли роль пехоты и вспомогательного персонала. Примет — снаряжение войск для штурма крепости. — *Ред.*

Войну, как мы видим, начали именно московиты (или «русские»), нарушив перемирие. Напали первыми. Именно русские были агрессорами и захватчиками. Но с их точки зрения, если они напали первыми, то уже не агрессоры, а «освободители». А вот если напали на них, то противник — коварный подлый агрессор.

И к вопросу о «русском» городе Смоленске. Думаю, сегодня уже не надо долго объяснять, что до того, как его захватила Москва, он никогда не был «русским». Тем самым, между прочим, снимется вопрос, что за «русские» смоленские полки участвовали в Грюнвальдской битве в 1410 году.

Говоря про Оршанскую битву, стоит отдельно несколько слов сказать и о человеке, благодаря которому она была выиграна. Речь идет о князе Константине Острожском.

Князь Константин Иванович Острожский (ок. 1460—1530) прославился как выдающийся полководец, современники сравнивали его со Сципионом и Ганнибалом. После битвы под Оршей папский легат в Польше писал:

> «Князь Константин может быть назван лучшим военачальником нашего времени, он 33 раза становился победителем на поле битвы ... в бою он не уступает храбрости Ромулу».

Именно князю К.И. Острожскому была посвящена специальная «Похвала великому воеводе, славному и великоразумному гетману, князю Константину Ивановичу Острожскому»:

> «И показал себя князь Константин отважным рыцарем и верным слугой своего господина. О, пречестная мудрая голова, как тебя назвать и похвалить? Бедностью языка своего и слабостью разума моего не могу помыслить, какую славу и похвалу вознести его деяниям!»

Забегая немного вперед, хочется процитировать, что писали летописи в то время о битве и ее итогах. Вот что сообщает, например, «Хроника Литовская и Жемойтская»:

> «А Константин Острозский зараз им дал отпор, мужне сам стоячи на чоле, напоминаючи своих до бою, же сором утекати, бо маете ли гинути по лесах и дорогах, то ж лепше на пляцу лечи з несмертелною славою. А тая война была в пяток на Рожесто Пресвятыя Богородицы и была война великая, бо москвы было пятькрот болш, ниж поляков, руси и литвы. И помогл бог войску полскому и литовскому, иж всю москву наголову побили».

Впоследствии А.Д. Нечволодов в своих «Сказаниях о русской земле» напишет:

> «Такой блестящей победы литовцы (от себя хочется заметить, что православный Константин Острожский тот еще литовец. — *С.Б.*) никогда не одер-

живали над русскими. Они гнали, резали и топили их в Днепре, усеяли телами все окрестные поля и захватили огромнейший полон: Челяднина, Булгакова-Голицу и шесть других воевод, 37 князей, более 1500 дворян, все знамена, пушки и обоз»*.

Теперь перейдем непосредственно к сражению. Оно на самом деле было вершиной воинского мастерства и мужества наших предков, в нем они еще раз доказали, что побеждают не числом, а умением. И по праву долгое время его изучали в Европе как образец грамотного взаимодействия разных родов войск.

После битвы литвинам не удалось вернуть себе Смоленск, но победа в битве под Оршей остановила дальнейшее наступление московских войск на территорию Литвы, разрушила союз против Великого Княжества Литовского между московским князем Василием III и императором Священной Римской империи Максимилианом I. Также была освобождена значительная часть восточных земель ВКЛ, включая города Дубровно, Мстиславль и Кричев. Эта победа в огромной степени способствовала тому, что ВКЛ еще долгое время оставалось самостоятельным государством.

Может быть, именно поэтому битва под Оршей получила у современников такую высокую оценку, но остается неизвестной до сих пор для большинства россиян. Ведь это идет вразрез с официальной пропагандой, которая ежедневно твердит им с экранов телевизоров, что мы «самые-самые», мы всегда и всех побеждали, никогда ни на кого не нападали первыми, а уж тем более не посягали на чужие территории. То есть вели только «справедливые» и «освободительные» войны. А на деле история дает совсем другие примеры, которые «неудобны» и неприятны в нынешней России. Ее реальная история изобилует примерами вероломного нападения на соседей и захвата чужих территорий.

А значит, еще не раз придется россиянину удивленно узнавать, что его взгляд на историю имеет свою противоположность, что для ближайших соседей он является не представителем братского народа и освободителем, но агрессором, захватчиком и оккупантом.

---

* Нечволодов Александр Дмитриевич (1864—1938), генерал-лейтенант российской армии, с 1920 в эмиграции. В 1910-е годы опубликовал «Сказания о Русской земле» в 4-х томах. — *Ред.*

БИТВА ПОД ОРШЕЙ И СИНДРОМ БУЛЬБАША

Александр Класковский

(Интернет-сайт Naviny.By; 2008 г.)

Недавно в Варшаве у могилы Неизвестного солдата я обратил внимание на одну из высеченных в камне дат воинской славы. В соответствии с концепцией мемориала — естественно, их, польской славы: «Орша, 1514».

Ба, да это же воспетая романтиками белорусской национальной идеи Оршанская битва! Ну всё, буквально всё расхватали соседи! Шучу. Вернее сказать — это наши державные мужи, с дипломами сельхозвузов и сталинским «Кратким курсом» в подкорке мозга, всё охотно роздали до крошки.

Между тем в битве 1514 года, надолго остановившей московскую экспансию на земли нынешней Беларуси, польская конница была лишь частью войска победителей. При том что «значительное его число», как гласит даже официальная «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (том 1, с. 187), «составляли белорусские воины». А полководцем, одержавшим победу над втрое большей ратью захватчиков, был, напомню, Константин Острожский — представитель знатного рода, происходившего из пинских и туровских князей.

Увы, наше молодое государство со сколоченной наспех идеологией примитивного авторитаризма бездумно отреклось от богатейшего наследия, легко роздало в монопольное владение соседям или утопило в болоте забвения множество героических дат, исторических свершений, великих имен. Героику прежних эпох, связанную с деяниями и наших предков, охотно эксплуатируют во благо национальной славы поляки и летувисы (конкурируя разве что между собой). Герб «Погоня», висевший несколько лет на Доме правительства в Минске (было, было такое диво, равно как и бело-красно-белый флаг над этим же зданием эпохи конструктивизма!), белорусу сегодня проще всего увидеть на кокардах вильнюсской полиции.

Да еще вскользь, парой фраз в учебниках, упоминаются битвы времен Великого Княжества и прочие события, показывающие нашу землю немного иной, нежели вечно убогий темный край безропотного люда. Но по большому счету белорусам оставили только одну страницу — под казенной аббревиатурой ВОВ, и в первую очередь — безбожно приукрашенную версию партизанского движения. Хотя на самом деле именно эта страница весьма неоднозначна, а вообще репутация белорусов-воинов, ценившихся в советской армии, нарабатывалась столетиями, в том числе и в многочисленных сражениях против экспансии восточных соседей.

Из юношества, видимо, мало кто навскидку припомнит дату битвы под Оршей. Да и мое поколение советских школьников в брежневские времена о ней не слышало. Эту дату подняли на щит в начале 1990-х. Назвали Днем бе-

лорусской воинской славы. В 1992 году в этот день на площади Независимости дали присягу на верность Беларуси группа кадровых военных и несколько тысяч офицеров запаса. Вот было время! Один штрих: на площади тогда стояли вместе такие разные люди, как Николай Статкевич и Виктор Шейман.

А потом начался угар «братской интеграции». (К слову, был еще более дикий вариант формулировки — «славянская интеграция»).

В общем, начался период «единения» с прицелом на кремлевский трон, когда отечественные деятели и государственные СМИ нещадно «мочили» врагов интеграции. Какая там к черту Оршанская битва! Не позволим бросать тень на вековую дружбу и все такое!

Хотя, насколько мне известно, немцы не шлют ноты в Варшаву по поводу празднования победы под Грюнвальдом, а то, что Москва пышно отмечает Куликовскую битву, судя по всему, не коробит татар. Из песни слова не выкинешь.

У нас же в прошлые годы милиция отлавливала и разгоняла молодежь, собиравшуюся на легендарном Крапивенском поле под Оршей попеть у костра патриотические песни. Действительно патриотические, на матчынай мове, про нашу историю без имперской начинки. За это, короче, волокли «у пастарунак».

А теперь уже вроде как и высокому нашему начальству не грех опереться в противостоянии со «встающей с колен» империей на нечто более существенное, оригинальное, нежели кастрированная совковая история. Но духу не хватает. Это же корона свалится — признать, что «отморозки», предрекавшие превращение «братской интеграции» в глубокую яму, были в принципе правы!

Хотя — самое время приподняться над примитивным сведением политических счетов. Время консолидировать общество, лепить из атомизированного «лихтората» нацию. Причем речь не о том, что, вот, давайте теперь дружно нагнетать антироссийскую истерию! Да и не получится, даже если бы кто-то очень захотел. Не тот у нас народ.

Просто надо взять назад свою историю. Поменять на государственном уровне отношение к языку титульной нации, к исконным символам. По крупицам конструировать белорусскость (причем не сводя все к вопросу матчынай мовы — но это отдельная большая и деликатная тема).

Помните, как все «выпали в осадок», когда государственные СМИ впервые относительно корректно подали тему Белорусской Народной Республики? Можно, оказывается, без примитивных ярлыков, а напротив, с гордостью за тот романтический (и, увы, обреченный тогда) взлет национального духа.

Но говорить, что лед тронулся, рано. Вон дореформировали школу до того, что из программ вылетел к чертовой бабушке курс истории Беларуси. Право, я другой такой страны не знаю (да еще во главе с президентом-историком!).

И вообще, слишком многие у нас пока охотно отзываются на колониальную кличку «бульбаш» — и даже славят ее в песнях и напитках.

ПЕРАМОГА Ў БІТВЕ ПАД ОРШАЙ РАЗБУРЫЛА ПЛАНЫ ПЕРШАГА ПАДЗЕЛУ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ

Марат Гаравы,
(газета «Новы час», 7 верасня 2014)

Перамога ў Аршанскай бітве 8 верасня 1514 года скасавала планы вялікага князя маскоўскага Васіля III і нямецкага імператара Максіміліяна I па геапалітычнаму падзелу Усходняй Еўропы, заявіў 6 верасня ў Мінску прафесар Анатоль Тарас на навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю перамогі пад Оршай.

Паводле ягоных слоў, гэтая перамога не толькі засведчыла, як трэба бараніць Бацькаўшчыну ад чужынскай навалы, але і дапамагла разваліць кааліцыю Свяшчэннай Рымскай імперыі германскай нацыі, Тэўтонскага ордэну і Вялікага Княства Маскоўскага, якія хацелі знішчыць незалежнасць Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, каб уключыць яго ў склад Маскоўскай дзяржавы.

Сярод тых цікавых знаходак, што дапамаглі камандуючаму саюзным войскам ВКЛ і Польскай кароны, найвышэйшаму гетману Літоўскаму, князю Канстанціну Астрожскаму перамагчы маскоўскае войска пад Оршай, Анатоль Тарас назваў дэзінфармацыю праціўніка, навядзенне першых у еўрапейскай вайсковай гісторыі наплаўных мастоў на бочках, якія дазволілі правесці патаемную і хуткую начную пераправу праз Дняпро, прадуманую расстаноўку войскаў, першае ва ўсходняеўрапейскай гісторыі прымяненне на полі бою артылерыі і пяхоты з ручной агнястрэльнай зброяй, ваенную хітрасць — агнявую засаду ў гаі з 10 гарматаў і 200 стралкоў з аркебузамі, псіхалагічны фактар — эмацыйны выступ князя Канстанціна перад бітвай, а таксама сістэматычныя манёўры сваімі войскамі.

Увогуле, сярод прычынаў перамогі нашых продкаў Анатоль Тарас назваў адзінства камандавання, сканцэнтраванага ў руках вопытнага ваяра, якім быў князь Канстанцін Астрожскі, зладжанае ўзаемадзеянне пяхоты, конніцы і артылерыі, а таксама належную ролю, што надаваў камандуючы вайсковай выведцы.

Дарэчы, да юбілею славутай бітвы Анатоль Тарас падрыхтаваў 160-старонкавую добра ілюстраваную кнігу «Орша, 8 сентября 1514 года» з серыі «Невядомая гісторыя», надрукаваную мінскім выдавецтвам «Харвест» накладам 3 тысяч паасобнікаў.

Вядомы беларускі гісторык Алег Трусаў адзначыў, што за гады незалежнай Беларусі пра Аршанскую бітву пішуць і ведаюць усе плыні беларускага грамадства, незалежна ад іх палітычных поглядаў. Прычым, прадстаўнікі розных плыняў грамадства даюць бітве пад Оршай сваю адпаведную ацэнку.

Гісторык звярнуў увагу на тое, што ў восьмым нумары часопіса «Мастацтва Беларусі» за 1990 год разам з доктарам гістарычных навук, прафесарам Анатолем Грыцкевічам яны ўпершыню прадставілі беларускаму чытачу рэпрадукцыю карціны невядомага мастака «Бітва пад Оршай» памерам 162 × 232 см, напісанай алеям на дошцы.

Дарэчы, нямецкія і польскія даследчыкі прыпісваюць аўтарства карціны вучню нямецкага жывапісца Лукаса Кранаха Старэйшага, некаторыя называюць аўтарам нямецкага мастака Ханса Крэла. А вядомы беларускі мастак Мікола Купава пераканаўча сцвярджае, што аўтар карціны — з Беларусі і напісаў яе па замове князя Канстанціна.

Трэба мець на ўвазе, што аўтар быў сведкам бітвы, бо на творы шмат дэталяў, якія мастак меў мажлівасць адлюстраваць, калі на ўласныя вочы бачыў ходу падзеі.

Карціна, якую трэба разглядаць фрагментамі справа налева і зверху ўніз, знаходзіцца ў Нацыянальным музеі ў Варшаве і датуецца прыкладна 1520—

Анатоль Тарас

Андрэй Кіштымаў

1530 гадамі. Аднак твор страціў адну пятую частку сваёй плошчы з-за таго, што быў абрэзаны зверху, з левага і правага бакоў.

Як зазначыў Трусаў, на гэтай карціне ўпершыню ў гісторыі выяўленчага мастацтва пададзена выява беларускага замка — Аршанскага, што якраз сведчыць пра месца, дзе адбывалася гістарычная баталія.

Разам з тым, аршанскі краязнаўца Юрка Копцік выказаў сумнёў у тым, што бітва адбылася менавіта на левым беразе ракі Крапіўна. У якасці аргументаў ён прывёў наступнае: правы бераг Крапіўны больш прыдатны для бітвы, чым левы з ягоным складаным рэльефам, пасечаным глыбокімі ярамі і стромкімі схіламі; пра гэта таксама сведчаць глухія паданні, што засталіся ў памяці мяс-

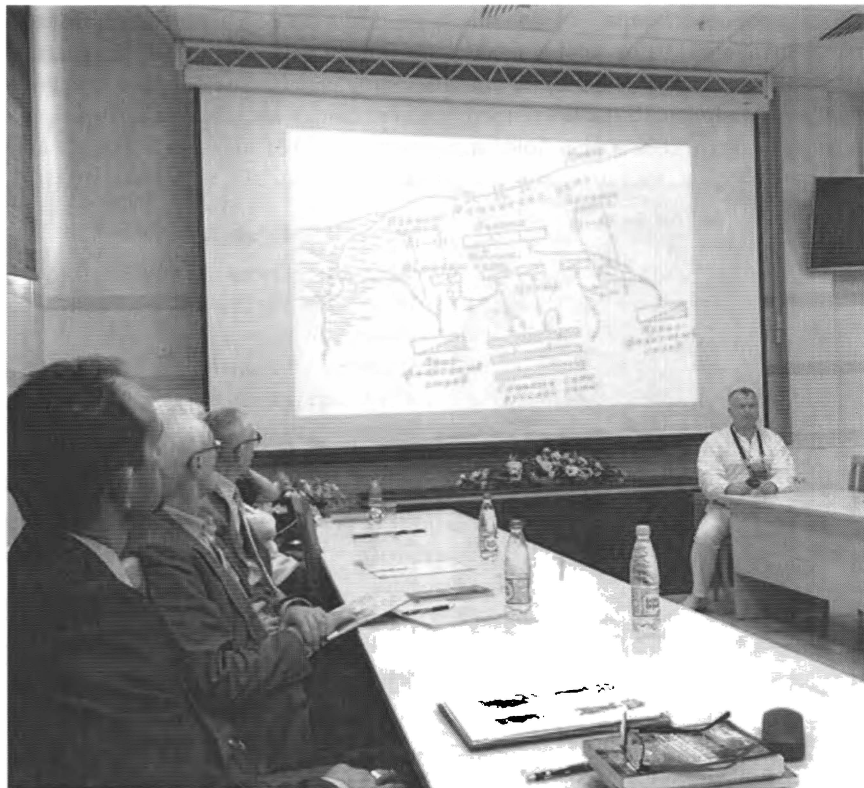

Ігар Мельнікаў

Віктар Ляхар

цовых жыхароў; адмысловых археалагічных даследаванняў поля бітвы ніхто не праводзіў, а ўсе выпадковыя рэліквіі, што адносяцца да гэтай слаўнай гістарычнай падзеі, выяўлены на правым беразе Крапіўны і знаходзяцца ў школьных музеях гэтага рэгіёну Віцебшчыны.

Дарэчы, на ўсіх расійскіх мапах гэтай баталіі, пачынаючы з першай, апублікаванай у 1878 годзе Мікалаем Галіцыным, месца Аршанскай бітвы паказана на правым беразе Крапіўны.

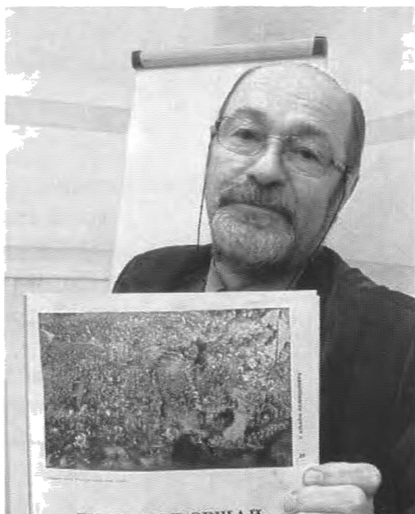
На думку дактаранта культуралогіі Ірыны Шумскай, буйное святкаванне 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў рэзка кантрастуе з поўнай адсутнасцю цікавасці да 500-годдзя бітвы пад Оршай з боку афіцыйных структур. Яно і зразумела: значнасць Аршанскай бітвы наўмысна змяншаецца, каб увесь прапагандысцкі імпэт скіраваць на перамогу ў Другой сусветнай вайне і далейшай пабудове дзяржаўнасці пад «чулым кіраўніцтвам» з боку «старэйшага брата». Тым больш, што 500-годдзе бітвы пад Оршай вельмі «нязручнае» для гістарычнага іміджу ўсходняга суседа, які

прызвычаіўся з кожнай шчыліны крычаць пра свае вялікія перамогі і адначасова «забываць» пра не менш вялікія паразы.

І ў гэтым прасочваецца непрыхаваны і досыць сур'ёзны выклік для нас — беларусаў. Бо пакуль мы будзем з мазахісцкай радасцю працягваць эксплуатаваць вобраз надзвычай памяркоўнага народа, які выжыў у мностве войнаў і выцярпеў шмат гора і пакут, жыць па-сапраўднаму, з годнасцю, воляй і на поўную моц, наша краіна будзе хіба толькі ў папулярным і, што таксама паказальна, фактычна забароненым сёння закліку: «Жыве Беларусь!» — падкрэсліла Ірына Шумская.

Ірына Шумская

Алег Трусаў дэманструе выяву карціны «Аршанская бітва» з часопісу «Мастацтва Беларусі» №8 за 1990 год

НОВЫЯ ВЫДАННІ ПРА АРШАНСКУЮ БІТВУ

Грыцкевіч А.П. **Сцягі Оршы: Гістарычны нарыс.** Мінск: выдавец А.М. Вараксін, 2014. — 64 с. (Наклад 500 асобнікаў).

Брошюра малого формата, отпечатанная на глянцевой бумаге и с цветными репродукциями. Она является повторением статьи того же автора «Бітва пад Оршай 8 верасня 1514 г.», опубликованной еще в 1992 году в журнале «Спадчына» (№ 6). Не появилось ни одной новой мысли, не добавлено ни одного нового факта.

Друдж П. **Бітва пад Оршай 1514 года.** /Пераклад з польскай мовы/ Мінск: выдавец А.М. Янушкевіч, 2014. — 216 с. (Наклад 600 асобнікаў).

Это перевод книги, опубликованной 2000 году издательством «Bellona» в серии «Великие битвы». Книга написана в типичном для польской историографии духе восхваления героизма и воинского мастерства польского войска независимо от эпохи и результатов боевых действий.

Основное внимание автор уделил описанию вооружения, особенностей формирования и тактики действий различных категорий польского воинства. Войско ВКЛ изображено отсталым во всех отношениях. Рассказ о самой битве занял в книге менее 16 страниц (7 % объема). Автор ни одним словом не отметил искусное командование наивысшего гетмана ВКЛ князя К.И. Острожского — главного героя сражения.

Остается только строить предположения, на чьи деньги и с какой целью спадар А.М. Янушкевич выпустил эту «агитку», пронизанную духом презрения к предкам беларусов.

Орша 1514. // Польский журнал «Mowia wieki», 2014, № 4. — 96 с. (Тираж 1000 экземпляров).

Журнал отпечатан на глянцевой бумаге, в нем много иллюстраций, в т.ч. цветных. Материалы сгруппированы в 4 раздела: Стороны конфликта (3 статьи); Военное искусство эпохи (3 статьи); Кровь и пропаганда (4 статьи); Участники событий (4 статьи).

Самая объемная статья «Битва под Оршей. Силы, сражение, потери» (с. 45—54) принадлежит перу А.Н. Лобина. Ее содержание и выводы повторяют те факты и выдумки, которые он привел в своей книге, опубликованной в 2011 г. Ничего нового. Критику в свой адрес (а ее было немало) автор проигнорировал.

А. Болдырев в статье «Визуальный отчет с поля битвы» (с. 58—61) повторил старую ошибку польских авторов, указавших место битвы на левом

берегу Крапивны, тогда как в действительности она происходила на правом берегу.

Чем действительно хорош спецвыпуск журнала, так это полиграфией.

Тарас А.Е. **Орша, 8 сентября 1514 года.** Минск: издательство «Харвест», 2014. — 160 с. (Тираж 3000 экземпляров).

Книга была издана в мае 2014 г. В ней 8 глав: Из истории конфликта; Начало очередной войны в 1512 г.; Первый этап войны (1512—1514 гг.); Битва под Оршей (41 стр.); Второй этап войны (1515—1520 гг.); Перемирие 1522 года и последующие события; Память; Споры о значении битвы.

Книга, по сравнению с другими публикациями, дает наиболее полное описание всей войны, в том числе Оршанского сражения. Но и этот автор не избежал ошибок, самой досадной среди которых является локализация места битвы на левом берегу Крапивны.

ЗМЕСТ

Предисловие составителя-редактора 3

ЧАСТКА І. РЭФЕРАТЫ

А. Тарас. Битва под Оршей в контексте политики и войны 5
В. Титов. Оршанская битва: история и идеология 21
А. Киштымов. Оршанская битва: по ту сторону исторического фронта 34
А. Трусаў. Аршанская бітва ў сучаснай гісторыі (па матэрыялах падручнікаў) 41
Ю. Копцік. Праблема лакалізацыі Аршанскай бітвы 1514 г. 48
М. Голденков. Потери Московского дворянства в битве под Оршей 64
М. Купава. Дакументальнае сведчанне Аршанский битвы: карцина пачатка XV стагоддзя 74
В. Ляхор. Доспех и вооружение, костюм и стяги войска ВКЛ в битве под Оршей 81
І. Мельнікаў. Аршанская бітва 1514 года: погляд з Варшавы 94
Я. Паўловіч. Бітва на ростанях цывілізацый... 99
І. Шумская. Хісткі грунт гістарычнай свядомасці беларусаў 107
А. Астапенка. Князі Астрожскія і беларуская нацыянальная ідэя 111

ЧАСТКА ІІ. ПЕРАДРУКІ

И. Боричевский. Орша 122
Н. Голицын. Война 1512—1522 гг. и битва под Оршей 126
А. Ярушевич. Князь Острожский и война 1512—1522 гг. 136
Е. Разин. Бой под Оршей в сентябре 1514 г. 153
З. Жигульский-мл. Картина анонимного художника «Битва под Оршей» 157
В. Чаропка. Поле славы 1564 года 185
А. Казаков. Охота на «Оршанский миф» 192

ЧАСТКА ІІІ. ПАМЯЦЬ

Е. Борель. Битва под Оршей — блестящая победа, от которой нельзя отказываться 203
С. Борисов. Битва под Оршей — великая и «неизвестная» 208
А. Класковский. Битва под Оршей и синдром бульбаша 214
М. Гаравы. Перамога ў бітве пад Оршай разбурыла планы першага падзелу Усходняй Еўропы 216

Новыя выданні пра Аршанскую бітву 221

ЗАПІСЫ
ТАВАРЫСТВА АМАТАРАЎ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ
ІМЯ ВАЦЛАВА ЛАСТОЎСКАГА

Выпуск 4
Бітва пад Оршай. 1514—2014

Складальнік і рэдактар *Анатоль Тарас*
Адрас для ліставання: aetaras@tut.by

Падпісана ў друк 14.10.2014
Гарнітура «Minion Pro». Фармат 108 × 84 $^{1}/_{32}$
Ум.-друк. л. 7,0. Ул.-выд. л. 14,5.
Наклад 120 асобнікаў

Выдаўца:
Baltkrievijas Vestures un Kulturas Instituts
(г. Рыга, Латвія)

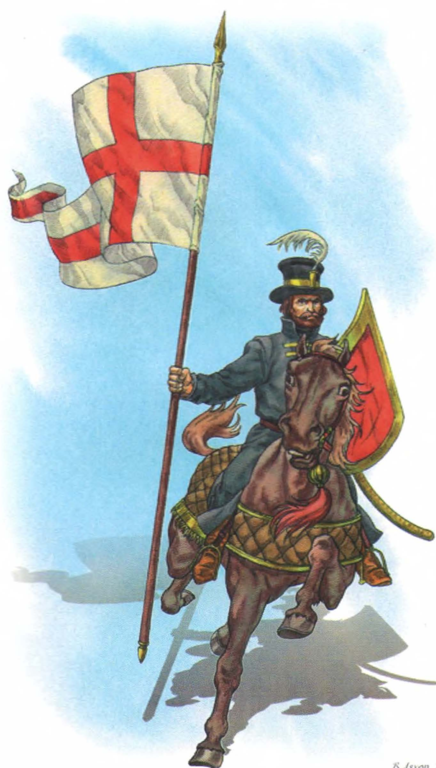
6

7

8

В.Ляхор 2014г.

9

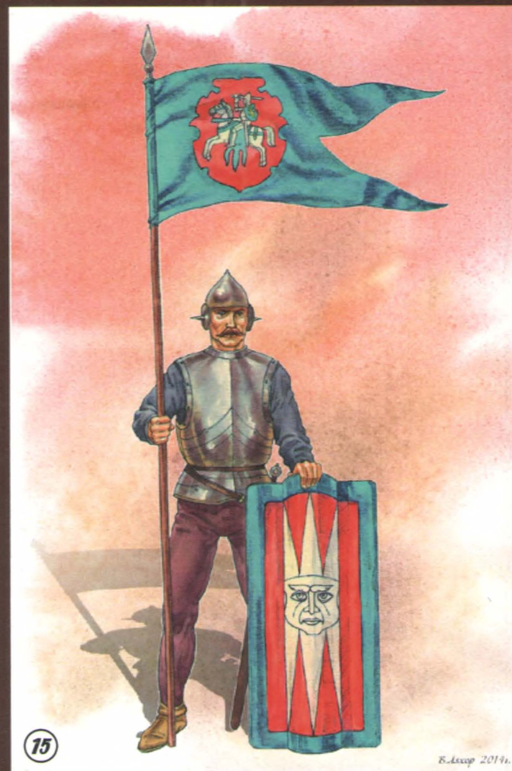
10

ISBN 978-9984-897-13-4
9 789984 897134